

ГЛЕН КУК

ПОЗОЛОЧЕННЫЕ ЛАТУННЫЕ КОСТИ
•
КОВАРНОЕ БРОНЗОВОЕ ТЩЕСЛАВИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

Глен Чарльз Кук

Позолоченные латунные кости. Коварное бронзовое тщеславие

Серия «Звезды новой фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69740911

*Позолоченные латунные кости. Коварное бронзовое тщеславие : романы, повесть / Глен Кук ; пер. с англ. К. Егоровой, К. Королева, А. Овчинниковой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, : Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-23979-1*

Аннотация

Немало таинственных преступлений довелось распутать частному детективу Гаррету в городе Танфере, столице королевства Карента, где, кроме людей, живут эльфы, гномы, гоблины, вампиры, колдуны и прочая, и прочая. И хочется ему уже остепениться, зажить безмятежной жизнью, вот только непохоже, чтобы этого желала судьба. В романе «Позолоченные латунные кости» перед бывшим грозой паранормального криминалитета встает выбор: самому разыскать злодеев, пытавшихся похитить его любимую женщину и напавших на его лучшего друга, или предоставить это полиции. Может, он и предпочел бы второй вариант, но дело совсем не

выглядит легкораскрываемым. И как быть с тем, что глава танферской мафии Белинда Контагю уже начала параллельное расследование? В романе «Коварное бронзовое тщеславие» Гаррет готовится к свадьбе с богатой красавицей, наделенной магическими способностями. Но в приданое к любимой ему предстоит получить ее семью: язвительную несовершеннолетнюю дочь, странного отца и чудовищную бабулю, известную на весь Танфер Метательницу Теней. И это означает, что вопреки своему желанию Гаррет должен принять участие в Турнире мечей, на котором сражаются маги – пока в живых не останется только один.

Содержание

Позолоченные латунные кости	7
Конец ознакомительного фрагмента.	301

Глен Кук
Позолоченные латунные
кости. Коварное
бронзовое тщеславие

— ❦ —
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

Glen Cook

GILDED LATTEN BONES

Copyright © 2010 by Glen Cook

SHADOW THIEVES

Copyright © 2011 by Glen Cook

WICKED BRONZE AMBITION

Copyright © 2013 by Glen Cook

All rights reserved

Перевод с английского Ксении Егоровой, Кирилла Королева, Анны Овчинниковой

© К. С. Егорова, перевод, 2015

© К. М. Королев, перевод, 2023

© А. Г. Овчинникова, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

Позолоченные латунные кости

1

Уже давно все неизменно начиналось с красивой женщины у дверей, иногда среди ночи. На этот раз так все закончилось. Вот и хорошо. Я больше не вел разгульный образ жизни. Для меня существовала лишь одна красивая женщина. И она находилась по эту сторону дверей.

Тинни Тейт. Тинни изменила мою жизнь до неузнаваемости.

Тинни пустила слух: Гаррет, самый удивительный образчик бывшего морского пехотинца, больше не входит в число серьезных игроков Танфера, что бы это ни значило. Сыночек матушки Гаррет стал благочестиво моногамным. Теперь он приберегал свои обширные профессиональные навыки для пивоваренной империи Вейдера и, что важнее, для Объединенной производственной компании. Человек этот уже не отправлялся на зловещие улицы в неурочный час, что весьма многих обрадовало, а незначительной группе лиц отнюдь не пришлось по душе.

Неудачникам на краю кормушки и паразитам очень нравился новый Гаррет. Он больше не вмешивался в их жизнь.

Совсем по-другому обстояло дело для рабочих в пивоварнях и на производстве. У Гаррета вошло в привычку появляться как раз тогда, когда некоторые низкооплачиваемые и недооцененные гении собирались увеличить свой доход, экспроприировав собственность компании.

Моя удивительная новая жизнь.

2

В се и правда началось среди ночи с красивой женщины – сногшибательной рыжеволосой чертовки, которая считала заурядными всех, кроме собственной особы.

Она ткнула меня в бок тщательно отточенным ногтем:

– Проснись, Мальскуандо.

– Что? Опять? Хочешь побить рекорд?

– Завтра ночью поработаем над этим. А пока у нас другая проблема. Там внизу кто-то есть.

Мы жили в двухэтажной квартире, которую урвали в редко используемом флигеле мануфактуры.

Внизу что-то застучало, раздались неразборчивые грозные возгласы и проклятия.

Я окончательно проснулся. В голове кишели темы, которые я мог предложить для обсуждения, как только мы отделаемся от помехи – какой бы она ни была. Например, можно будет поговорить о том, что ничего подобного бы не случилось, свей мы гнездышко не здесь, а в моем доме.

Выбираясь из постели, я чувствовал себя жидким. Молча растекался. Но схватил свою дубовую дубинку, с которой никакие женские доводы и нытье не заставили меня расстаться.

Вооружился я как раз вовремя.

Дверь спальни со слабым скрипом отворилась.

Я стоял за ней наготове. Вошедший злодей нес лампу с прикрытым колпачком. Ее света было достаточно для того, кто привык к темноте. Я увидел, что Тинни лежит на кровати, почти отбросив одеяло, без одежды, и, кажется, спит. Должен признаться – зрелище впечатляющее.

К счастью, я уже такого навиделся, и меня это не отвлекло. Отвлекло, конечно, но не очень.

– Здесь что-то не так, Бутч.

Тот, кто это прошептал, просунулся в дверь настолько, что продемонстрировал почти лысый затылок.

Я воспользовался случаем и саданул этого крота. Он рухнул. Я ринулся за дверь – и уставился на двенадцать фунтов острой как бритва стали. Я даже представить себе не мог, на что способен такой большой меч. Глаза за этим стальным монстром принадлежали тому, кто пребывал отнюдь не в благодушном настроении. Вряд ли даже в здравом уме.

Тинни раскрыла все свои достоинства, самонадеянно афишируя, какой же Гаррет везунчик. Глаза, не ведающие милосердия, не пропустили этих чудес, едва увидели их.

Бам! Клинок отбит в сторону. Трах! Крепкий удар по виску.

Полминуты, чтобы убедиться: злодей не встанет и не двинется на нас.

– Шалава.

– Как самочувствие, крепыш?

Тинни что-то накинула на себя. И стала просто обещанием, а не голой правдой.

– Я его уложил.

– Конечно уложил. Просто маленькая страховка.

– Будет что рассказать внукам.

– Гаррет, какого черта здесь происходит? Ты куда-то вляпался? Ты же обещал. Во что ты влез?

– Ни во что. Разве у меня был шанс?

Такова цена нашей моногамии. У меня больше не осталось жизни, в которой не участвовала бы Тинни, и мне не полагалось хотеть иного – так она интерпретировала моногамию.

Тинни – рыжая от природы, более склонная к проявлению эмоций, а не здравого смысла. Однако она припомнила, что наша договоренность и впрямь не оставила мне времени впутываться в приключения, которыми я, бывало, наслаждался.

– Не знаю, верю ли я тебе, но рискну и положусь на твое слово.

– Благословят тебя боги. У меня изумительная идея. Может, вместо того чтобы разжигать споры, позволяя воображению уносить тебя невесть куда, спросим наших гостей, что их сюда привело?

Тинни хмыкнула.

Она может быть благоразумной. Просто это случается не слишком часто.

3

Ночные искатели приключений не захотели поделиться с нами своей историей. Ни один не проронил ни слова. Тинни установила пределы тому, насколько энергично я могу задать тон беседы, и не позволила мне учинить шумное разбирательство. В таких вопросах она могла быть упрямой.

Тинни настояла на том, чтобы отрядить племянника из ночной смены: пусть сбегает в городскую тюрьму Аль-Хар и приведет отряд самозванной полиции Танфера.

Отряд отозвался, услышав фамилию Тейт.

Если бы мальчишка назвал мою фамилию, жестяные свистульки могли бы проковыряться несколько недель. Тейты имели друзей среди тех, кто считает, что закон и порядок хороши для коммерции. У них такие деньги, которые, стоя на задних лапах, завывают, требуя немедленного внимания.

Красные фуражки едва не затоптали друг друга, ворвавшись во флигельную пристройку, где Тинни устроила наш дом.

Таково было ее понятие о компромиссе. Она не хотела жить в моем доме. Я же наотрез отказывался быть втянутым в фамильный улей Тейтов, чтобы меня там не превратили в

трутня.

– На Макунадо-стрит этого бы не случилось, – заметил я. – Они бы даже не переступили порог. Если бы только Старые Кости не вздумал с ними поиграть. И мы бы уже знали, зачем они сюда пожаловали.

Говорят, женщины меняются, как только втягивают и больше не выпускают коготки. Я бы не осмелился высказать свое заключение специалиста. Но могу признаться, что, когда мы с Тинни были всего лишь хорошими друзьями, она без проблем проводила время у меня, даже если Покойник бодрствовал.

Тинни не обратила внимания на мои слова. Она была занята тем, что заключала соглашение со слугами закона. Не обращала она внимания и на наших пленников. У этих двоих тоже будет что порассказать внукам. Если им повезет. Если случится чудо и ударит молния, они ускользнут от работы в трудовом лагере, который в данный момент казался их неминуемой судьбой.

Краснофуражечников возглавлял жестяная свистулька по имени Косс. Он очень высоко ценил одну рыжую. Но они вовсе не были друзьями. Большинство законников не доверяют даже друг другу. Однако, если не считать слабости к рыжеволосым, он был надежным и рассудительным.

– Я не понимаю, мисс Тейт, – сказал Косс. – Вы все еще вместе с этим известным асоциальным типом?

– Он как бородавка. От него трудно избавиться. И он име-

ет некоторую развлекательную ценность. Но сейчас я была бы очень благодарна, если бы вы забрали этих граждан и выяснили, почему они нарушили мой покой.

Косс издал несчастный звук и осмотрел злодеев. Они только начинали осознавать свои безрадостные перспективы. Мне не показалось, что эти двое пьяны. Может, накурились, когда решили, что все это хорошая идея.

Похоже, они были братьями.

Старший пробормотал:

– Мы спеклись.

Это единственное, что они пока сказали. Они не просили, чтобы их отпустили, используя смехотворную логику и оправдания, какие обычно пускают в ход подобные недоумки.

– Необязательно, друг мой, – ответил Косс. – Как офицер Гвардии Танфера, я располагаю определенной свободой действий. Вы можете выпутаться из ситуации, отделавшись синяками. Однако, если будете упрямиться, держу пари, вы проведете время в «Бледсо», поправляя здоровье. А потом потратите несколько лет, помогая осушать Маленькое унылое болото.

– Черт! – без особого энтузиазма сказал бандит помладше. – Лучше убейте нас сразу.

– Легких выходов не бывает, мальчишки. Вы поступили плохо и должны решить: как хотите заплатить свой долг перед обществом? – развлекался Косс.

Вопрос был риторическим. Злодеи и не пытались ответить. Теперь эти потерянные души блуждали в пустыне отчаяния.

– Наверное, они могли бы найти способы сотрудничать, если бы сейчас признались. Так ведь, старший лейтенант? – спросила Тинни.

Я изучающе присмотрелся к Коссу. И верно, щеголяет лейтенантскими звездочками. Он перепрыгивал через ступеньки лестницы закона и порядка.

Этот человек проявлял способности, помимо грез о рыжухах. Он мог убедить преступников положиться на него и тем самым добивался своей цели. И они делали его счастливым, подстрекаемые намеками, будто он может дать им то, чего они горячо желали: путь на волю.

– Джентльмены, вы должны мне кое-что. Я знаю, вы не глупы.

Неприкрытая ложь.

– Вам известно, как работает система. Вы отправитесь в тюрьму Аль-Хар, потому что я не могу вас не забрать. Придется проверить, нет ли вас в розыске за совершение чего-нибудь отвратительного. Если за вами не числится крупных преступлений, сможете уйти на своих двоих.

В цепях, по направлению к болоту.

– Мы действительно выпускаем людей, чтобы побуждать остальных к сотрудничеству. Пока мы имеем дело со вскрытым замком и хозяевами, которые не рады, что их разбудили

среди ночи. Итак, почему бы вам не рассказать, что к чему?

Старший брат решил рискнуть. Приговор к осуществлению проекта по Маленькому унылому болоту был равносильным смертному приговору. Некоторые заключенные, может, когда-нибудь и отмотают там свой срок. Пока это никому не удалось. Но проект существовал не так уж долго.

– Нам полагалось схватить женщину и доставить ее кое-куда. Парня здесь не должно было быть. Если бы он тут оказался, нам полагалось треснуть его по башке и смотаться. Вместе с ней.

Это пробудило всеобщий интерес. Никто не ожидал, что мишенью была Тинни.

Косс умел задавать впечатляюще очевидные вопросы:

– Зачем?

Пожатие плеч.

– Нам платят не за то, чтоб мы спрашивали.

– Вам заплатили?

Жестяные свистульки посмотрели на меня так, будто я знал, из-за чего весь сыр-бор.

– Разбирайтесь с ним, – проворчал я. – Это у него есть ответы на вопросы.

Последовал один из таких ответов:

– Сорок процентов. Остальное после доставки.

– Позволь уточнить.

У Косса были проблемы с тем, чтобы уложить услышанное в голове.

– Вас наняли похитить мисс Тейт.

– А разве я не в этом вот только что признался?

– Признался. Да.

Косс не оскорбился, не заспорил, каким бы бессмысленным ни было заявление злодея.

– Кто мог так жаждать компании мисс Тейт, что он (или она) заручился вашей поддержкой, чтобы устроить с ней свидание?

Плохие парни нахмурились, обмозговывая вопрос. Младший таки справился и ответил:

– Нас нанял Джимми Два Шага.

Я мрачно посмотрел на Тинни. Я был совершенно не в курсе, кто такой Джимми Два Шага.

Мы переглянулись со слугами закона, приподняв брови. Они тоже не знали Джимми.

Даже Тинни заявила:

– Не знаю я никакого Джимми!

Загадки. Сплошные загадки. Невероятные сплошные загадки.

Так все всегда и начиналось. С путающейся под ногами жаркой красоти. Но Тинни? Обычно это была прелестная девица с той стороны забора, где трава зеленее.

«Это не начало дела, а простая случайность», – сказал я себе.

Но и щелканье каблуками меня не убедило.

Выдав Джимми Два Шага, братья больше ничего нам не рассказали. Множество умных вопросов было задано впустую.

– Забери этих парней в вашу контору, – сказал я Коссу. – Завтра я проверю свои старые контакты, посмотрю, не знает ли кто-нибудь, где найти Два Шага.

Тинни испепелила меня взглядом, потому что являлась частью подтекста сказанного мною. Я не почувствовал жара.

После того как братья обронили имя, они только и делали, что скулили – дескать, знают Джимми лишь потому, что пили с ним в забегаловке под названием «Книжная лавка Райзина».

Мне был знаком этот закуток. Самый низкопробный из всех низкопробных баров. Именно в таком месте и должны были болтаться наши ночные посетители. Никто не знал, почему забегаловка называется «Книжной лавкой». И если какой-то Райзин некогда был к ней причастен, то настолько давно, что и об этом никто ничего не помнил.

– Гаррет, оставайся в роли телохранителя, – сказал Косс. – Если снова начнешь с того, на чем бросил, ты выяснишь, как много разучился делать. Мисс Тейт? Он под вашей опекой. Продолжайте напоминать ему, что в наши дни с такими проблемами справляется Гвардия Танфера.

– Я так и сделаю.

Даже не сомневался, что она будет напоминать – часто и решительно.

Мой врожденный цинизм меня подвел. В последнее время жестяные свистульки действовали на удивление эффективно. Я поверил лейтенанту на слово, думая, что Гвардия и правда разгребет это дельце через день или два.

– Хорошо. Выполняйте свою работу. Только не оставляйте нас в подвешенном состоянии. Дайте знать, почему эти кретины охотились на Тинни. На случай, если нужно приготовиться развлечь еще один выводок олухов.

Тинни бросила на бедного Косса взгляд, заставивший того забыть, что он уже несколько лет состоит в счастливом браке с замечательной, но обычной женщиной.

– Я это сделаю, – пообещал он. – Не сомневайтесь.

Как только я вернулся, убедившись, что наши гости покинули дом, Тинни врубила жар в департаменте отвлекающих маневров.

– Дорогой, я знаю, что ты собираешься сказать.

– Я собираюсь спросить, почему праздничный гусь в жаровне обычно бывает одет плотнее, чем ты сейчас.

– Тебя не одурачишь.

Еще бы! Зато она смогла чертовски хорошо меня отвлечь, после чего у меня не осталось возражений.

Я лежал, погруженный в раздумья, пока не очнулся в разгар следующего утра.

– Помнишь прошлую ночь? – спросил я.

Тинни пыталась приготовить завтрак. Очень старательно. Она жаждала заняться благотворительностью. В ее арсенале отвлекающих маневров ничего больше не осталось. К сожалению, ей куда лучше удавалось аппетитно выглядеть, чем аппетитно готовить.

– Да. Угу. Я помню.

Ха! Нервничает. Может, даже чувствует себя слегка виноватой, хотя сами инквизиторы Гвардии не заставят ее в этом признаться.

– Колбаски вкуснее, чем выглядят, – поклялась она. – И тост будет прекрасным, если ты немножко поскоблишь его ножом.

– Кип Проуз был одержим желанием готовить идеальные тосты.

Но я на это не упирал. Она взяла в качестве образца один из тостов Кипа и в результате сожгла этот.

– Я просто хочу нормальную жизнь.

Я не ответил. Пусть спорит сама с собой. Конечно, молчание – лучшая тактика в подобных ситуациях в четырех случаях из пяти. Я позволил ей болтать о чем вздумается.

Тинни выдохлась. Сердито уставилась на меня. Потом обрела второе дыхание.

– Черт возьми, Гаррет! Я знаю, о чем ты думаешь. Это не за тобой приходили головорезы. Они приходили за мной.

Ей стоило усилий произнести это. Заставить кого-нибудь из Тейтов признаться в своей ошибке, пусть не напрямую, – такое явление встречается реже, чем зубы у курицы. И наверняка оно более драгоценно. А если признание делается без понуканий, добровольно – это просто несравненная редкость.

Я не сдавал позиций, держа на замке свой большой глупый рот, – искусство, которое давалось мне нелегко. Овладей я им много лет назад, я смог бы уберечься от стольких неприятностей!

– Хорошо! Ты прав! Такого никогда бы не случилось, если бы я не настояла, чтобы мы жили здесь. Покойник разобрался бы с этими идиотами раньше, чем они успели бы расковырять дверь.

Возможно, они бы вообще не добрались до двери. На свете мало настолько глупых людей, чтобы рисковать связываться с Покойником. Злодеи схватили бы Тинни где-нибудь в другом месте. Сделали бы все, чтобы девушка бесшумно исчезла. Они в любом случае должны были поступить именно так. Зачем пытаться схватить ее здесь, ночью, когда есть все шансы, что я впутаюсь в дело?

Они и хотели, чтобы я впутался. Должны были хотеть. Или этого хотел тот, кто их послал, – кем бы он ни был. Ха! Бутча и его брата не очень хорошо проинструктировали, от-

правляя захватить дикую рыжулю.

Может, Джимми Два Шага и сам понятия не имел, чего следует ожидать.

Именно так бы я и поступил, если бы занимался разбойным промыслом, – я бы сделал Джимми своим связным.

Я умял тост и колбаски – и не подавился. Сделал расслабляющий выдох и объявил:

– Собираюсь навестить Синдж и Покойника.

Тинни перестала звенеть кастрюлями.

– Синдж не знает Два Шага, но ее брат может знать, – продолжил я.

– Ты обещал лейтенанту Коссу не вмешиваться.

– Покойник может подсказать, что я упускаю.

– Ты дал слово.

– А еще загляну к Морли спросить, что он об этом думает.

Морли Дотс – мой лучший друг.

– Гаррет, ты не...

– Он сумеет распространить весть, что связываться с моей девушкой номер один вредно для здоровья.

Тинни сделала глубокий вдох. Все было завязано на ней. Дальнейшие споры выставили бы ее мелочной.

Сработало и то, что в прошлом она трепетно заботилась о себе.

– Думаю, теперь никто за тобой сюда не явится.

У Тинни была уйма родственников-мужчин призывного возраста. Пока мы с ней разговаривали, двое из них карау-

лили на улице, нелегально вооруженные и готовые к войне.

– Занимайся своими делами, с тобой все будет в порядке. Никакая шпана не проберется в финансовый отдел.

Я не видел всей картины. С Тинни творилось нечто посерьезнее, чем обычная неуверенность. Она не хотела слышать ни единого слова, что я сейчас произносил. В том числе и вопрос:

– Разве тебе не полагается сегодня приводить в порядок бухгалтерские книги?

Один из кузенов призывного возраста, Артифик, еще более рыжеволосый, чем Тинни, вошел без стука и без приглашения.

– Гаррет, там кто-то хочет тебя видеть.

Он нервничал. Избегал взгляда василиска, которым впи-лась в него Тинни.

Я позаботился о том, чтобы тяжелая дубинка легла в мою руку как влитая.

– Долг зовет, любовь моя.

Любовь моя послала меня в выражениях, которыми обычно пользуются мужчины в бою. Но потом решила пойти со мной и посмотреть, что к чему.

Едва мы вышли на улицу, Тинни начала демонстрировать яростные вербальные навыки.

Моя возлюбленная не на сто процентов своенравна. Бывают времена, когда благоразумие одерживает в ней верх. Времена, когда она принимает веские доводы, не споря только

затем, чтобы быть неуживчивой.

Сейчас был не тот случай.

Полминуты она была способна лишь выплевывать низкие обвинения.

6

В двадцати футах от дверей, на Фактори-слайд, широкой улице вдоль северо-восточной стороны мануфактуры и нашего флигеля, наспех возведенных во время войны с венагетами, стоял черный экипаж. На Фактори-слайд редко появляются экипажи, не имеющие отношения к Объединенной компании.

Но у этого не было с фабрикой ничего общего.

Другой такой кареты не существовало, и принадлежала она моей знакомой. С которой я давно не виделся. И не хотел видеть ее сейчас. Тем более при Тинни.

Владелицей экипажа была Белинда Контагью – императрица организованной преступности, смертоносная социопатка, некогда моя любовница (недолго) и, теоретически, в настоящее время мой друг. А она относилась к друзьям такого рода, каких лучше совсем не иметь, потому что они способны бесконечно усложнить твою жизнь.

Двое вооруженных типов примостились наверху черного чудовища, за упряжкой из шести лошадей. Перед каретой красовалась банда всадников. Еще четверо караулили поза-

ди. Ни один из них не обрадовался любимому сыночку ма-тушки Гаррет.

Хотя Белинда владела несколькими конфиденциальными акциями компании, она явилась сюда не по делам.

Красивая сумасшедшая сама открыла боковую дверцу:

– Запрыгивай, Гаррет. Прокачу.

И уже громче из мрачных недр донеслось:

– Тинни! Мне нужно одолжить его на время. Я не оставляю его себе дольше, чем потребуется.

Малышка Тинни превзошла самое себя. На мгновение я испугался, что начнется стычка между головорезами Белинды и кузенами призывного возраста. Для кузенов это кончилось бы плохо, но в будущем головорезам тоже пришлось бы поплатиться. У Тейтов было множество связей.

Но моя милая не совсем утратила самоконтроль, как ча-стенъко делала вид. Она любила разыгрывать мелодрамы. Однако на эту сцену дали бы скверные рецензии.

Белинда взяла быка за рога, объявив:

– Кто-то пытался убить Морли Дотса. Он тяжело ранен. Может, не выживет. Мне нужно, чтобы Гаррет помог при-смотреть за ним.

Это заставило Тинни снова вспыхнуть.

– А кто присмотрит за мной? Это его обязанность – при-сматривать за мной. Гаррет! Я хочу...

Она говорила и говорила.

– Он действительно так тяжело ранен? – спросил я Белин-

ду.

– Да, – вздохнула она. – Я правда сомневаюсь, что он выживет.

Я удивился, когда она споткнулась на этих словах.

– ...Хуже того. По-моему, не исключено, что кто-то попытается сделать так, чтоб он не выжил.

На это можно было возразить, что Организация способна справиться и без меня. Но если Морли вот-вот испустит дух, у меня нет выбора. Он мой лучший друг. Я должен быть с ним.

Я вернулся к Тинни и взял ее за плечи:

– С тобой все будет в порядке. Я должен кое-что сделать. Для друга.

Мои попытки заставить ее понять не увенчались успехом. Она не собиралась позволить себя убедить.

Тинни была взбешена, испугана и слишком приучена быть принцессой Тейтов, которая получает что угодно, стоит ей только захотеть, – даже от меня. Правящая богиня своего маленького мироздания. А сейчас, поскольку она была несчастлива, желания и нужды остальных ничего для нее не значили.

Я не впервые видел ее такой. Разговоры ни к чему не приведут. Только время как-то подействует. И она все равно не рассердится еще сильнее.

– Вернусь, как только смогу, дорогая. Мидж, хорошенько позаботься о ней.

Кузен, который не вошел в дом, кивнул. С его лба капал пот. Он глубоко облегченно вздохнул, внезапно убедившись, что ему не суждено стать первым павшим в столь маленькой войне, что ее бы никто и не заметил.

Я попытался поцеловать Тинни. Она не позволила. Я отступил со словами:

– Я тебя люблю. Но я тебе не принадлежу.

Она ухитрилась сдержаться и не сказать что-нибудь воистину ужасное.

Я залез в экипаж, и он тронулся прежде, чем я устроился на плюшевом сиденье напротив Белинды.

Время ей благоволило. Она была сногшибательной, как всегда. Лучшим ее украшением являлись длинные, блестящие черные волосы. Они подчеркивали ее бледность и красную помаду, которой она неизменно подкрашивала губы.

Но сегодня ее неухоженные волосы свисали сосульками, их требовалось помыть. Лицо приобрело нездоровый желтовато-зеленый оттенок – хотя, возможно, так казалось из-за освещения. Она не наложила свой обычный макияж, придающий ей внешность вампира. И уделила мало внимания одежде.

Разумеется, Белинда не изменилась за несколько дней. Просто была в таком состоянии духа.

Будучи искусным наблюдателем, я ощутил, что она глубоко расстроена.

– Рассказывай.

– Кто-то набросился на Морли Дотса.

– Это ты уже говорила.

Морли был моим другом так долго, что я и не припомню, когда он им не был. Ну, не перед войной. Но почти целую вечность. В последнее время я нечасто с ним виделся. Тинни его не одобряла. Ее неодобрение не имело этнических, социальных или интеллектуальных причин. Морли Дотс обладал способностью отвлекать ее особенного парня от того, на чем она хотела сосредоточить все его внимание: от Тинни Тейт.

Я оценил учтивость, с которой меня проинформировали о случившемся, но гадал, почему Белинда впуталась в дела Морли. Может, потому, что имела откаты с его очень успешного ресторанного бизнеса.

– Расскажу, что знаю, – начала Белинда. – Три ночи назад Морли ввалился в один из наших борделей на окраине Квартала Эльфов. В нем было полно дыр, но мало крови. Парни, дежурившие у черного входа, стали выворачивать карманы Морли, как вдруг узнали его и решили: он должен выжить, пока не разыщут меня. Я прибыла туда позапрошлой ночью. Он был в шаге от смерти. Я ждала, но он так и не пришел в себя.

– Что он там делал?..

И почему она ринулась в бордель, услышав о случившемся?

– Риторический вопрос, – продолжил я. – Просто мысли вслух. Я понятия не имею, чем он занимался в последнее

время. Мы теперь нечасто встречаемся.

– Понимаю. Рыжая.

Я сомневался, что она понимает. В ее жизни не было никого особенного. Она просто не могла знать...

– Господи!

Может ли такое быть? Не может!

Первый закон Дотса гласит: никогда не связывайся с женщиной еще более сумасшедшей, чем ты сам. Но... Вот оно – между строк. Что-то происходит между Королевой Тьмы и моим лучшим другом.

– Чего ты от меня хочешь?

– Останься с ним. Позаботься, чтобы никто не сделал в нем новых кровоточащих дыр. Когда он придет в себя, выясни, что нам нужно знать.

Стало быть – выясни, кого прикончить.

– Хорошо.

Белинда говорила много, но ни о чем – напрямик. У стен экипажа были уши, а ею овладело недоверчивое настроение. Она полагалась на наш общий опыт, сообщая мне необходимые сведения. Например, она не может рассчитывать, что ее люди защитят ее любовника, которого не одобряют.

– Но у меня есть свои проблемы. – И я рассказал о визите Бутча и его брата.

– Услуга за услугу. Я присмотрю за Тинни. Как мне заполучить тех двоих?

– Зачем?

– Чтобы выпросить, есть ли тут какая-то связь.

Моя жизнь вовлекалась во все более запутанные связи.

– Они в Аль-Харе. Можешь спросить генерала Тупа, но не думаю, что он станет сотрудничать. Поищи Джимми Два Шага.

– Два Шага?

– Это имя они выдали. Оно тебе знакомо?

– Незнакомо. Но таких слишком много, чтобы уследить за всеми. Танфер – как дохлая собака, а подобные люди – как блохи.

– Они упоминали еще «Книжную лавку Райзина».

Белинда нахмурилась – и при этом освещении стала выглядеть куда старше.

– «Книжная лавка»?

– Вспомни времена, когда мы познакомились, – осторожно сказал я. – Это одно из тех местечек.

Тогда Белинда всеми силами пыталась медленно покончить с собой в худших забегаловках, какие только есть в Танфере. «Книжная лавка» была одним из мест, где я помешал ее самоуничтожению.

– Должно быть, я была совсем на дне. Вообще ее не помню.

– Это поганое заведение на колесах.

– Не часть семейного предприятия?

– В ту пору – нет. Сомневаюсь, чтобы теперь появились причины это изменить.

– С «Книжной лавки» и стоит начать.

Она постучала по деревянной крыше над головой:

– Маркус!

Панель отодвинулась, появилось лицо охранника.

– Мадам?

– Долго еще?

– Минуту. Максимум две.

– Превосходно, – кивнула Белинда и обратилась ко мне: –

Знаешь местечко «Огонь и лед» на Северной стороне?

– Нет. Меня отлучили от столь полезных знаний.

– Ты его найдешь. Ступай на север по Гранд-конкорс, пока он не перейдет в обычную улицу. Когда приблизишься к Кварталу Эльфов, спроси любого, тебе объяснят, как пройти.

– И я отправляюсь в «Огонь и лед», потому что?..

– Там Морли. Я не хочу перевозить его, пока он не сможет передвигаться сам.

Морли – мой друг. Ради него я обязан лезть из кожи вон. Но я сомневался, что мне говорят всю правду.

Белинда поняла.

– Гаррет, я не использую тебя в своих целях. Позаботься о Морли. А я позабочусь о Тинни. И о ее семье, если возникли торговые конфликты.

Такое не приходило мне в голову. А ведь могли найтись магнаты, способные на столь сомнительную тактику.

Экипаж остановился.

– Приехали. Если тебе что-нибудь понадобится, скажешь. Там все устроят. Увижусь с тобой, как только смогу.

Не успел я опротестовать ее предположения, как Белинда открыла дверцу и вытолкала меня.

Она относилась к людям, чьи ожидания становятся невысказанными приказами.

7

Я подвернул ногу, не очень сильно, приземлившись на булыжники на Макунадо-стрит перед своим старым домом. Дом все еще был моим, хотя я больше не жил здесь и давненько сюда не навещался. Его подновили и покрасили так, что создавалось впечатление искусной кладки с идеальными швами между кирпичами. Треснувшую оконную раму на втором этаже заменили. В окне появились новые занавески. На крыльце гнездились декоративные ящики, и цветы из них не украли.

Осада закона и порядка становилась воистину эпической.

Я стоял, размышляя и борясь с ужасом, что, войдя внутрь, попаду в незнакомую страну.

Поднялся по ступенькам. Не ощутил присутствия Покойника.

Покопавшись в кармане в поисках ключа, которого больше с собой не носил, я постучал своим особенным стуком, означавшим: «Я здесь не под угрозой ножа». Подождал. Рас-

смотрел кладку справа от дверного косяка. Выбоины в стене заделали кирпичной крошкой и раствором. Это объясняло, почему в прекрасный теплый денек вокруг меня не роятся пикси. От них я бы кое-что узнал. Мелонди Кадар и ее шайка были полезными друзьями, хотя порой шумными и непредсказуемыми.

Дверь открылась. Хозяйка шагнула в сторону, пропуская меня.

Пулар Синдж повзрослела. Она прибавила несколько фунтов и была дороже и тщательнее одета. Я не приготовился заранее к тому, что скажу.

– Как бизнес?

– Был спад деловой активности. По вине директора Шустера. Но мы свели концы с концами. Дин готовит свежий чай. Проходи в кабинет.

Ее кабинетом служила комната, которую мы некогда называли малой гостиной. Она находилась в передней части дома, справа от центрального коридора. До того как Синдж прибралась там и превратила ее в нашу бюрократическую штаб-квартиру, этой комнатой мало пользовались.

– Что случилось с пикси?

– Мелонди Кадар умерла.

– Они живут недолго, но она была не так уж стара.

– Ее переехала запряженная волами повозка. Мелонди была пьяна. Она врезалась во что-то на лету, стукнулась головой, упала под колесо. Не успела убраться с дороги. После

этого колония пикси переселилась. Я выясню, куда именно, если это важно.

– Не важно. Сейчас – не важно.

Я устроился в кресле. Синдж обзавелась удобной мебелью. Я с уважением посмотрел на хозяйку.

Пулар Синдж – девушка из крысиного народца, чуть выше пяти футов ростом, когда вытягивается изо всех сил. Ее племя – существуют разновидности крысюков – было создано безумными магами в ходе экспериментов несколько сотен лет тому назад. Большинство этих маленьких почти человечков не очень умны. Крысюки занимают низшую ступень общества, выполняя самую грязную работу.

Синдж – каприз из капризов природы.

Она фрик, потому что гений. Не только по сравнению с сородичами. Она умнее и сообразительнее большинства людей. Вот почему Синдж – каприз природы.

Она пугает людей. Иногда пугает и меня.

Я ее как бы удочерил, пока работал вместе с ней и осознал, что этот драматически прекрасный ум будет растрочен впустую, если она останется в лапах злобных крысюков, которые в ту пору ее эксплуатировали. Тогда она едва достигла подросткового возраста.

Дин Крич, мой старинный мажордом и повар, появился с подносом, неся чай, чашки и сэндвичи. На угощение не поспешил.

– Ты в хорошей форме, – только и сказал он.

– Больше упражнений и меньше пива. Это просто ад.
Дин поплелся обратно на кухню.

– Он стал медленнее, – заметил я.

– Мы все стали медленнее. Что стряслось?

Синдж знала: я не наведалься бы домой, если бы что-нибудь не произошло. Это ее обижало. Теперь, когда она управляла хозяйством, ей не нравилось, что я как владелец бываю здесь наскоком. Но еще сильнее не нравилось, что Тинни говорит мне, кто мои друзья и когда я могу с ними увидеться.

Я объяснил, что стряслось со мной и что, по словам Белинды, стряслось с Морли.

– Между этими событиями есть связь? – спросила Синдж.

– Логической – нет, – пожал я плечами.

– Но ты не веришь в силу совпадений.

– Естественно.

– Первое, что нам нужно сделать, – это перевезти Морли сюда.

Такое не приходило мне в голову. Я отлично понимал доводы Синдж. Не было безопаснее места, чтобы спрятать Морли, чем это.

– Белинда говорит, он слишком тяжело ранен, чтобы его перевозить.

– Ты будешь с ним. И поймешь, когда он сможет выдержать переезд.

Я кивнул.

Несколько мгновений Синдж смотрела в никуда, потом

сказала:

– Я подумываю снести стену между этой комнатой и твоим старым кабинетом. Есть возражения?

– Только эмоциональные. В этой комнате таится несколько тысяч воспоминаний.

Комната была самой маленькой в доме. Я обычно описывал ее как чулан с галлюцинациями.

– Во всяком случае, мы будем слишком заняты, чтобы приглашать рабочих. Покойник спит. Сообщаю, если вдруг ты надеялся с ним посоветоваться.

– Я догадался. Он меня не изводит, – сказал я, обводя взглядом ряд устроенных Синдж стеллажей. – Тут много книг.

– Иногда мне больше нечем заняться. Теперь следопытов нанимает только Гвардия. Она стала настолько умело проворачивать свои делишки с законом и порядком, что люди сами сдаются, поразмыслив над тем, что после полудюжины пинт казалось хорошей идеей. Наказания уже не такие суровые. Я веду бухгалтерию для Фунта Застенчивости. Управляю его капиталовложениями. И твоими. И учусь. И все.

У меня есть капиталовложения? Как случилось, что я об этом не знаю?

Это потому, что я бы потратил деньги, вместо того чтобы вкладывать их.

Еще одна особа женского пола думает за меня.

– Твои капиталовложения дают неплохие результаты.

– Особенно в Объединенную производственную компанию?

У меня был в ней маленький процент, но я никогда не рассматривал это как капиталовложение. Я не вкладывал туда деньги, только себя самого.

– Особенно. Но я инвестировала кое-какие твои наличные в другие предприятия. Ты будешь получать доходы, даже если ваша Объединенная развалится на части.

Я пропускал ее слова мимо ушей. Встречаясь с Синдж, я обычно просто смотрел на нее. Не выискивал знаки, уверена ли она, что все будет в порядке в случае, если отношения между Тинни, фабрикой и мной вдруг прервутся. Позже я подумаю об этом.

– Понятно.

Мы перевели разговор на темы, которые не требовали признаний, как сильно мы друг по другу скучали.

Вошел Дин. Он принес и себе чай и печенье и сел в свободное кресло.

– Вы вернулись, мистер Гаррет?

8

Я бродил по дому, каталогизируя изменения и вспоминая былые времена. Изменения касались покраски стен и новой мебели. В руке я нес большую кружку пива. Здесь его хранился приличный запас. Я знал, что так и будет. Синдж лю-

била пиво.

– Ты не приводила сюда гостей?

– Никого, кроме брата, нескольких рабочих и учеников Покойника. Фунт приходит только по делу, с тех пор как я прикрыла его кредит на пиво.

Настоящее имя ее брата было Фунт Застенчивости, но его знали на улицах как Джона Растяжку, главаря самой большой банды крысюков в городе. У них с Синдж была лишь общая мать, но они, будучи из разных пометов, сохранили на удивление крепкие отношения.

– Он просто ничего не может поделать с тем, что он крыса, – сказала Синдж. – И пользуется этим.

– Не задирай брата. Он может быть полезным.

– Гаррет.

– Прости. Я не могу не беспокоиться о тебе.

– Однако ты так негодуешь, когда другие беспокоятся о тебе.

Я пожал плечами. Быть последовательным – признак ограниченного кругозора.

Мы вступили в прохладу комнаты Покойника. Одна маленькая свеча горела в подсвечнике за дверью. Она рассеяла тьму, когда я внес ее в комнату, но не предназначалась для освещения. Она требовалась, чтобы зажигать лампы, когда Его Милость принимает людей, нуждающихся в утешении света.

Я высоко поднял свечу. Покойник находился там, где я

его оставил. Там, где он находился с тех пор, как я купил дом, – сидел в массивном деревянном кресле, смахивая на плохо сделанного идола, изображающего человекоподобного бога-слона.

– Тут холодно, – сказал я.

– Да.

– Очень холодно.

Синдж объяснила, что смесь чар, исходящих из того же источника, охлаждает и колодец на кухне.

– Это спроектировал Кип Проуз. И не очень дорого обошлось. Все для того, чтобы Покойник оставался с нами гораздо дольше.

– Кип Проуз. Конечно. Он занимается теперь и колдовством?

– Нет. Он не смог бы заставить камень свалиться, если бы для этого потребовалась магия. Но он может предлагать математические модели, заставить чары работать более эффективно.

Союз «чтобы» выпал из последней фразы Синдж. Она говорила медленнее. В ее речи начал проскальзывать шепелявый акцент крысюков.

Она нервничала.

– Сколько стоит холод?

– Меньше, чем ты можешь вообразить. Это капиталовложение на будущее. И еще мы можем сохранять на кухне свежую еду.

Я беспокоюсь о деньгах. Кто-то же должен заставить людей немного подумать, прежде чем опустошить мои карманы.

И я же служу источником огорчений для Дина, Покойника и Синдж (самовольно занявшей место в моей жизни), потому что не склонен работать больше того, чтобы не закончить на ступенях Королевской канцелярии, развлекая кого-нибудь, кто швырнет монету в мою коробку для милостыни. Я слышал суровые беседы о работных домах, хотя эти великие финансовые умы упускали из виду тот факт, что работные дома закрывались. Без войны не было необходимости в потогонных фабриках, чтобы производить все необходимое солдатам.

Жизнь, надо признаться, была ко мне щедра. Денежные мешки забредали ко мне именно тогда, когда их ожидал самый радушный прием. Я купил дом. Я имел капиталовложения, которые приносили достаточный доход, чтобы содержать дом в порядке и обеспечивать комфорт его обитателям, – хотя последнее по большей части являлось заслугой Синдж.

Синдж – крупная часть моей удачи.

Я и не осознал, что Покойник слегка приблизился к пробуждению.

– Ты собираешься выполнить то, чего хочет Белинда? – спросила Синдж.

Ее кризис миновал. Союзы вернулись. Она была просто

чудом. Гортань крысюков не приспособлена для разговорной человеческой речи.

– Дело в Морли, Синдж. Я перед ним в долгу.

– А Тинни? Это может испортить...

– Я должен это сделать. Если Тинни не в силах понять, значит мы с ней попусту тратим время.

– Ух ты!

М-да. Меня охватил ужас. Это может стать причиной разрыва. Тинни превратилась в другого человека, как только убедилась, что стала единственной в моей жизни. То, что мужчины ассоциировали с темной стороной рыжули, немедленно сделалось преувеличением.

Я позабочусь о том, чтобы ее светлая сторона осталась такой же изумительной, какой была всегда.

– Хорошо. – Синдж произнесла это так, будто не очень верила в то, что слышит. – Поскольку я знаю, что ты двинешься напрямик в «Огонь и лед», я управлюсь с Тинни.

Я запротестовал, но ухмыльнулся. Люди не управляются с Тинни. Тинни управляется с людьми.

– Оставим споры. И удачи.

– Гаррет, есть вероятность, что мы сделаем на этом деньги?

– Нет. Это время для любви.

– Ты так думаешь почти всегда. Может, нам снова повезет.

Прежде чем отпустить меня, Синдж убедилась, что я вооружился и приготовился к встрече с более старой, менее дружелюбной частью Танфера.

– Я буду молиться человеческим богам, чтобы тебя не загребли гвардейцы. Ты плохой лгун. Они обыщут тебя через десять секунд после того, как остановят.

Репутация одного из лучших верноподданных Карентийской короны не склонит чашу весов на мою сторону после ареста за ношение незаконного оружия. Синдж не позволила мне уйти с чем-то менее эффективным.

А еще она сказала:

– Хотя ситуация вроде бы не требует помощи Покойника, я попытаюсь его разбудить.

– Синдж, ты сокровище.

Удивительно прямая фраза. Я пожалел о ней раньше, чем успел договорить. Однако Синдж смешала небеса и землю, презрев открывшуюся перед ней возможность.

– Знаю. Мне трудно вообразить, как бы ты без меня выжил. Ступай. Нет! Подожди! А что насчет остальных друзей?

– Что? Насчет кого? – спросил я.

Характерно для моего пошатнувшегося статуса.

– Плоскомордый. Торнада. Плеймет. И полудюжина других.

– А! Насчет них...

В данную минуту мальчик мамы Гаррет не очень хорошо себя вел по отношению к ее второму любимому сынку. Я почти не поддерживал с ним связь.

– Думаю, ты могла бы потихоньку дать им знать, как обстоят дела. Не упоминая о том, что случилось с Морли. Но вряд ли мы попросим их впутаться.

Синдж только покачала головой.

Мне нужно было убраться отсюда и осчастливить мою особенную крысодевушку, отыскав настоящего, пропавшего Гаррета.

10

«Огонь и лед» я нашел без труда. Это хорошо известное заведение на окраине Квартала Эльфов удовлетворяло нуждам преуспевающих работяг. Не бордель высшего пошиба, какой я ожидал увидеть, но и не отвратное место сборища прохвостов. Здесь лавочники и ловкие торговцы могли расслабиться на вечерок. Веселая контора была своего рода атавизмом, потому что делала деньги не на объемах продаж и не только на главном предмете сбыта.

Я предположил, что лишь благодаря расслабляющей атмосфере заведение оставалось конкурентоспособным. В наши дни большинство доходов оседало в безвкусных театрах Танфера. Посещение театра было последним криком моды

отчасти потому, что мужчина мог привести туда жену. И жены это знали.

У дверей я назвал свое имя. Оно не подействовало как пароль. Я попробовал имя Белинды. И оно совершило чудо.

Моментально появилась ветеранша-брюнетка – не так давно, безусловно, сокрушавшая сердца. В ней было нечто особенное, и я почувствовал искушение предаться размышлениям о том, чего меня лишили.

– Ты от мисс Контагью?

– Она попросила меня присмотреть за вашим раненым гостем.

Брюнетка вдумчиво оценила мое спокойствие. Потом вдумчиво оценила меня. Обратилась к своим воспоминаниям. И решила: перед ней – парень что надо, хотя и не производит особого впечатления.

Я был оскорблен в лучших чувствах. Я жаждал произвести впечатление. И я был таким прекрасным образчиком бывшего морского пехотинца, какого только можно сейчас найти в вертикальном положении. У меня есть отметины и шрамы, но они просто дают вам знать, что я настоящий морпех.

– Хорошо. Идем со мной.

Эти слова сопровождал свирепый взгляд, бросавший мне вызов: пусть я только подумаю удрать.

Мы прошли через причудливую гостиную, где в данный момент совершенно не было посетителей. Потенциальных

свидетелей выставили вон. В дальней части комнаты, отведенной под изысканные яства и плотские утехы, я заметил несколько аппетитных девочек, наслаждавшихся легкой закуской и старательно не обращающих внимания на проходящих мимо. Две оказались чистокровными эльфийками. Остальные были почти столь же роскошны.

– Хватит пускать слюни на ковер.

– Прости. Я теперь редко выбираюсь из дома.

– Есть предложение. Держи руки при себе, пока ты здесь, – сказала брюнетка, фыркнув.

Она относилась к тем, кто не может не смеяться через нос. У меня ушло несколько секунд, чтобы понять шутку.

– Меня окрутили, – натянуто сказал я.

– Как и большинство наших клиентов.

Мы подошли к узкой, крутой задней лестнице.

– Я Гаррет, – сказал я, хотя мое имя больше никого не свержало в благоговейный трепет.

– Знаю. Наслышана о тебе. И о твоей репутации.

– Проклятье! Я и не знал, что у меня есть репутация. Наверное, сплошное вранье и преувеличения. А ты кто?

– Можешь звать меня мисс Ти. Если решу, что ты сносный, позволю называть себя Майк.

– Майк?

Один из этих? Здесь?

– У меня был брат, мы звали его Мики, – сказал я.

– Это сокращенно от Мишель, – пояснила мисс Ти.

Она твердо произносила «ш».

– Твой брат не вернулся с войны?

– Да. И разбил сердце матери.

Мама просто сдалась. Она уже потеряла моего отца, и своего, и братьев, сожранных ужасным чудовищем – войной.

Майк стала чуть менее крутой. Чуть-чуть. Как почти каждый в Каренте, она пережила нечто подобное.

– Тебе повезло, в отличие от брата.

– Да. Большая часть меня вернулась домой.

Она посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

– И теперь ты медлишь, чтобы я первой поднялась по лестнице и ты смог идти за мной, пялясь на мой зад.

– Вообще-то, такое не приходило мне в голову, но, раз ты об этом упомянула, я буду джентльменом и позволю тебе подняться первой.

– Ты оправдываешь ожидания. Наслаждайся представлением. Это все, что ты здесь получишь.

Разве я делал ей намеки? Она что, секретный агент рыжуги Тейт?

– Я так и поступлю. Грешно не обращать внимания на то, что боги в щедрости своей помещают перед нами.

– И на мне нет моих рабочих сапожек.

Она двинулась вверх по лестнице. Поднимаясь, издевательски рассмеялась и, хотя очень старалась, не смогла не вилять бедрами.

– А ты еще сказал, что тебя окрутили. Лицемер.

– Ты что, моя совесть?

Я был слегка расстроен и смущен, поэтому откинулся назад и попытался наслаждаться тем, что боги поместили передо мной.

Я начал подозревать, что мисс Ти все-таки желает, чтобы ее активы были оценены по достоинству. И считает свой зад лучшим из этих активов. А еще я подумал: если взглянуть оттуда, где я нахожусь, возможно, она считает правильно.

11

Они спрятали Морли в спальне на втором этаже в дальней части дома. Я долго стоял, просунув голову в дверь, желая убедиться, что он дышит.

Морли лежал на спине на большой удобной кровати, весь перевязанный. Ему было трудно дышать. Проткнутое легкое?

С ним сидели две местные работницы, и вид у них был такой, словно они наблюдали, как умирает их единственная истинная любовь.

Мне захотелось ворваться в комнату и быстренько пнуть моего приятеля, темного эльфа. Вот же он без сознания, почти бездыханный, – и все равно перед ним млеют женщины.

– Что ты делаешь? – спросила моя провожатая, видя, что я не спешу ринуться внутрь.

– Произвожу разведку способов, которыми можно к нему

подобраться. На тот случай, если проделавшие в нем эти дырки захотят пополнить его коллекцию.

Мадам Майк не вняла моим доводам, но решила мне потакать.

Имелось три способа добраться до Морли. По передней лестнице, которой пользовались клиенты. По задней лестнице из кухни, как поднялся я. И по стене здания, через окно. Для такого потребуется маленький, тощий наемный убийца. Окно приоткрывалось всего на шесть дюймов.

Для злодея с непомерными амбициями существовал еще один, освященный временем вариант – сжечь дом вместе с Морли.

Пока я изучал окно, моя провожатая изгнала сиделок Морли, пообещав, что они смогут служить связными между этой комнатой и прочим миром.

Когда девушки ушли, я спросил:

– Сколько им лет?

Они казались слишком свежими для такого образа жизни.

– Ди-Ди – двадцать девять. В ней есть кровь эльфов. Она только что достигла того возраста, когда мы больше не можем продавать ее девственность. Ее дочери, Адской Дыре, шестнадцать.

– Адской Дыре?

– Так ее зовут.

Значит, для обеих пребывание здесь законно. Я не мог представить, как старшая настолько хорошо справляется с

перипетиями карьеры.

– Устроюсь здесь, – сказал я. – Если у вас есть что-то типа раскладушки, мне вообще не придется отсюда выходить.

– Это было бы весьма похвально. Дела у нас пошли на спад. Я не хочу, чтобы ты распугал оставшихся клиентов.

– Распугал? Да брось!

– Ты такой добропорядочный, что это увидит и слепой. Они подумают, ты шпионишь по поручению их жен. Или что ты гонец, собирающий сведения для Конфиденциальной комиссии.

Конфиденциальная комиссия по королевской безопасности была тайной полицией.

– Я буду паинькой. Останусь тут с моим мальчиком, составляя и дважды перепроверяя свой список. Был рад познакомиться с тобой, Мисти.

Кокетливые карие глаза вспыхнули.

– Не Мисти, дурень! Мисс Ти. Ти – с большой буквы. Сокращенно от Тигарден.

Я приподнял одну бровь тем особенным образом, от которого у монахинь поневоле рдели щеки. Мисс Ти практически саданула дверью, выйдя из комнаты.

Как же долго я не появлялся на людях! Мне нужно было отточить свои инструменты. Если только она не относилась к лесбиянкам. Это объясняло бы ее естественную выдержку.

Я походил по комнате. Понаблюдавал жизнь за окном. Поизучал Морли и почувствовал себя из-за него плохо. Еще по-

ходил, а потом произвел инвентаризацию ночных горшков, подкладных суден, кувшина с водой и чаши. На маленьком столике в углу стояли второй кувшин и чаша, лежали кусок мыла и стопка полотенец.

Конечно, здесь должны были иметься полотенца и мыло. В заведении подобного рода это предметы первой необходимости.

Я решил попросить чашку или кружку, чтобы не пришлось пить прямо из кувшина с помощью большой ложки.

В дверь небрежно постучали, и она сразу открылась. Ди-Ди и Адская Дыра втащили отсыревшую раскладушку. Они шмякнули ее и убедились, что я не дал Морли умереть за время их отсутствия.

За ними последовала мисс Ти, толкая маленькую тележку.

– Еда. Питье. И остальное, что тебе понадобится. Краш или Ди-Ди будут регулярно сюда наведываться, приносить все, что нужно, и уносить, что потребуется убрать.

– Краш?

– Ей не нравится ее настоящее имя, – сказала Ди-Ди.

Адская Дыра – Краш, на фут ниже и на десять стоунов¹ легче меня, метнула взгляд, означавший, не хочу ли я получить в морду.

– Понятно.

Я попытался завязать беседу с Ди-Ди. У нее была изумительная, с придыханием, манера говорить.

¹ Стоун – 14 фунтов, т. е. 6,3 кг.

– И это называется мужчина, которого уже окрутили, – сказала мисс Ти.

Этих женщин нельзя было одурачить, ими нельзя было манипулировать. Если только ты не Морли Дотс и не лежишь без сознания. Тогда они стали бы твоими рабынями.

Ну что ж. Все равно они слишком странные. Мать – склонная к флирту и глуповатая. У Краш – циничный и жесткий взгляд познавшего жизнь двадцатилетнего ветерана.

– Чем собираешься заняться в ожидании, пока что-нибудь произойдет? – спросила мисс Ти.

– Отосплюсь. И может быть, предамся раздумьям о том, что скажет моя женщина, когда я забреду домой.

– Ты читаешь? У нас есть книги. В основном для украшения. Спроси Краш. Она прочитала все и может что-то порекомендовать.

Я посмотрел на Краш, и она мастерски изобразила пожатие плеч, характерное для скучающего подростка.

– Спасибо, Краш.

Между тем Ди-Ди бросила на меня обольстительный взгляд. Новый, улучшенный, сверхвыдержанный я подумал, что меня могло бы ожидать изумительное времяпрепровождение, особенно если бы нас свела чудесная мисс Ти. И что я должен найти какое-нибудь занятие на оставшиеся двадцать три с половиной часа этих суток. И что кто-нибудь нажужжит в ухо Тинни, не успею я раздеться.

Поэтому я ограничился ответом:

– Да, я читаю книги. Сейчас как раз самое время расширить мой кругозор. Если Краш что-нибудь принесет, я буду счастлив.

В тот момент я оперировал терминами проведенных здесь минут, часов или, в худшем случае, пары дней.

Мисс Ти шуганула таланты из комнаты. Я наблюдал, как они уходят, и гадал, не жульничают ли. Предполагаемая мать не только вела себя так, словно была младше дочери, но и выглядела младше.

– Мои обязательства по отношению к Контагью не оставляют мне выбора, кроме как дать тебе все, что захочешь, – сказала мисс Ти. – Порадуй меня. Будь благоразумен. И, кроме шуток, не попадайся на глаза.

Я послал ей воздушный поцелуй.

Она кротко хлопнула дверью.

В результате моя раскладушка съехала прямо к дверям.

Пока я сплю, бездельничаю или читаю, любому незваному гостю придется опрокинуть эту раскладушку, чтобы войти.

12

Ожидание, когда Морли станет лучше, очень, очень быстро стало очень, очень скучным. Будучи парнем Тинни Тейт, я лишился былого умения сносить бесконечное безделье. Тинни не из терпеливых. И она исподволь повлияла на меня.

Вкусы Краш в отношении книг оказались необычными.

Первым делом она принесла мне коллекцию пьес, написанных Ионом Сальватором, в том числе все еще шедшую на сцене «Раушту, королеву демениянок», в которой Тинни исполнила главную роль, когда состоялась премьера спектакля в театре «Мир» Макса Вейдера.

– Ты фанатка Сальватора?

– Он рассказывает замечательные истории.

Самую безумную он сочинил о себе лично.

– Я с ним знаком.

– Он твой друг?

– Нет. Он ходит с женщиной по имени Торнада, она мой друг.

Вроде того. Когда не вмешивается искушение.

– Ух ты! Я бы хотела с ним познакомиться.

Внезапно девушка стала вести себя совсем иначе. Я скрыл циничную улыбку.

– Может, когда-нибудь и познакомишься. Как только это дело утрясется.

Я заметил, что в отсутствие матери Краш не интересуется Дотсом, и спросил:

– Ты знала Морли до того, как его сюда принесли?

– Не я. Ди-Ди знала. Наверное.

Она называла свою мать Ди-Ди.

– Есть другое чтиво, кроме этих пьес?

Я гадал, кто притащил их сюда и как раздобыл. Однажды я и сам осуществил дерзкий замысел, но в него входило ис-

пользование сотен крысюков, чтобы снять копии.

Кип Проуз, вероятно, смог бы рассказать мне, как провернули такое. Если только он сам не был за это в ответе.

— Есть несколько исторических свитков, — кивнула Краш. — Скучная писанина о стародавних временах. Кто-то оставил их здесь, когда не смог заплатить по счету. Майк так и не нашла времени продать их.

Девчонка подалась ближе ко мне и прошептала:

— Иногда она так важничает, ого! Просто зазнается.

Как интересно! Зерно для мельницы, пища для мозгов. Я впитывал услышанное, восстанавливая некогда чуткое к сплетням ухо.

Порой на меня накатывал сильный приступ ненависти к безделью в четырех стенах, и я укрощал его, стягивая простыню с друга.

Морли получил восемь жестоких колотых ран. И с дюжину порезов. Еще у него имелась обширная коллекция синяков и ссадин, оттого что его пинали, били дубинкой и волокли по земле.

Я надеялся, Белинда будет держать нос по ветру, выискивая бахвалящегося идиота из тех, что не могут не разболтать о своих делишках.

Люди утверждают, что я слишком много думаю и что вещи, как правило, являются точно такими, какими выглядят. Пытаться разглядеть в них нечто большее — пустая трата времени.

А я говорю: когда ты перестаешь верить в странные заговоры, в которые замешаны десятки людей, никогда не нарушающих слово, значит ты созрел для того, чтобы тебя настиг рок.

Я размышлял о подобного рода вопросах и время от времени пытался отмахнуться от них или же извлечь толику смысла, вводя Морли в уравнение. И не мог найти этому разумного объяснения.

Мне больше ничего не оставалось, кроме как ждать, когда заявится преступник.

13

Кто-то так сильно толкнул дверь в комнату, что разбудил меня.

Я подобрал под себя ноги. Прислонил раскладушку к стене. Дверь открыл в плохом настроении.

Моим недругом оказалась мисс Ти.

– Какого черта? – выпалил я. – Сейчас не то время, когда любое мыслящее существо...

Я принюхался. Пахло чем-то странным.

– Заткнись, Гаррет.

Мисс Ти пришла не одна. С ней была Белинда Контагью.

Запах доносился из-за моей спины. Я оглянулся на окно. Снаружи было темно, если не считать трех четвертушек луны.

– Какого черта? – повторил я, увидев, что занавеска сдвинута на фут.

Виднелась луна в безоблачном небе. Створка окна – приподнята дюйма на три. Я оставлял занавески задернутыми и окно закрытым.

Запах шел с улицы.

Я забыл о грубиянках в коридоре. Здесь творилось что-то зловещее. Может, я должен радоваться, что меня разбудили. Я устремился к окну. Оно было открыто не настолько, чтобы я мог высунуться. Тени на другой стороне улицы выглядели так, будто в них пряталось что-то гниющее.

– Неужели утратил хватку? Возможно, больше не подхожу для этой работы, – сказал я. – Белинда, позволь спросить без негодования: чем обязан?

Она оценила ситуацию с окном.

– Я привела лекаря.

Контагью и мисс Ти расступились.

Маленький, полный, лысый человечек прошел между нами и принялся.

– Надеюсь, это пахнет не от моего пациента?

Он носил тускло-черную одежду в стиле, объявленном вымершим сто пятьдесят лет назад. И заслуженно. Морли должен был отшатнуться от его наряда, даже будучи в коме.

Лекарь состоял в культе Детей Света. Гаснущего Света. Главным догматом культа было – никакого секса. К тому же Дети Света являлись воинствующими пацифистами – таки-

ми, кто желает выбить из тебя все сопли, если пытаешься заявить, что войной можно что-нибудь решить. Они были утвердившимися в вере добродетелями, но настолько самодовольными и уверенными в своей правоте, что большинство людей их терпеть не могли.

Они содержали бесплатные столовые и клиники. Организовали приюты для бездомных. Старались заполучить контроль над самой большой и беспредельно коррумпированной больницей Танфера «Бледсо». Они сделали много хорошего для огромного числа людей. Их лекари иногда использовали магию, но Холм закрывал глаза на такие незаконные операции, потому что Дети Света держались в рамках благотворительности.

Будучи циничным по натуре, я, думая о Детях, главным образом гадал, откуда они получают доходы.

Спасти жизнь другу Королевы Тьмы – такое могло потрясти серьезное денежное пожертвование. Если только она не решит утопить лекаря, чтобы тот не разболтал о состоянии и местопребывании Морли.

– Простите, – сказал безымянный пухлый персонаж.

Никто не дал ему инструкций. Он протиснулся в комнату и, шмякнув свой саквояж рядом с кроватью, начал исследовать то, что осталось от моего товарища.

Я подтащил Белинду к окну. Прежде чем его закрыть, измерил щель большим и указательным пальцами.

– Как только он выкарабкается, я хочу перевезти его к се-

бе.

– На Фактори-слайд или на Макунадо-стрит?

– На Макунадо. Никто туда за ним не придет.

– Я бы предпочла забрать его к себе.

Я не спорил. С Белиндой спорить бессмысленно. Она все равно будет делать все по-своему, пока вокруг рушится империя. Однако на сей раз она, пожалуй, была права. Пусть в резиденции Контагю и не поселился логхир, зато это была превосходная крепость со всеми удобствами.

– Возможно, еще очень не скоро он будет в состоянии путешествовать так далеко.

Я уже посещал берлогу Контагю под давлением обстоятельств. Человек мог жить там с комфортом. Или войти туда – и пропасть навеки.

– Он никуда не отправится, пока не будет готов, – заявила Белинда.

Ее бледный палец с длинным карминовым ногтем постукал по подоконнику.

Я кивнул.

На подоконнике что-то поблескивало. Что-то высыхало. Это напомнило мне след, оставленный мигрирующим слизняком.

– Пришли мне фунт соли, – прошептал я.

Хотя она и была Белиндой Контагю, но как ни крути – девушкой. И ничего не знала о соли и слизняках.

– Хорошо, – озадаченно проговорила она.

Лекарь объявил:

– Я сделал все, что мог. Он не умрет. Но ему еще долго поправляться. Возможно, его пырнули проклятыми клинками.

Это пахло религией, в чем не было смысла. Морли имел врагов, которые с радостью проделали бы в нем кучу дыр, если бы это могло сойти им с рук. Но они не были религиозными психами и не были такими невыразимо гнусными, чтобы охотиться не только за его жизнью, но и за душой.

– Должно быть, женщина, – пришла к заключению Белинда.

Ни один мужчина не был настолько мстителен.

– Мне неизвестно, что происходило в его жизни, – заявил я. – Я вижу с ним, только когда мы заглядываем в «Виноградную гроздь» после театрального представления. Ты же в курсе моей ситуации.

– Я пыталась поговорить с Тинни. Хотела, чтобы она знала, что случилось.

Мне не понравился ее тон.

– Гаррет, я была вежливой и любезной. А она – нет.

Мне очень не понравился ее тон. Тинни могла разобидеться.

– Она совсем не уверена...

– Я попыталась объяснить ей сложившуюся ситуацию. Она не вызвала симпатии. Дело не в ней.

Почти наверняка моей дражайшей не удалось свести бо-

лее интимного знакомства с лютой болью главным образом потому, что она была моей дражайшей. Можно ли заставить ее это понять?

Тинни не могла так сильно измениться. Да и как бы смогла? Она была умницей. Понимала, что такое настоящий мир. Делила со мной его суровую реальность. Умела разбираться в сложных вопросах. Она еще годы назад обнаружила, что Тинни Тейт не является центром, осью или любимым ребенком мироздания.

Меня пробрал озноб, как будто в полночь я был обязан промчаться мимо кладбища.

И тут на меня снизошло озарение.

– Мы видим симптомы, но не болезнь, – заявил я.

Белинда фыркнула. Ее больше интересовало наблюдение за высыхающей слизью.

Я перестал беспокоиться о своих проблемах и проверил, как там мой товарищ. Цвет его лица и дыхание стали лучше. Он выглядел так, будто готов очнуться.

Пухлый представитель культа ушел, а мы с Белиндой переглянулись с широкими дурацкими ухмылками.

Поверив, что ее может связывать с Морли что-то, помимо бизнеса, я напросился прямехонько на неприятности.

Все трое.

Морли доблестно сражался, пытаясь спастись от ночных кошмаров. Я плутал по собственному царству страха, где моя неопределенная любовь к другу могла стоить мне всего остального, чем я дорожил.

Белинда сидела рядом со мной на раскладушке. Мы при-
слонялись спинами к двери. Белинда мысленно блуждала так далеко, что я гадал: сможет ли вернуться? Не исключено, она пыталась найти Морли, чтобы привести его домой.

– Я туда опоздала! – выпалила она.

– Что? Куда? Опоздала для чего?

– В «Книжную лавку Райзина». Опоздала накрыть Тимми Два Шага.

Не было смысла ее поправлять. Сердце у нее было на месте, хотя, возможно, и имело странную форму, было жестким и холодным.

– Он попытался спастись бегством?

– Прямиком до Аль-Хара. А там меня опередили жестяные свистульки.

– С каждым днем они действуют все эффективнее. Это тяжело для нас обоих.

– Некоторые ценят щедрые чаевые.

– Рад этому. Ты выяснила что-нибудь интересное?

– Два Шага сказал, что с ним имела собеседование женщина.

– Проклятье! Только послушай себя. Ты посещала заня-

тия? «Собеседование»!

– О да! Только послушай меня. Почти такая же умная, как твоя крысодевушка.

– Я слишком устал, чтобы ссориться. У меня на уме только рыжеволосые.

– Ты бы потерял голову, если бы встретил ту огненную красотку. Если Тимми сказал правду.

Немногие парни лгут, попав в Аль-Хар, и правда – единственный ключ, открывающий путь оттуда.

– Больше никаких рыжеволосых.

– Я говорю о красотке с огоньком, а не про огненные волосы. Молодая и склонная форсить. Два Шага сказал – она носит облегающую черную кожаную одежду.

– Ты испорченная девчонка.

– Не я, тупица. Я – больше нет. Слишком часто сбивалась с курса, чтобы моя испорченность еще действовала.

Сладкоречивый Гаррет признал:

– Я это знаю.

И даже не понял, что влип.

– О да! Вот почему я тебя люблю. Ты говоришь комплименты.

– Хотел бы я, чтобы люди твоего сорта обходились без комплиментов. Разве нельзя поговорить о проклятущей погоде, без того чтобы свернуть на...

– Брось, Гаррет. То, что сказал Два Шага, означает, что у нас есть проблема покрупнее.

– Слушаю.

– По словам свидетеля нападения на Морли, щедро оделенная прелестями девушка, в обтягивающей черной коже, руководила созданиями, которые наносили удары. Она представляет собой примерно кубический ярд пышных светлых кудрей. Девушка, с которой встречался Два Шага, – коротко стриженная брюнетка с глубокими карими глазами. Что касается блондинки, никто не говорит, какого цвета у нее глаза.

– «Созданиями»?

– Мужчинами в плотной шерстяной одежде с большими серыми яйцами вместо голов.

– И ты не потрудилась рассказать мне об этом раньше?

– Как я могла рассказать то, о чем тогда не знала?

Я понял.

– Повидайся с Рохлей и Саржем. Они могут прояснить, во что вляпался Морли.

Белинда не ответила. Я только что сморозил какую-то глупость.

– Они ничего не знают, – догадался я.

– Ваше высказывание верно, сэр. Морли вышел из «Виноградной грозди» после поздних развлечений. Больше его не видели. И это все, что они знают.

Я без труда поверил. Речь шла о Морли, чертовом Дотсе, абсолютном индивидуалисте.

– Думаю, все, что мы можем сделать, – это быть терпеливыми и надеяться, что он расскажет что-нибудь полезное,

когда очнется.

– Ты вопиющий гений, Гаррет. Я так рада, что у нас с Морли есть такой друг, как ты.

– Я особенный парень.

15

Когда я проснулся, солнце уже встало. Как и королева преступного мира. Она пребывала в хорошем настроении, хотя ее застали во время неэлегантного процесса – сидела на ночном горшке.

– Посмотри туда! – показала она.

– И что я должен там заметить?

– Мы закрыли окно и задернули занавески.

Они вновь были сдвинуты. Створка окна приподнята на четыре дюйма. Блестела, высыхая, новая слизь.

– Мне никогда не нравились окна с подъемными створками.

– Не знаю, почему я проснулась. И мне не важно почему. Но, проснувшись, я увидела нечто типа питона, ползущего в щель. Примерно с ярд длиной. Думаю, он держал курс на Морли.

Я прервал разговор и изучил конструкцию окна. К тому же это позволило Белинде сохранить достоинство.

– Большая змея? Очень?

– Не слишком. Когда ты был на островах, ты видел по-

настоящему гигантских гадин. Наверное, эта змея тебя бы не впечатлила. Но мне она показалась большой.

– Она уползла, как только поняла, что ты проснулась?

– Нет. После того, как я ударила ее раз двадцать твоей палицей.

Эта женщина была роскошной, и умной, и злой, но она не являлась знатоком разрешенных орудий для самообороны. Я не ношу с собой ничего более банального, чем дубинка.

– Почему ты меня не разбудила?

– Я орала. А ты даже не перевернулся на другой бок. Потом я была слишком занята, выколачивая слизь из проклятой твари.

– Ты должна была ткнуть в меня дубинкой.

– Меня отвлекали. Я о таком не подумала.

Это ее характерная черта. Белинда вряд ли когда-либо обращалась за помощью, даже если у нее не было иного выхода. Удивительно, что она попросила помочь с Морли.

– Хорошо. Расскажи, что случилось. По порядку. Как можно точнее.

– Я же сказала. Там была змеюка. Я колошматила ее до тех пор, пока она не убралась. Все, что осталось, – блестящая дрянь. И – да, теперь я понимаю: мы должны перевезти Морли, потому что не можем как следует защитить его здесь.

Морли издал какой-то звук. Я подумал, он хочет что-то сказать. Но я ошибся. У него отходила мокрота.

– Это хороший знак?

– Надеюсь, – ответила Белинда.

На несколько секунд она стала женщиной, какой могла бы быть, если бы выбрала других родителей и не выросла отъявленной социопаткой.

– У тебя здесь что-нибудь заготовлено, кроме меня? – спросил я.

– Снаружи. Ты – мой внутренний парень. Ты – тот, кому я доверяю.

Кто-то постучал в дверь.

– Пароль? – не смог удержаться я.

– Как насчет «завтрак», балбес?

Похоже, говорила Ди-Ди.

Белинда схватила мою дубинку и приготовилась вышибить мозги незваному гостю, достаточно умному, чтобы симитировать выговор Ди-Ди.

Я убрал с тумбочки чашу и кувшин, и Ди-Ди пристроила на ней принесенный поднос, а потом повернулась к Дотсу.

– Получилось! Он выглядит на тысячу процентов лучше. Он возвращается. С ним все будет в порядке.

Она подпрыгнула, хлопнув в ладоши, как будто была девочкой младше Краш, и ринулась вон.

– В чем тут секрет? – спросил я.

– Не знаю. И может, мне не стоит знать.

Я говорил не о связи Ди-Ди с Морли. Я имел в виду Ди-Ди и Адскую Дыру. Однако, поразмыслив, решил, что у Белинды нет причин вникать в подробности жизни своих слу-

жащих, стоящих так низко в пищевой цепочке, что они напрямую имели дело с людьми, чьи деньги подпитывали машину Организации.

– Она принесла столько еды, как будто для нас и для наших невидимых друзей детства. Давай приступим к опустошению запасов провизии.

Я не ел с тех пор, как покинул Макунадо-стрит.

Ди-Ди вернулась вместе с дочерью, не успели мы покончить с завтраком.

Краш с ходу набросилась на меня:

– Ты не должен был есть пшеничный крем!

– Что?

– Манную кашу, обжора! Она была для него. А плотная пища – для тебя.

Невидимые друзья, может, и уяснили это. А я не видел ничего, что мог бы расценивать как часть плотного завтрака.

– Эта штука больше всего напоминала настоящий завтрак...

Белинда сжала мой локоть. Она умела управляться с девочками.

– Гаррет, твоя работа – держать рот на замке, выглядеть приятным и сломать ноги любому, кто задумает ранить Морли.

Два требования из трех я мог бы выполнить и с завязанными глазами, но что касается рта на замке – эта задача всю жизнь давалась мне нелегко.

– Белинда, молчание – слишком тяжелое бремя.

Я всегда был битком набит словами, которые жаждали освободиться. Некоторые даже коагулировались в разумное... нечто.

16

Хорошо, что Краш и Ди-Ди посвятили себя благополучию Морли. Пока я гадал, способен ли я его кормить, они уже закончили с питанием и принялись справляться с последствиями того, что бывает, когда человеку, лежащему без сознания, дают еду и воду.

Его нужно было помыть. И перестелить постель. Я открыл окно во всю ширь во время процесса.

– Давайте ему больше воды, – сказала Белинда. – Он горячий, но не потеет, как положено.

И что она знает о лихорадке темных эльфов и потоотделении?

Какая разница!

В последнее время я взял за правило не слушать ничего интересного о мисс Контагью.

Некоторые говорят, что я взял за правило не слушать ничего интересного ни о ком, у кого нет рыжих волос.

Любопытно, как там Тинни.

– Уф, мой набитый живот, – сказал я. – Пока вы все здесь, пойду осмотрюсь снаружи.

Белинда бросила на меня ужасный взгляд.

– Не бойся. Я не попытаюсь спастись бегством.

Я взял дубинку и вышел – просто размять ноги.

Наблюдателей Белинды было легко обнаружить. Все они меня узнали. Они были с Белиндой, когда она забрала меня с Фактори-слайд. Доложить им было не о чем. Двое из них так соскучились, что поговорили бы о чем угодно и с кем угодно.

Однако последнему, третьему, нечего было сказать: он не видел ничего необычного. Зато кое-что необычное видело его. Он словно дремал на верху лестницы, ведущей в подвал, но был мертв так давно, что тело успело остыть.

Несколько лет назад это меня бы не всколыхнуло. Тогда каждая ночь приносила урожай трупов для утренней жатвы. Но наш великий город запутался в шипах перемен. Небрежно сделанные кадавры стали редкостью. Отбор директора Шустера был суров.

Я созерцал представшую передо мной сцену с притупленными временем чувствами и мыслями. Погибший не был одним из шайки, сопровождавшей карету Белинды. Он не погиб в страхе, потому что его не встревожило приближение того, кто с ним такое сотворил.

Я подошел к стене под окном Морли.

Она была из красного кирпича. И блестела. На булыжниках тоже что-то высыхало. Кучка козьего помета лежала в нескольких футах от блестящего места. На помете пировали мухи.

Удивительно, что все прошло так тихо. Высшему персоналу «Огня и льда» не мешало бы знать настоящие имена некоторых умело размещенных клиентов.

Настоящие имена были не просто полезны в колдовской игре, они были неоценимы в политике и шантаже. Даже пассивного рода шантаж обеспечивал ремонтные работы и похвальное присутствие полиции. Или ее отсутствие.

Улицы были в идеальном состоянии. Ночные фонари – на месте и не разбиты. Нигде не видно ни одной красной фуражки.

Вообще никого не было видно. Это объясняло, почему мертвец мог остывать, не подняв вокруг шумихи.

Я по второму разу обошел наблюдателей Белинды. Вернулся с рапортом.

Ди-Ди и Краш закончили свои труды; я повстречал их на полпути. Белинда сидела на краю кровати Морли, держа его за руку. Она встрепелась и отодвинулась со слегка виноватым видом.

Я не обратил на это внимания.

– Он выглядит так, будто возвращается.

– А ты выглядишь скверно, – сказала Белинда. – Что случилось?

– Кто-то убил твоего человека, наблюдавшего за окном. Если захочешь посмотреть, взгляни направо, на верхушку лестницы, в сорока футах отсюда.

Белинда посмотрела:

– Теперь я вижу его. Он как будто спит.

– Вот почему никто ничего не замечал, пока я не попытался его разбудить.

За одно биение сердца Белинда перешла от озабоченности к угрюмости. Она кивнула, но продолжала пялиться на мертвеца.

Мертвые тела и части тел очень скоро испоганят директору Шустеру статистику крупных преступлений.

– Позволь догадаться. Те идиоты так ничего и не видели.

– Нет. Видели. Но мне пришлось опросить их дважды. Они только думают, что ничего не видели. Как только услышали, что их друг мертв, они вспомнили, что мимо них на запряженной козой тележке по направлению к центру города проезжала старуха.

– В чем прикол? Я не в настроении играть в загадки.

– У нее ушло больше часа, чтобы добраться от парня, дежурящего на севере, до парня, дежурящего на юге. На такой путь должно было уйти пять минут. Парень, увидевший ее первым, сказал, что слышал ее приближение. Человек на юге сказал, что ничего не слышал. Бам! И вдруг она здесь. Она его напугала. Он говорит, что от ее повозки разило.

– Вот как?

– Вот как.

– Когда я смотрела из окна, там не было никакой повозки. После того, как ударила тварь твоей дубинкой.

Я подошел к окну.

– Если повозка находилась рядом со стеной, ты бы ее и не увидела.

– Пойду принесу письменные принадлежности.

– Э-э...

Она меня опередила:

– Мне нужно послать записку Пулар Синдж. С предложением работы.

– Но...

Я не хотел, чтобы моя маленькая помощница впуталась во что-нибудь смертельно опасное. Только не снова.

Когда у Белинды есть цель, она не мешкает. Она вернулась с письменными принадлежностями раньше, чем я закончил инвентаризировать улучшения в состоянии Морли.

– Я принесла побольше бумаги. Я еще напишу отдельное письмо, чтобы Синдж передала его Джону Растяжке. Возможно, мне придется заключить субподряд.

Она была в красной зоне². Кому-то сильно не поздоровится. Я надеялся, что этот «кто-то» будет не она. И не Морли. И особенно не я.

– Я тоже должен послать записку – Тинни.

17

Я действительно написал записку. И как только закончил,

² Красная зона – термин в американском футболе, площадь в пределах двадцати ярдов от линии ворот каждой команды.

она показалась мне такой поверхностной, что я ее не отослал. Тинни знала, что происходит. Что бы я ни написал, это не изменит ее мнения.

Моя дражайшая стала упорствовать в своем агрессивном поведении. Придя к какому-то умозаключению, она не позволяла фактам становиться на ее пути. Друзья считали, что в этом виноват я. Меня и Тинни связывала долгая история. Когда я стоял на задних лапках, она сворачивала агрессию. Кое на что я закрывал глаза, потому что так с ней было легче ладить.

Сейчас мне полагалось охранять того, о ком было неизвестно, что он жив и находится в тайнике, где никто не подумал бы его искать. Человек, спроектировавший это убежище, потерпел крах. Кто-то уже попробовал влезть через окно. Охранник лишился жизни. А потом, не прошло и часа после отъезда Белинды, в комнату легкой походкой вошел тот, кого я меньше всего ожидал здесь увидеть.

Со мной были Ди-Ди и Краш. Ди-Ди обожающе смотрела на Морли слишком юными глазами, в то время как Краш строила злые козни, замышляя обскákat маманю, как только Морли очнется.

Я уже попадал в странные ситуации, но не такого рода, когда мать выглядит младше дочери и ведет себя соответственно, при этом обе они из профессионального эскорта, неистово соперничают друг с другом и отчаянно ждут позитивных отзывов от человека, права на которого предъявила плохая

женщина, стоящая куда выше их в пищевой цепочке.

Когда я закончил наглухо заколачивать окно, за моей спиной раздалось:

– Превосходно, Гаррет. Хорошо поработал.

Я услышал мягкую поступь по ковру в коридоре. Обернулся.

Вошел директор собственной персоной. Дил Шустер. Ужасный быстрый меч закона. Постаревший и более утомленный, чем в нашу последнюю встречу. Я слышал, он больше не покидает Аль-Хара. Слишком много аутсайдеров жаждали переломать ему кости.

Он был невысоким и неказистым. Когда-то по его семейному древу взобрался наглый гном, сорвавший запретный плод. Примесь крови других рас проявлялась в течение нескольких поколений.

Шустер – чрезвычайно эффективный. О его появлении предупредил лишь шорох обуви по ворсу ковра.

Он осмотрелся и заметил:

– Примерно то, чего я и ожидал. Вы, леди, кончайте свое дело и уходите.

Они понятия не имели, кто перед ними.

– Все в порядке, – сказал я. – Это не враг.

Нахмурившись, Ди-Ди и Краш неуверенно отчалили. Дом кишел краснофуражечниками.

Шустер осмотрел Морли:

– Трудно поверить.

– Кому угодно может не повезти. Что привело тебя сюда? Как снег на голову.

– Надежда, что могу разузнать нечто полезное, чтобы справиться с проблемой, которая не дает мне покоя почти с тех пор, как ты выбыл из игры.

Его тон и манеры были небрежны. Когда я видел его в последний раз, он не казался таким спокойным.

– Ты хоть понимаешь, где находишься? В чье заведение явился без приглашения?

– Не это меня заботит. Сейчас ее и мои интересы совпадают. В будущем я, вероятно, накрою ее.

– Хорошо иметь подобную уверенность. Но вам, сэр, суждено умереть молодым. И когда это случится, не поверишь, что такое могло произойти с тобой.

Шустер не был ни огорчен, ни сконфужен. Я почувствовал к нему жалость. А еще я сам не знал, о чем говорю.

– Ты, Гаррет, давно отстранился от дел. Парадигмы изменились.

– Много убитых и раненых? Большой ущерб собственности?

Я не знал, что такое парадигмы. И, судя по виду директора, он вряд ли это объяснит.

– Рад за твоих ребят, Шустер. Но почему вы возникли сейчас именно здесь?

– Давай заново приспособимся друг к другу и проведем переоценку. В данный момент меня не интересует, как ми-

стер Дотс распорядится своей жизнью. Я даже не заинтересован в шкуре мисс Контагью. Я заинтересован в том, чтобы вступить в контакт с кем-то или чем-то, ответственным за состояние мистера Дотса.

– Это почему?

– Я поклялся защищать короля и Карентийскую корону. Что-то собирается напасть и на то, и на другое. Твой друг мог случайно наткнуться на это «что-то».

Итак. Шустер почувствовал угрозу, потому что не знал всего, что происходит в нашем изумительном городе.

Мы поговорили, сделав мало умозаключений. Полчаса спустя расстались, и я решил, что ни один из нас не извлек пользы из этой беседы. Но потом я осознал, как сильно утратил былую форму. Шустер намотал на ус очень многое, слушая то, чего я не сказал. И не спрашивая меня о том, что он узнал от Джимми Два Шага. Мне следовало бы раньше догадаться, хотя я и отсиживался здесь, не видя никого из внешнего мира, кроме Белинды.

Коротышка заглянул меж занавесок моих грез.

Получив передышку, я расслабился настолько, чтобы понять, что Шустер приходил забросить удочки. Он жаждал информации о чем-то, что глубоко его тревожило, – и я не помог ему, несмотря на свою откровенность.

Команда Шустера покинула «Огонь и лед» поэтапно, бдительно охраняя директора. Так сказала Краш, которая принесла ланч, как только жуткий коротышка ушел.

Я ненавидел себя за свою идиотскую реакцию на девушку ее возраста – и в то же время чувствовал боль, потому что девушка ее возраста считала парня моего возраста просто скверной шуткой. Но она могла смотреть глазами с поволокой на Морли Дотса, почему-то полагая чудесным то, что меняет подгузник большому мальчику, темному эльфу, который, вообще-то, куда старше меня.

Краш не интересовалась Гарретом-мужчиной. Точкой нашего соприкосновения был Морли. Она призналась, что понятия не имеет, кто он такой на самом деле. Но возможно, его знает Ди-Ди.

Плаксивый парень, сидящий во мне, спросил:

– Тогда почему ты курлычешь над ним?

Мое мнение о ней драматически возросло: она немного подумала, прежде чем ответить:

– Не знаю. Не могу объяснить это с логической точки зрения. Он колдун?

– Твои догадки будут ближе к истине, чем мои. Ты ведь женщина. Мне никогда не удавалось это понять. Может, от него исходит некий запах, потому что он вегетарианец.

– Сомневаюсь. Как бы то ни было, если речь идет обо мне, наверное, все дело в соперничестве с Ди-Ди. И у него возбуждающая репутация. Он плохой, он красивый, и он имел связь со знаменитыми женщинами. А если не считать всего остального, остается чистой воды любопытство. Что такого особенного находили в нем все эти женщины?

Я угрюмо поразмыслил о Морли. Как-то раз он сказал мне, что упорно трудился над своей репутацией. Создавая ее и оповещая о ней, он обеспечивал себе неиссякаемый поток леди, гадавших, что в нем такого возбуждающего. Морли настаивал, что тут нет никакого обмана. Он давал оправдания женщинам, чтобы те могли потакать своим испорченным желаниям.

Краш закончила работу, и у нее не осталось причины болтаться здесь. Она ушла без извинений, без прощальных слов, без разбитого сердца.

Я закрыл дверь и подпер ее раскладушкой. Прилег вздремнуть, но сон продлился всего часа два-три. Меня снова разбудили. Я воспользовался ночным горшком, после чего проверил окно.

Оно было заколочено.

Но ведь в него было вставлено стекло. А стекло можно разбить.

18

Звук доносился от кровати. Я уронил объемистый сборник шедевров Иона Сальватора. Мне показалось, Морли давится.

Он и правда давился. Словами. Глаза его были открыты. Он пытался заговорить.

Взгляд его казался диким. Он не хотел спросить, где он

и что происходит. Его последние воспоминания были о том, как ему наносят удары. При виде меня лучше ему не стало. Он меня не узнал.

Время было на моей стороне. Морли никуда не уйдет. У него для этого нет ни сил, ни желания.

Он чувствовал каждую свою рану. Одна попытка встать – и ему стало ясно, как он проведет следующие несколько недель.

Не то чтобы он завопил. Голос его был недостаточно громким, чтобы привести сюда остальных обитателей дома. Он лежал, задыхаясь, собираясь с силами. Вот теперь он меня узнал.

– Ты наконец разозлил кого-то чуть больше, чем следовало. Может, благословил своим вниманием не ту жену или не ту дочь.

Он издал протестующий звук.

– Тогда тебя настигли делишки прошлого.

Дотс не ответил, сделавшись задумчивым. Поскольку в наши дни ему полагалось быть честным владельцем ресторана, я подозревал, что он роется в памяти в поисках связующего звена.

И он по-прежнему не отвечал.

Должен ли я отвергнуть идею о мстительном призраке? Живых и опасных осталось наперечет. Морли, которого я знал, когда мы были моложе, не оставлял своих врагов в живых.

Он погрузился в сон. Проснулся спустя несколько часов, все еще не в силах говорить, и дал понять, что хочет пить.

Когда вечером пришли Ди-Ди и Краш, чтобы, как всегда, вымыть его и накормить, он спал. Я не поделился хорошими новостями. Мне хотелось, чтоб они убрались побыстрей.

Мисс Ти заглянула, пока они мыли Морли, и ушла, ничего не сказав.

Морли спал долго и крепко. Когда я стал сыт по горло Ионом Сальватором – читая, я все время слышал его раздражающий, ноющий, скрипучий голос, – я погасил лампы, растянулся на раскладушке и тоже задремал.

Один раз я как будто проснулся – у меня было неясное впечатление, что Морли хочет что-то сказать. Механически и так же внятно, как не держащийся на ногах пьяница, говорящий на языке предков. Еще позднее я, снова не вполне проснувшись, решил, что окно пытаются открыть. Поскрипывало стекло. Потрескивала рама.

Снаружи что-то вспыхнуло, стукнуло, раздались вопли и крики. Пронзительно заверещали свистки гвардейцев.

Подойдя к окну, я ничего не увидел. Ни малейшего проблеска света. Небо затянули тяжелые тучи.

Больше я ничего не слышал, пока ранние пташки, Ди-Ди и Адская Дыра, не разбудили меня, колотя дверью по моей раскладушке.

Адская Дыра. Надо же! Какое изумительное имя! Я бы уважил ее предпочтения и называл Краш.

В следующий раз Морли проснулся, когда его обслуживали женщины. Мне пришлось стать свидетелем тех заволакивающих, необъяснимых и отвратительных фокусов, которые творились вокруг него.

Две профессионалки, дарующие мужчинам утешение, поблаговолели от смущения, когда он открыл глаза.

Я просто прислонился к стене, чтобы не быть помехой, и молча дивился. Не-ве-ро-я-а-атно!

Ди-Ди была настроена филантропически. А может, старалась пересилить свою робость, переключив внимание на безобидную мишень.

– Прошлой ночью тут опять творилась суматоха.

А я-то почти убедил себя, что мне все приснилось.

– Надеюсь, не такая смертельная, как прошлая.

– Думаю, все обстояло очень скверно. Ты должен поговорить об этом с мисс Ти.

– Предвкушаю. Моменты, проведенные с Майк, драгоценней жемчужин.

Ди-Ди никогда не была любительницей моего специфического юмора. Она непонимающе посмотрела на меня, даже не пытаясь догадаться – шучу ли я.

Однако Краш возвела глаза к потолку. Она вознаградила меня усмешкой, говорившей, что оценила мой перл и что

шутка вышла неудачной.

Морли издавал звуки, относившиеся к разновидности вопросов, наиболее часто задаваемых теми, кто приходит в себя при странных обстоятельствах.

– Мы находимся на втором этаже борделя «Огонь и лед», дочерней компании империи Контагью, – сказал я ему. – Здесь мы по распоряжению Белинды. Она решила, что это безопасное место, где можно скрыться, пока ты не поправишься настолько, чтобы тебя перевезли к ней. Твои милые прислужницы – Ди-Ди и ее дочь Адская Дыра, которая предпочитает, чтобы ее звали Краш. Они заботятся о тебе с тех пор, как тебя сюда принесли. Сколько – четыре дня назад? Леди?

Ди-Ди посчитала по пальцам:

– Угу, четыре.

Потом – кроме шуток! – сделала реверанс.

Краш снова возвела глаза к потолку.

Морли издавал звуки. Я переводил.

– Он говорит, что рад познакомиться с вами и благодарит за заботу, которую вы так щедро ему расточали.

– Кажется, ничего подобного он не говорит, – заключила Краш.

Мне тоже так казалось.

– Возможно, он выражается чуть менее элегантно. Человек с глубокими колотыми ранами склонен быть кратким и капризным, особенно когда он только что очнулся и ощутил

боль. Но я изложил суть тех чувств, которые он хотел выразить. Чувств, таящихся глубоко-глубоко в его сердце.

– Мужчина, вы такое брехло! – сказала Краш.

– Это одна из самых подкупающих черт моего характера. Она фыркнула.

– Как только получше меня узнаешь, ты поймешь, что я большой, славный плюшевый мишка.

Еще одно фыркание – от меня отмахивались, но не иронизировали.

– Я не собираюсь узнавать тебя получше. Все заведение получило очень точные инструкции от Капы – Белинды. Даже Ди-Ди недостаточно тупа, чтобы их нарушить.

Краш посмотрела на мать – которая продолжала выглядеть как ее счастливая младшая сестра.

– А может, и достаточно тупа. Но она уже сосредоточилась на плохом парне.

– В другом месте и в другое время, при иных обстоятельствах мы могли бы стать отличными друзьями. Мне нравятся вывихи твоего мышления.

Это лишило ее дара речи. Я дал волю злomu смеху. Давно у меня не было такого шанса.

Будучи тренированным наблюдателем, я сделал кое-какие выводы.

– Сегодня утром вы не принесли завтрак.

– Завтрак не готов, – ответила Ди-Ди. – На кухне проблемы, поскольку кое-кто опоздал.

Параноидальный телохранитель во мне насторожился.
И напрасно.

Ди-Ди объяснила:

– По большей части они опоздали потому, что им пришлось пробиваться сюда через отряд жестяных свистулек и всякий сброд, толпящийся снаружи. Но у некоторых к тому же похмелье. Прошлой ночью дочь главного повара вышла замуж, и после свадьбы этот идиот заплатил за открытый бар. Как только приступят к делу, они наготовят столько еды, сколько сможешь съесть.

Краш в который раз возвела глаза к потолку, теперь без явной причины.

Морли молчал. Он слушал, мысленно делая наброски характеров.

– Когда появится еда, мне нужно, чтобы одна из вас помогла его накормить, – сказал я.

– Это должна сделать Краш, – объявила Ди-Ди, сильно меня удивив. – У нее получается лучше, чем у меня.

Краш покачала головой. Раз мать не хотела этой работы, ее не хотела и дочь.

– Может, мы должны предоставить решение мисс Ти, – высказал я свое мнение, потому что вошла упомянутая особа.

За нею последовал невероятно разномастный завтрак. Ранее не встречавшаяся мне юная леди разместила поднос на тумбочке.

В комнате становилось слишком тесно.

Если бы мне было от двенадцати до двадцати девяти лет, я был бы на седьмом небе. Но теперь я большой мальчик, мне больше не позволялось иметь подобные мысли. Еще и запах бекона всевластно меня отвлекал.

– Ди-Ди, спустись вместе с Краш и помоги обслуживать, – сказала мисс Ти. – Я накормлю мистера Дотса и поговорю с мистером Гарретом.

– Обслуживать? – спросила Краш.

– Я открыла большую гостиную для гвардейцев. Им подают чай и сладкие булочки. Жест доброй воли.

– Это всегда помогает – быть в добрых отношениях с местными краснофуражечниками.

– Так и есть. Шевелитесь, леди. Гаррет, пока ты не лопнул от обжорства, подай мне тот стакан и длинную ложку.

В «том стакане» оказалась густая слизь, сделанная из чего-то, что, наверное, отвергла бы и умирающая с голоду свинья. Но эта штука была полезна для парня с ножевыми ранами.

– И подай воду, – велела мисс Ти.

Жидкость попала в рот Морли через тростинку. Мисс Ти набрала немного воды, зажав большим пальцем верхний конец тростинки, а потом выпустила струйку в рот Морли. Это сработало лучше, когда он очнулся.

Ему очень хотелось пить.

Мисс Ти терпеливо пичкала его, мало-помалу.

– Прошлой ночью снова была заваруха.

– Я слышал. По соседству кишат красные фуражки.

– Они повсюду. Половина моих людей не может попасть на работу. Я пытаюсь устроить жестяных свистулек поудобнее, пока они попусту тратят свое время. И мое.

– Что случилось?

– Ночной посетитель вернулся. Человек Капы ждет. И директор Шустер тоже держит здесь команду спецов.

– Мне показалось, я слышал взрыв, но, посмотрев в окно, ничего не увидел.

– Это и был взрыв. Почему бы тебе не спуститься и не взглянуть самому, пока я занята здесь?

– Смахивает на план.

– Держи.

Она вытащила листок пергамента, угнездившийся меж ее грудей. Пергамент был теплым, с легким ароматом.

– Что это такое?

– Пропуск служащего. Он поможет тебе входить и выходить, если придется иметь дело с людьми, которые тебя не знают.

– Спасибо. Это пригодится.

На мгновение мне захотелось похвастать этим в своем кругу. У меня имелось письменное доказательство того, что я – добросовестный служащий борделя высокого уровня.

Однако, если поразмыслить, наверное, лучше держать такое при себе. Иначе я выслушаю всевозможные скверные

шутки от людей, исполненных решимости подорвать мое достоинство. Самая безобидная насмешка, какую мне пришлось бы вынести, – «мальчик на побегушках».

20

Пропуск оказался не нужен. Несколько сержантов – жестяных свистулек – вспомнили меня, и их предупредили, что я имею полуофициальный статус. На этот раз мое присутствие поблизости от места преступления стерпели.

Барри Берри был человеком без чувства юмора, но славным малым. Он прилип ко мне так, словно я его спецзадание, и устроил для меня экскурсию.

– Все оставлено там, где упало. Директор и генерал Туп хотят увидеть все сами, прежде чем мы начнем подчистку.

Да, действительно придется кое-что подчистить. Ближайшие окрестности были благословлены пятью трупами. Двое – из Гвардии. Еще один – человек Белинды. Последние двое – незнакомцы, предположительно сотоварищи преступника. От их одежды остались шерстяные серые лохмотья. Головы были упакованы в деревянные шлемы.

– Кое-кто верит в жизнь на пределе, – заметил я.

– Превалирующая теория – это кто-то, неспособный установить связь между действиями и последствиями. Мы имеем дело с психом, Гаррет. С безбашенным психом.

Между Организацией и Гвардией начались гонки. Побе-

датель будет иметь честь первым провести долгие, болезненные посиделки с тем, кто стоит за всеми этими смертями.

Загадочные люди в сером упали на линии, ведущей из-под окна Морли до того места, где раньше погиб часовой Белинды. Взрыв был такой силы, что ударная волна швырнула их на десятки ярдов над булыжной мостовой. Кровавый след говорил о том, что один прополз двадцать футов, прежде чем испустил дух. Остатки сломанной тележки и поджаренные трупы коз отмечали начало его короткого пути.

Пониже окна к кирпичной стене прилип кусок того, что навело меня на мысль о кальмарах. Не было ни щупалец, ничего подобного, а всего лишь сырой кусок мяса с текстурой, как у моллюска.

– Большинству наших это напомнило улиток. Думаю, из-за корочки на кирпиче.

– Но раковины нет.

– Щупалец тоже нет.

– Верно. Мы знаем, что произошло?

– Мы в точности знаем, что произошло, минута за минутой.

– Тогда просвети меня. Будь так добр.

– Как и в прошлый раз, показалась тележка, запряженная козами. Как будто тот, кто ее пригнал – кем бы он ни был, – понятия не имел, что мы можем выставить наблюдение.

– Но он явился в компании двух головорезов.

– Тупость. Выходящая за все рамки глупая самонадеян-

ность. Мисс Контагью привела друга с Холма, который прятался в засаде. Он был в том же месте, что и мужик, которого размазало. Человек с Холма использовал скрывающие чары, не совсем эффективные. Преступник не сразу его заметил. А когда заметил, маг швырнул молнию.

– Из-за этого все и произошло?

– Да. Мисс Контагью использовала кого-то из высшего класса.

– А где преступник?

– Удрал. Подойди сюда.

Барри провел меня мимо обломков тележки к пятну, напоминавшему свечную копоть пятнадцати футов в поперечнике. В центре был круг абсолютно нетронутых булыжников, диаметром в ярд. Получилось черное кольцо толщиной в одну восьмую дюйма.

Маленькие отпечатки ног пережившего бедствие тянулись в центр города.

– Это было отступление с боем. Тогда-то мы и потеряли наших парней. И бойца Организации.

– Не ранеными, а убитыми.

– Да.

– А колдун?

– Тот, что устроил взрыв? Он был слишком стар и толст, чтобы поспеть.

Высокие здания вокруг закрывали обзор, но я подумал, что, возможно, убийца двигался к Холму параллельно курсу

отряда.

Я об этом не упомянул. Не было необходимости. Эту сторону вопроса тщательно изучали не только красные фуражки и Организация, но и ключевые фигуры Холма. Им не нравилось, что поведение негодяя, скорее всего, навлечет на них еще больше враждебности, которой они уже «наслаждались».

– Это загадка, сержант.

– Действительно. Дотс что-нибудь сказал?

Ха! Вот почему у меня был собственный экскурсовод из краснофуражечников.

– Пока нет. Но поверь, у меня будет целая книга вопросов, когда он очнется.

– Если очнется.

– Он мой самый старый друг, сержант. Я обязан думать позитивно.

– На твоём месте я бы сделал все возможное, чтобы быть позитивным. После прошлой ночи очень многие, вплоть до наследного принца, захотят спросить Дотса, что происходит.

Я совершил один из мысленных интуитивных прыжков, благодаря которым стал широко известен.

– Бьюсь об заклад на золотую монету: он не будет знать, что происходит.

– Выберет молчать и захочет справиться с этим в одиночку?

Морли мыслил именно так.

– Я имею в виду другое: поставлю золотую монету на то, что он знает о происходящем меньше меня или тебя.

– Но кто-то хочет его убить.

– Очевидно. Только, может, некто, побывавший здесь, – не тот некто, кто превратил его в подушечку для булавок. Может, этот некто хочет выяснить, что замышлял тот, первый некто.

У меня был мозговой штурм.

Мои умозаключения базировались на факте: на Морли напали без помощи колдовства.

– Возможно, имела место ошибка в опознании личности. Или кто-то считает, что Морли знает то, чего он на самом деле не знает. Я мог бы выдвигать версии целый день. Это чистой воды теоретизирование.

– Действовал псих.

Вероятно.

Несомненно.

В духе открытого сотрудничества я начал выпрашивать у Берри о преступлениях, которые могли иметь связь со случившимся здесь. Шустер упоминал о глубоком интересе к схожим чертам подобных мерзких происшествий.

Мне не дали долго этим заниматься. Обнаружив, что невозможно открыть окно, чтобы меня окликнуть, мисс Ти начала колотить по стеклу, привлекая мое внимание.

Она энергично поманила меня, и я сказал:

– Мне надо идти, сержант. Спасибо за все.

Мисс Ти не дала мне спросить, что случилось.

– Я не говорила, что остаток дня ты можешь отдыхать, а я тебя прикрою.

– Краснофуражечники устроили мне турне по высшему разряду. Я никогда еще не видел их такими серьезными. Не исключено, что позже здесь появится сам принц Руперт.

Она бы возмущалась и дальше, но справилась с раздражением. Визит наследного принца значил очень многое.

– Понятно.

– А наш собственный принц говорил что-нибудь, пока меня не было?

Дотс крепко спал.

– Он сделал мне предложение. Двухчасового незарегистрированного брака. После того, как снова встанет на ноги. Я подумаю об этом.

– Еще один признак, что он поправляется.

Мисс Ти бросила на меня сердитый взгляд и что-то проворчала. Морли вряд ли счел бы ее слова подкупающими.

В поисках более важных дел она отлучилась. И не забрала поднос с завтраком. Я налил себе холодного чая, поставил раскладушку, устроился на ней, взял сборник Сальватора и попытался перечитать «Несчастную любовь».

Название говорило обо всем. В эту тему театры Танфе-

ра вдыхали жизнь в большинстве постановок. Данная пьеса содержала автобиографические элементы. Главная героиня, вместо того чтобы быть обычной малодушной розой, походила на любовницу Сальватора – Торнаду.

Просмотрев несколько страниц, я спросил вслух:

– Во что же ты вляпался на этот раз?

Судя по всему, во что-то крупное. И это не вписывалось в обычную схему. Морли не сделал бы ничего такого, что привлекло бы внимание принца Руперта.

Но если подумать о нападении на меня и Тинни... Мы тоже сознательно ни во что не впутывались.

Я вернулся к чтению пьесы. Нужно было прояснить мысли.

Закончив читать первую сцену третьего акта, я поднял взгляд и обнаружил, что Морли смотрит на меня, и не очень весело.

– Какого черта ты натворил?

Со слабой улыбкой он тихо, скрежещуще прохрипел:

– Воды!

Я накапал ему в рот воды. Напившись, он снова уснул, ничего не сказав и не ответив ни на какие вопросы.

Краш принесла обед и забрала остатки завтрака.

– Мне нужна еще вода, и нужно вынести ночной горшок, – сказал я.

– А мне нужна алмазная диадема.

Несмотря на ее вызывающее поведение, все мои просьбы

были быстро выполнены.

Морли проснулся, выпил воды, не изрек ничего мудрого и снова уснул.

За час до ужина вернулся лекарь, вырядившись в свой лучший траурный костюм. Я не стал спрашивать, почему Дети Света одеваются подобным образом, – не настолько меня это интересовало. Я становился пресыщенным. И расстроенным.

Большим сюрпризом было то, что доктора сопровождала знакомая мне с прошлого года дама – Бегущая по ветру, Поток яростного света.

Она тоже удивилась, увидев меня. И кажется, слегка смутилась, потупив фиалковые глаза.

Я вежливо поздоровался. Предпринял в уме дурацкую попытку связать с помощью слова «свет» видного деятеля с Холма и лекаря из культа. Но у меня недостаточно развито параноидальное воображение.

Этих двоих сопровождала Белинда Контагью, она осталась в коридоре и наблюдала оттуда. А я сделал свои выводы.

Бегущая по ветру не состарилась ни на минуту и по-прежнему напоминала облачко, будучи совершенно восхитительной. Но сегодня она была сама деловитость. Направилась к окну, почти не обратив внимания на Морли.

Я попытался вспомнить, знакомы ли они. Мелькнули полустертые воспоминания из прошлого. Допотопные времена. Я был тогда другим человеком в другом мире, а вовсе не

респектабельным буржуа.

Новый Гаррет не сдержал смехок, за что заслужил хмурые взгляды всех присутствующих женщин.

– Как его дела? – спросил лекарь.

– Он спит и пьет воду. Думаю, ему лучше.

– Пьет воду?

– Он просыпается, издает тихий хрип, означающий, что он хочет пить. Я использую тростинку. Он сосет из нее воду, а потом снова засыпает.

Для леди, стоящей в коридоре, я добавил:

– Мисс Ти заявила, что этим утром он пытался за ней ухаживать. Она просто хочет меня позлить.

– Пройдет много времени, прежде чем этот парень снова будет грешить, – сказал лекарь, осматривая раны Морли. – Он самая удачливая жертва поножовщины, какую я когда-либо видел. Некоторые раны – шести дюймов глубиной, однако ни один удар не рассек артерию и не попал в жизненно важный орган. И воспаления тоже нет. Не наваливайтесь на него с вопросами. Он пока не в состоянии отвечать. А! Вот и он.

Глаза Морли открылись. Он отмониторил толпу и издал свой обычный звук, означавший: «Воды!»

Лекарь извлек черный стеклянный пузырек величиной с мой большой палец, с прозрачной пробкой.

– Три капли в каждый кувшин воды. Держите его воду отдельно. Это от боли. Вам все еще очень больно? – спросил

он Морли.

Дотс хмыкнул и закрыл глаза.

Лекарь обратился к дверному проему:

– Я сделал все, что мог. Он поправится. Когда поправится – зависит от того, как строго будет придерживаться моих рекомендаций. Никаких отклонений от диеты. Пить – сколько пожелает. К каплям нет привыкания, но от них сильно клонит в сон. Держите его в чистоте. Регулярно переворачивайте. Что ему требуется – так это время. В инструкциях, которые я дал вам, мадам, есть расписание. Следуйте им в точности.

Ух ты! Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь отдавал приказы Белинде Контагью. А этот сумасшедший отдавал. И она кивала! Она поняла инструкции, еще как. Морли наверняка попытается уйти раньше, чем будет готов.

Поток яростного света ничего не сказала. Взглянув на Морли мимоходом, она больше не обращала на него внимания. Ее заворожило что-то на улице.

– Твоя подруга-крыса весьма умна.

Окно было узким, но я ухитрился к ней присоединиться. Внизу стояла Синдж. Она разговаривала со старшими гвардейцами и парой тяжеловесов из среднего управленческого персонала предприятия Белинды.

Я рад был увидеть, что к моей маленькой девочке относятся с тем уважением, какого она заслуживает как самый одаренный следопыт города.

– Почему ты говоришь, что она умна? – спросил я.

– Она собирается вернуться по следам, вместо того чтобы идти по ним вперед.

Вернуться по следам коз? Это легче, чем выслеживать человека, убившего троих во время бегства. И безопаснее. И полезнее.

Оба нападения осуществлялись с одной и той же стороны, и преступники исчезли в направлении Холма.

– Девушка пугающе умна. Что ты здесь делаешь? – спросил я.

– Личный вызов принца Руперта.

Точно. Я вспомнил: она – друг семьи.

– А как твои папа и дочка Кивенс?

– В данный момент мы не ладим. Давай сосредоточимся на непосредственной задаче. Я не та женщина, которую ты помнишь.

Она обратила ко мне холодные изумрудные глаза. Я боялся в них утонуть.

– Прости. Вероятно, я тоже не тот мужчина, которого ты помнишь.

В окно я увидел, как из тени появились крысюки, товарищи Джона Растяжки, в то время как Синдж двинулась прочь; за ней тащился шлейф головорезов. Тех, что стояли по разные стороны закона. Они держались поодаль, чтобы ее не отвлекать.

– Тебе известно, почему эта заварушка подняла такой пе-

реполох? – спросил я.

Бегущая по ветру встретила со мной взглядом. Глаза ее были поразительно голубыми. Застенчивая девушка, которую я помнил, вновь дала о себе знать.

– Я могу прокомментировать это только с позиций обширного невежества. Принца Руперта заботит возможная связь случившегося с Холмом.

Однажды я общался с наследным принцем. Он попросил меня стать его личным агентом. Как и Дил Шустер, он был полон решимости неизлечимо заразить Танфер законом и порядком. Тот, кто не согласится принять верховенство этих правил, несомненно, стал бы для него порочной тварью.

– Вообще-то я хотел знать, что ты делаешь с нами в этой комнате.

– Полагала, что при помощи лекаря смогу выяснить что-нибудь полезное. Я ошиблась. А потом настолько поразила, увидев тебя... Мне нужно вернуться к работе. Быть с теми, кто снаружи.

Она жеманно прошла мимо нас с Белиндой, не вдаваясь в личные подробности, оставив меня опустошенным. Эти глаза... Я уже и позабыл, какие у нее глаза.

Не успела Бегущая по ветру исчезнуть, как вошла Белинда.

– Между вами что-то есть? Я думала, что знаю всех девок, которые были после меня.

– Только в ее голове. Может быть. Она в незапамятные времена совершила на меня небольшой набег. Это ни к чему не привело. Однако... она многогранная личность.

– Ей стоило бы спуститься с Холма, чтобы гоняться за тобой.

Белинда шутила, но так устала и так беспокоилась, что мысль прозвучала серьезно.

Я держал рот на замке, ведь на самом деле ее это не интересовало.

Взяв Морли за руку, она спросила его:

– Где, к дьяволу, ты был все эти десять дней?

– Десять дней? – оторопел я. – Есть что-то, чем ты со мной не поделилась? Предыстория изменилась, когда мы двинулись дальше?

– О чем ты?

Я мысленно вернулся назад. И решил, что я тупица. Раньше она сказала лишь, что Морли пролежал тут три дня, до того как меня привезли.

– Не знаю. У меня проблемы с приведением разума в бойцовское состояние. Ты правда ждала три дня, прежде чем явиться ко мне?

– Я была выбита из колеи. Ты лучше всех понимаешь, что, когда мы в смятении, мы совершаем глупости.

– Он мог умереть.

– Но не умер. И я все-таки выкроила время для тебя и для Детей Света.

– Прости, что огрызнулся.

– Поделом мне.

Она смотрела на Морли такими же глазами с поволокой, какими при мне на него смотрели тысячи других женщин.

Следуя интуиции, я спросил:

– Белинда?

– Мм?

– До моего появления здесь происходило что-нибудь странное?

Иногда мисс Контагью читает мысли.

– Думаешь, они подозревали, что он жив, но не знали, где искать? Поэтому наблюдали за тобой? Они совершили набег на твоё обиталище, чтобы заставить тебя шевелиться... Нет. Это не вяжется между собой.

– Они наблюдали за тобой, пока ты не связалась со мной. Потом наблюдали за мной. Именно так поступил бы я сам. Почему они такие отчаянные? Где произошло нападение? И что говорят люди, которые нашли Морли?

– Я пока не знаю, где это случилось. Но собиралась пойти и взглянуть на то место. Морли нашли умирающим. Вот и все. Было ясно, что вещи ему больше не нужны, поэтому и начали выворачивать его карманы.

– И нашли нечто, связывавшее его с тобой, после чего поступили правильно.

– Они сделали то, что, по их мнению, могло набить их карманы.

– Они ошиблись?

– Нет. Это просто хорошие взаимоотношения с публикой. Иногда прикармливаешь зверя.

– Ты получила обратно его вещи?

– Получила. Думала, возможно, на него напали из-за чего-то, что он нес. Но у него ничего не было. Однако его могли обчистить прямо там.

– А нападавшие выжили? Никто не сотворит с Морли такое, не получив сдачи.

– На месте, которое я собираюсь проверить, осталась кровь и другие признаки жестокого боя. Но никаких трупов. Мои люди нашли две деревянные пуговицы, обрывок серой шерстяной ткани и сломанную деревянную маску с литыми стеклянными щитками глазных щелей. Странно, да? Я надеялась, Пулар Синдж сможет что-нибудь со всем этим сделать. Она сказала, что слишком поздно. След давно исчез.

– Морли отсутствует десять дней?

– Да. Еще раз.

– Он ничего не рассказывал Саржу или Рохле или еще кому-нибудь из своих балбесов?

– Нет. Я отправилась туда даже раньше, чем выяснилось, что в нем проделали столько дыр. Мы об этом с тобой говорили.

– Мне приходится спрашивать снова и снова. У тебя был

свидетель.

– Свидетель, которого больше никто не может найти.

– Упрятанный подальше для сохранности.

В реке, с большими камнями вместо башмаков.

– Я думаю так же, – сказала Белинда. – Не на основании улики, просто интуиция.

– У него, часом, не изумительная фигура в обтягивающей черной коже?

– У него – нет. Рано или поздно мы его найдем.

Непременно найдем.

– Не могу представить, чтобы Морли шлялся где-то так долго. Одну ночь еще куда ни шло. Но он практичный парень с собственным бизнесом, – сказал я.

– Ты не выдаешь оригинальные мысли.

– Даже не пытаюсь. Просто размышляю вслух. Но вот вопрос личной заинтересованности. Насколько тесно ты сотрудничаешь с директором?

– Мы притворяемся, что не замечаем, как другой разнюхивает здесь и там. На связи между нашими подчиненными будут смотреть сквозь пальцы.

– В последний раз, когда наши пути пересекались, Шустер сколачивал отряды специалистов. Одна такая команда должна была заниматься колдовской судебной экспертизой.

– Они называются спецями, – пояснила Белинда. – Уже есть с десятков таких отрядов, и должно стать еще больше.

– Если группа колдовских судебных экспертов готова, мо-

жет, ты убедишь Шустера проверить то место, когда сама отправишься туда?

– Предложу ему. Но красным фуражкам глубоко плевать на Морли.

Я посмотрел на Дотса. Какими секретами мы будем вознаграждены, как только он сможет сидеть и говорить? Он выглядел более расслабленным. Капли в воде, должно быть, действовали.

– Есть один очевидный ответ, почему Морли отсутствовал десять дней.

– Он был пленником, – решила Белинда.

– Это подходит к тому, что мы знаем. И может объяснить, почему кто-то пытался убить его: если предположить, что он сбежал.

– Нет никаких признаков того, что его держали связанным или закованным.

Я поднял руку Морли и посмотрел на его запястье. Конечно, ничего.

– Это означает – его не держали в цепях.

Белинда встала у окна, наблюдая за улицей, но, скорее всего, ничего не замечая.

– Я подумываю, не изменить ли решение.

– Насчет чего?

– Насчет того, чтобы перевезти Морли ко мне.

– В самом деле? – осторожно спросил я.

– Думаю, за двумя зайцами погонишься... Где-то еще не

будет безопасней. И твой партнер мог бы выяснить то, что нам нужно знать.

Белинда из тех, кто постоянно заставляет тебя вздрагивать.

– Есть одна проблема, – признался я. – Старые Кости в данный момент мертвы для мира.

– Ты всегда так говоришь.

– Сейчас это правда. Да и почти всегда.

– Но ты же здесь. Единственный, кто способен вытряхнуть реликта из его снов.

В самой малой степени и это было правдой.

На пороге появились Краш и Ди-Ди.

23

У Белинды, как у госпожи империи, охватывающей подбрюшье Танфера, нанимательницы тысячи с лишним человек, имелись обязанности за пределами «Огня и льда». И ей следовало заняться расследованием. Однако она продолжала сидеть на жестком складном стуле, пристально глядя на Морли и что-то бормоча. Стул был гениальным изобретением Кипа Проуза и продукцией смекалистой Объединенной производственной компании.

Мисс Ти принесла четыре таких стула. В сложенном виде они почти не занимали места. Без сомнения, стоили они целое состояние. За неделю наверняка появятся дешевые под-

делки, если я останусь здесь, вместо того чтобы сражаться за права интеллектуальной собственности компании.

Законы существуют, но мы должны сами претворять их в жизнь.

– Белинда?

Она не ответила.

– Эй, девушка. Слушай внимательно. Здесь работает детектив. Давай возобновим игру в вопросы и ответы.

Она обратила ко мне усталый взор.

– Давным-давно, два дня и несколько часов назад, ты рассказала мне кое-что о ситуации Морли. С тех пор произошли некоторые изменения, и все они вели в сторону меньшей точности и большей неопределенности.

– Такое может случиться, когда говоришь со свидетелями.

– Верно. У тебя был свидетель. А теперь у тебя его нет?

– Как я уже сказала, он исчез. В любом случае его история не выдерживала критики.

– Звонарь.

– По здравом размышлении я полагаю, что он разнюхивал след Морли. Тогда я не мыслила ясно. И не скрывала того, что Морли жив.

– Мог ли этот «свидетель» сам быть преступником?

– Не знаю.

– Сержант Берри настаивает на том, что мы имеем дело с психом. Может быть, это один из тех, кто кормится в гуще толпы возле места преступления? Некоторые даже пытаются

ся втереться в круг жестяных свистулек, чтобы можно было ходить за ними по пятам во время расследования.

– Может быть. Бьюсь об заклад, этот субъект болен далеко не в одном отношении.

– Помнишь, какой он?

– Если бы я была художницей, нарисовала бы.

– У тебя не получается рисовать животных и людей.

– Совсем.

– Мы можем нанять художника.

– Сомневаюсь... Проклятье! Я не сильна в описаниях.

– Мы могли бы попросить Покойника поймать мысленную картинку и передать ее умелому художнику. В Танфере есть хорошие портретисты.

Белинда бросила на меня такой свирепый взгляд, как будто собиралась испепелить одной только силой воли.

– Я так и думал, что ты слишком параноидальна, чтобы сделать это простым способом.

– Параноидальна? Я? Ах ты, деревенщина...

– Допустим, он порылся бы у тебя в голове?

Она не ответила. Мысль об этом ужаснула ее.

– Но он ведь уже делал это раньше. И ты пережила. Да и как он использует то, что найдет? Будет лишь излучать самодовольство, потому что заглянул тебе под юбку.

Белинда не готова была ответить. Ее выручило появление встревоженной мисс Ти.

– Вам лучше спуститься, мадам! – выпалила та. – Чер-

тов проклятуший наследный принц здесь, собственной персоной.

– Похоже, я нужна, – сказала Белинда.

– Хочешь, пойду с тобой? Я знаю этого парня.

– Брехня. Ты не суешь в его круг и кончика носа, не говоря уж о том, чтобы там вращаться.

– Поставь на это – и ты проиграешь. Как-то раз он предложил мне быть его личным частным сыщиком.

Я дал ему от ворот поворот. Мне нравится самому распоряжаться собой. Что я и делал с тех пор, как сказал ему: «Извините, нет». И работа досталась не мне, а умному пройдохе Лазутчику Фельске.

Фельске наверняка выпала худшая доля. Так говорил я себе, важно шествуя по этажам Объединенной производственной компании, в надежде запугать редкого дурака, который стал бы воровать у своего нанимателя в то время, когда люди умирали с голоду, если теряли работу. Объединенная и пивоварня Вейдера в наши дни были единственными организациями, дающими рабочие места. И я крутился в обеих.

Сидя на исходе дня с королевой преступного мира и лучшим другом, который не мог продемонстрировать мне свою издевательскую ухмылку, я волей-неволей созерцал то, кем и чем я стал. И чувствовал легкое смущение.

– Ты выполняй свою работу, а я очарую Руперта, – сказала Белинда.

– Постарайся его не бить. А если придется, постарайся

воздержаться от ударов.

– Остряк. Я все время тебе повторяю: я уже не та, какой была раньше.

Но она была все такой же. Просто теперь лучше маскировалась. И она собиралась предстать перед раздражающей и тщеславной личностью.

При всех своих высоких моральных принципах и решимости действовать во благо Каренты Руперт был спесивцем. Он был непоколебим, когда речь шла о его добрых делах, но ни на миг не сомневался, что королевские подданные стоят ниже его в социальном и умственном отношении. Он считал себя пастырем, поклявшимся защищать от опасности своих глупых животных.

– Тогда удачи, дражайшая, – сказал я Белинде.

24

Позже Краш принесла воду и фунт соли.

– Нам пришлось посылать за солью. Повара отказались отдать свою, – пояснила она, ступая осторожно. – Утром ты, наверное, не застанешь меня и Ди-Ди. Нам понадобится время прийти в себя. Все эти козлы из Гвардии хотят молоденьких, а платят паршивые чаевые.

Что я мог сказать? Что на любой работе сталкиваешься с козлами?

Я постарался принять сочувственный вид.

– Когда придешь в следующий раз, мне не помешало бы новое чтиво.

– Если смогу ходить. Или спустись и сам что-нибудь возьми.

Чудо из чудес – волнения сошли на нет. Как ни храбры были наши приятели, они поняли, что приходить за Морли в «Огонь и лед» себе дороже.

Ночь за ночью я сидел, ожидая, когда Морли сделает еще что-нибудь, кроме как выпьет воды и пернет. Это было все равно что нянчить новорожденного, только его подгузники приходилось менять не мне.

Я гадал, чем закончилась поисковая вылазка Синдж. Гадал, что делает Шустер, что затевает наследный принц и что выяснила Белинда. Больше всего я беспокоился о Тинни. Надеялся, что она находится в лучшем положении, нежели я.

Круг моего общения сузился до мисс Ти, Краш и Ди-Ди. Мисс Ти помогала в комнате Морли, пока остальные леди справлялись с повышенным спросом на основную продукцию заведения. Мисс Ти не вносила свой вклад в ажиотаж.

Мне никто не говорил, что творится за этими стенами.

Я всячески поносил тех, кто приходил в «Огонь и лед» за спецзаказом.

Сидя взаперти с Морли, я все больше соскальзывал к границам буйного помешательства. Мне требовалось заново открыть для себя терпение. Меня еще ждал долгий трениро-

вочный период, когда Морли выберется из постели. У него может уйти год на то, чтобы восстановить силы. А потом мы достанем того, кто его ранил, – кем бы он ни был.

Вошла Краш:

– Это последняя книга, какая у нас есть. Самая скучная.

Она протянула потрепанный том прошлого столетия, давно переступивший порог старческого возраста. Фолиант был обвязан ленточкой, чтобы не разлетелись выпавшие страницы.

– Что это? Может, мне и не понадобится возиться с этими узлами.

Постепенно Краш решила, что я не так уж безнадежен. Я не представлял собой угрозы. Был добродушен. Относился к дядечкам, которые держат руки при себе. Мы с ней могли болтать о всякой всячине. Например, о книгах. Но недолго. Она была популярной, с обширным списком регулярных клиентов.

Книга оказалась историей ранних лет Танфера, вплоть до основания монархии. Это было копией с копии. Читалась она медленно из-за устаревшего языка.

Я был взволнован, потому что несколько глав охватывали времена, когда Покойник был еще жив. Говорить ему об этом необязательно, но я смогу заглянуть через окно в тот век, который сформировал его характер.

– Краш, как долго ты собираешься заниматься этим?

– Что за вопрос? – мгновенно ошетибилась она.

– Серьезный вопрос того, кто считает, что ты попусту тра-
тишь свой интеллект.

– Интеллект – как сказать. Интеллект в этом бизнесе не
участвует. Зато телу так достается, что я собираюсь уйти в
свой двадцатый день рождения. И больше мне никогда не
придется работать. Если мои инвестиции будут удачны. Мо-
жет, возьму с собой Ди-Ди – если она сумеет научиться жить
без внимания.

Ди-Ди была звездой заведения. Обычно она имела дело
только с избранными личными клиентами. Светловолосая,
с примесью эльфийской крови, чрезвычайно сладострастная
(когда была к тому расположена), она, по слухам, наслажда-
лась своей работой. И это было необычно. Ди-Ди жаждала
одобрения. Она имела все, что ей требовалось. Краш боя-
лась, что Ди-Ди откажется это бросить.

Краш была умнее, чем притворялась. Со временем я об-
наружил, что все наши беседы сводились к тому, как орга-
низовано управление производством.

Почему? Объединенная – это компания, но ты не можешь
ее выкупить.

Все партнеры имели в ней разные доли, но каждая до-
ля была фиксированной. Если кто-то из основателей захо-
чет выйти из дела, он должен будет сначала предложить свои
проценты другим инвесторам. Пока никто не выказывал ни
малейшего желания покинуть компанию.

Объединенная создавалась для того, чтобы обогатить нас

всех, предлагая рынку плоды гения Кипа Проуза.

Крупными держателями акций являлись Кип и его семья, Тейты и Вейдеры из пивоварни. Я имел несколько процентов за то, что спас жизнь Кипу в трудные времена, и за то, что у меня хватило смекалки ввести его в общество богатых людей, позволивших ему паять и химичить и сделать их еще богаче.

Субъективно я провел в «Огне и льде» полжизни. По календарю же прошло всего четыре дня.

Мой лучший друг продолжал спать, все реже просыпаясь, чтобы попить воды. Я стал гадать, не срабатывает ли лекарство не только как болеутоляющее. С медицинской точки зрения заставлять Морли спать казалось хорошей идеей. Но для того из нас, кто по природе был склонен к нетерпению, это выглядело менее оптимальным.

Я все время думал, что на месте Морли уже взялся бы за дело – если бы только меня не лишили такой возможности. По-моему, над этим поработала Белинда. Наверняка. Она считала, что выздоровление Морли важнее, чем наша возможность выбраться отсюда и схлестнуться с бандитами.

В голову лезли глупости, я сам это понимал. Боялся: если и дальше буду заниматься только тем, что сидеть здесь и наблюдать за Дотсом, я в конце концов возненавижу его.

Периодически мисс Ти приглашала себя в эту комнату, но не стала менее антагонистичной.

Наконец она явилась в менее мрачном настроении и за-

явила:

– Капа сказала, Морли пора перевозить – после того как он поужинает и утром его вымоют. Если тебе надо сделать какие-то особые приготовления, дай знать.

Я упомянул блюдо из ягненка с рисом, которое мне нравилось, и порассуждал о том, как буду скучать по этому месту, которое так долго было моим домом.

– Ты пробыл здесь меньше недели.

– А ощущение, что куда больше.

– Такое случается. Но ты просто умничаешь. Капа пообещала, что мне не придется терпеть твои выкрутасы.

– Ой-ой.

– Именно. Собирай пожитки. Особенно мне хочется, чтобы исчез арсенал под кроватью, пока кто-нибудь не доложил куда следует. Книги останутся здесь.

– Посмотрю, смогу ли прислать сюда кое-что поинтереснее.

– А теперь ведешь себя как придурок.

– Не могу иначе. Это из-за того, что я торчал тут взаперти.

– Собираешься обвинять в своих личных недостатках и нас?

Ой!

– Хорошо, что мы все равно любим друг друга.

Тень улыбки.

– Там, куда вы отправитесь, будет лучше, чем здесь?

Я удержался от ответа. Может, и не будет. Мои обязанно-

сти все равно не изменятся.

– Не знаю. Забегай, увидим.

25

Белинда, как и обещала, появилась со свитой после ужина.

Краш и Ди-Ди облачили Морли в рваньё, которое было на нем, когда его нашли. Кровь по большей части отстирали. Но дыры не зашили.

В воздухе витали разнообразные чувства. Ди-Ди и Краш были опечалены, что Морли уезжает, хотя ни разу не перемолвились с ним ни словом. Несмотря на враждебное поведение, мисс Ти тоже была не рада. Она отрядила свой свободный от дежурства штат перевезти Морли и мои пожитки.

– Катафалк?! – спросил я Белинду, спустившись на улицу. – Ты увозишь его на катафалке?

Где она вообще такое нашла? Наверное, во всем городе было не больше десяти погребальных повозок.

– Да. Надевай шляпу и пальто, которые припас для тебя Джоэл. Забирайся на катафалк и занимай пост.

– О чем ты?

– Садись рядом с кучером. Попытайся выглядеть профессионально.

– И какая у меня профессия?

– С тобой всегда задаешься этим вопросом. Шевелись! У

нас нет времени на игры.

Из задней двери борделя вышли четверо мужчин. Они вели себя совсем как люди, умыкающие труп оттуда, где его не должны найти.

Я подумал, не запечатлеть ли напоследок поцелуй на щеке мисс Ти и не пообещать ли Краш в скором времени ее навестить, но, решив быть солиднее, отказался от поведения, которое еще несколько лет назад было фирменными приемами Гаррета.

Мой лучший друг покоился на дрогах, под черным шерстяным одеялом, и несколько человек, включая меня самого, полагались на то, что я доставлю его по месту назначения, не позволив нанести ему добавочные ранения.

Я поспешил на примерку костюма.

Джоэл оказался стройным бандюганом с глазами зомби. Он запихал меня в длинное черное пальто и полустоячую черную шляпу почти в фут высотой, похожую на мягкий конус. Вместе с ней я приобрел свисающие у ушей длинные, витые локоны члена похоронной гильдии. К шляпе прикреплялись элементы парика.

– Брось, к чертям, развлекаться и забирайся на пост, – сказал Джоэл. – И – да, шляпа настоящая. Шевелись!

Может, вот почему никогда не распознаешь гробовщика, если он не при обязанностях. На работе он носит маскировку.

От пальто у меня сводило плечи. Оно свисало до самых

лодыжек, и забраться на сиденье было непросто. Несуразная треклятая шляпа соскользнула мне на глаза.

Я уселся, пестуя и лелея чувство обиды на человека, который перевернул мою жизнь, позволив истыкать себя ножами. Если бы этот дурак смог ускользнуть, я бы сейчас миловался со своей любимой рыжухой.

Катафалк был небольшим, но с высокими сиденьями.

– Во всеоружии, пройдоха? – спросил кучер слева от меня.

– Почти.

Я показал ему дубинку:

– Дерзкая рыжеволосая особа положила мое тяжелое вооружение вместе с клиентом.

Кучер хохотнул. Старый и очень рослый, он выглядел так, будто по профессии и впрямь мог оказаться кучером.

– Клиент. Мне это нравится. Палка у тебя милая. На вечерок сгодится. Никакие похитители трупов не пожелают связаться с этой компашкой.

Процессию возглавляли двое верховых, за ними ехала окруженная охранниками карета Белинды. Следом – еще один вооруженный всадник, катафалк с могучим Гарретом на посту и громилой на подножке с другой стороны. Одним из головорезов был мой новый приятель Джоэл. Позади катафалка скакали еще два всадника.

– Что за похитители тел?

– Те, кто умыкает трупы. В последнее время это превратилось в проблему. Кто-то скупает трупы молодых людей в

хорошей форме. Ты где был, начальник? Не в городе?

– Можно и так сказать. Кража трупов!

Я впервые слышал о таком. Но пока я исполнял роль няньки, не было причин, чтобы эта тема всплыла. А ранее – и того меньше. Никто не имел резона снабжать меня новостями. Моим долгом было защищать Объединенную компанию от воровства среди рабочих и от хищничества интеллектуальных пиратов. То же самое я делал и для пивоварни Вейдера.

Катафалк дернулся. Я врезался в спинку сиденья.

– Ты не должен зевать, дылда, – сказал кучер. – Тебе положено присматривать за мной и за тем, кто внутри. Поскольку он мертв и все такое, он, наверное, не задаст тебе трепку, если ты задремлешь и до него доберутся буки-бяки. Но твой старый приятель капитан Роджер, то бишь я, еще как задаст. Особенно ежели засучит рукава.

– У меня есть проблемы с бдительностью.

Проблемы, которых не было в до-Тиннины времена.

– Если заметишь, что у меня стекленеют глаза, садани меня локтем под ребро. Я передвижной ад, когда бдителен.

– Искренне надеюсь, мне не придется увидеть тебя в деле, крошка.

По моим прикидкам, Роджеру было около шестидесяти. Это означало – он справился и смог вернуться в Кантард, домой. И еще означало – он помнит парней, которые не были бдительными. Все мы, вернувшиеся, помним их, не сумевших сосредоточиться. Их кости украшают пустырь за горо-

дом.

Конвой двинулся на юг, свернул на Гранд, потом по направлению к Макунадо-стрит. Улицы не были оживленными. Мы не слишком привлекали внимание. Я доблестно старался оставаться начеку – и ради лучшего друга, и ради своего нового приятеля Роджера. У кучера ушло примерно полчаса, прежде чем он решил, что я созрел для тычка.

Я не мог выключить мозги. Спокойствие просто не приходило.

Локоть кэпа Роджера разбудил меня, когда процессия приблизилась к моему дому. Я водворился в реальности, подозревая, что пережил озарение, которого не могу припомнить, потому что слишком туп, чтобы уловить момент истины.

Поскольку в последнее время меня в основном беспокоило, как мы ладим с Тинни, кажется, я утратил навыки, не подводившие меня раньше.

Катафалк остановился у ступеней крыльца. Спрыгнув, я заметил, что на улицу выходят соседи. Дверь открылась, появились Синдж и Дин. Я ощутил утешающее присутствие Покойника – он бодрствовал и проявлял глубокий интерес.

Спасибо тебе, Синдж, ты чудесная малышка.

Впервые за долгое время я чувствовал себя дома спокойным и довольным, чего не случалось уже давным-давно.

Мне бы хотелось сказать, что готовность Белинды Контагью посетить место, где она не может сохранить в секрете свои мысли, выражает глубину ее преданности Морли, но...

«Ее готовность подпитывается предусмотрительным использованием технологий».

– Что?

«Когда-то, давным-давно, шайка младших колдунов, помимо прочих грехов, создала сеть, способную помешать мне читать их мысли».

Вспомнив об этом, я повнимательней взгляделся в Белинду.

– Она без парика.

Я стоял в прихожей, добавляя толкучки. Повсюду кишели люди, путаясь друг у друга под ногами. Мы решили разместить Морли в комнате, которая в незапамятные времена была моим кабинетом. Синдж прибралась там, и туда поставили кровать, стулья и предметы первой необходимости.

Парни с носилками не могли сообразить, как развернуться в дверном проеме.

Кабинет был меньше моего последнего обиталища, но здесь я не буду прикован к одному месту. Я смогу бродить из комнаты в комнату, с этажа на этаж, смогу даже спуститься в подвал. В сравнении со спальней в борделе это широкие

открытые пространства. И Синдж будет более интересной компанией, чем неприветливый народ в заведении «Огонь и лед».

Пока парни с носилками изворачивались, толкались и спорили, я подался в кабинет Синдж. Джоэл и Белинда выкрикивали советы, которые только добавляли суматохи. Я гадал, что думают соседи. Нечасто видишь, как члены похоронной гильдии доставляют что-то, вместо того чтобы забирать.

«Сетка у нее на голове вплетена в ее натуральные волосы».

– Столько напрасной работы.

Кто-то из этих крутых парней мог знать то, что Белинда хочет сохранить в секрете.

Слишком много всего происходило одновременно, и я не пытался за всем уследить.

Покойнику придется позаботиться о том, чтобы никто не прихватил сувениры или не спрятался в чулане.

Все стало еще хуже, когда Белинда перешла от стадии советов к стадии императорских указов.

– Эй, женщина! – окликнул я ее. – Да. Ты. Хорошенькая леди, которая забыла, где находится. Успокойся. И убери отсюда эти лишние тела.

Ее головорезы доставили Морли в его новые покои и устроили в новой кровати. И тут я понял, что у нас больше нет Краш и Ди-Ди, чтобы кормить болезного и переодевать.

Белинда сурово на меня посмотрела. Однако вспомнила, где находится, что делает и кто за ее спиной – может, не на виду, но не совсем забытый.

– Да. Хорошо. Джоэл, возьми шляпу и пальто у мистера Гаррета. Остальные ступайте в Дарелея-холл. Ждите там. Джоэл, заплати Роджеру и поблагодари его за использование катафалка. Ворден, скажи моему кучеру, чтобы он тоже ждал в Дарелея-холл.

– Ни за что не хочу отдавать пальто, – заявил я. – Мне оно нравится.

Однако протянул его Джоэлу.

– Поговори с капитаном Роджером, – сказал Джоэл. – В ремесле похоронщиков всегда есть вакансии.

– Я оставил в катафалке кое-какие инструменты. Они мне понадобятся. Не будешь ли ты столь великодушен подобрать их к дверям?

Белинда слегка наклонила голову. Джоэл воспринял это как приказ. И смылся.

Покойник коснулся меня, подтвердив мои подозрения.

– Ты много времени провела с Джоэлом? – спросил я.

– Не очень. А что?

– Он слишком внимательно прислушивается. И от него разит человеком, способным съехать с катушек.

Белинда уставилась на меня как на буйнопомешанного. Как будто я подошел к ней на улице, настаивая, чтобы она выслушала мою теорию насчет королевского заговора с це-

любо скрыть правду о людях-кротах, живущих в пещерах глубоко под землей.

– Ты видел что-то, что я упустила?

– Я могу и ошибаться. Но то, как этот человек наблюдает за тобой, когда ты не замечаешь... я бы сказал – смахивает на одержимость.

– Рада узнать. Наверное.

«Настоящая человеческая акула».

– Ты все равно можешь отчетливо читать?..

«Не смогу, если ты все испортишь, говоря об этом вслух».

Моя вечная проблема – я выражаю словами свою часть беседы с Покойником.

– Недостаток практики.

«Преуменьшение».

Возникнув перед домом, Дин сбежал на кухню. Он прятался там, пока в старой усадьбе кишели головорезы, – не из-за застенчивости, а потому, что боялся, вдруг его затопчут. Теперь он снова появился.

– Суета закончилась?

Он с величайшим ужасом думал о перспективе готовить для всей орды. Он и так был порядком раздражен, потому что мы с Белиндой все еще стояли в прихожей, а в моем старом кабинете скрывался Морли, с его особенными нуждами.

– Мне понадобится всерьез заняться покупками, если придется кормить лишние рты.

– Составь список, – сказала Синдж. – Я попрошу Джона

Растяжку позаботиться об этом. Никто из нас не должен выходить. Это может быть небезопасно.

Дин пожал плечами. Он не спросил моего мнения. Он привык, что здесь за главную Синдж.

Я понял. Опасность не была столь существенной. Синдж просто нашла для старика предлог позволить кому-то другому побегать вместо него.

Возраст Дина давал о себе знать.

– Нам нужно решить, как управляться с Морли, – сказал я. – Белинда, ты будешь занята во внешнем мире. Может, мы с Синдж кое-как сумеем его кормить, мыть и менять простыни, но мы неквалифицированы для регулярной работы такого рода. Нам понадобится кто-то, стоящий доверия.

Дело в том, что он или она не будут здесь жить. В моем доме просто негде разместить кого-то еще.

– Я уже позаботилась об этом, Гаррет, – заверила меня Синдж. – Этим займутся женщины Джона Растяжки.

Она все устроила. Не было необходимости хлопотать.

– Я здесь больше не нужна, – сказала Белинда.

– Не уходи, – отозвался я. – Мы еще не поговорили о том, что ты выяснила за последние дни.

– По сути, ничего.

Я ждал мнения Покойника. Не дождался.

– Вообще ничего? В это трудно поверить.

– Хочешь верь, хочешь нет – дело твое. Мне пора. Время от времени буду заглядывать. Если наш лодырь проснется,

отправь мне сообщение.

И она решительно зашагала к двери.

Покойник коснулся меня – просто спокойное предложение держать рот на замке, пока она не выйдет из дома.

27

Я закрыл дверь и быстро составил в уме перечень лиц, которых наблюдал перед собой. В доме оставались люди, хотя катафалк и карета уехали. Среди них были телохранители Белинды. Ни один из них меня не встревожил. И не заставил беспокоиться Покойника.

«Присутствие мистера Дотса не останется в тайне. Умный интервьюер может извлечь подробности из одного тупого свидетеля и из другого и, сложив сведения воедино, получить некое представление о нашей ситуации».

– И? Что тогда будет?

Просто я был слишком уверен, что в собственном доме я вне досягаемости. Мой наблюдательный партнер скомандовал «смирно» моей чрезмерной самоуверенности.

«Я всегда действую эффективнее, когда мое присутствие и мои способности неизвестны. Мог бы и сам догадаться».

В ответ я собирался вступить в длинный спор. Покойник меня оборвал:

«Зная то, что знаешь ты, как бы ты со мной управился?»

Мне в голову пришла парочка вариантов. Но я быстро

исчерпал способы, не сумев быть таким безжалостным, как раньше.

«Вот видишь? Гаррет, все дело в знании того, чему ты противостоишь. Вот почему мои собратья никогда не выкладывают всю подноготную о нас ни другу, ни врагу, ни брату, ни сестре».

Мудрость, с которой трудно поспорить. В данную минуту я думал, что лучшим способом достать Покойника и Морли одновременно было бы атаковать дом рассеянной цепью с зажигательными бомбами. Запалить особняк и сжечь всех внутри.

Снаружи были люди, которые в состоянии сотворить такое, а после спать сном младенца. Люди из тех, кто сделал бы это за цену высококачественной травы.

Директор Шустер не всегда продвигал плохие идеи.

«Ты начинаешь понимать. Мы почти беззащитны перед недругами, знающими, кто мы и что мы».

Без сомнения, он имел в виду разные аспекты этого вопроса.

– Да, понимаю. Более того, теперь уверен: Белинда совершила ошибку, перевезя нас сюда.

«Позволь предположить несколько вариантов. Возможно, она не собирается оставлять здесь мистера Дотса надолго. Только до тех пор, пока не заманит кое-кого поближе».

– Мы наживка?

«Не исключено. К тому же она будет довольна, если я су-

мею вытащить из мистера Дотса пару-другую намеков».

– Каких?

«Обо всех важнейших вопросах. Кто? Где? Что? Почему? Когда? Как? И кого? Или еще что-нибудь, что может привести к перерезанию выбранных глоток. Я склонен согласиться с мисс Контагью насчет потенциальной ценности таких раскопок. Это будет трудной работой. Исследовать разум бессознательного человека, когда тебе интуитивно сопротивляются, куда труднее, чем копаться в разуме, который бодрствует, осознает и пытается затаиться».

– Поверю на слово. Ты ведь самозванный эксперт.

«Воистину. А теперь найди кого-нибудь другого и докучай ему. Мне понадобятся все силы моего разума, чтобы извлечь то, о чем мистер Дотс сам не знает, что знает».

28

Один здешний обычай не изменился с тех пор, как я переехал на Фактори-слайд. Синдж продолжала платить за холодный колодец на кухне. В настоящее время в нем хранился бочонок светлого эля от Вейдера, любимого напитка Пулар Синдж. Мои вкусы изменились, теперь я предпочитал кое-что покрепче, но светлый эль был бы очень хорош после нескольких дней трезвости.

Вместе с Синдж мы вытащили большие кружки и запасные кувшины и двинулись в ее кабинет, оставив Дина гото-

вить еду, явно предназначенную не только для меня, Синдж и Морли.

Мы устроились на замечательной новой мебели и начали планировать, как теперь все пойдет.

– Прежде всего я хочу узнать, чем ты занималась на прошлой неделе на Северной стороне, – сказал я и сделал глоток эля.

Вкусно!

– Я тебя видел. Ты, вероятно, не знаешь, что происходит.

– Да, мне рассказали мало. Я взялась за эту работу потому, что ты попросил об этом в своей записке.

– И?

– И что? Тебе следует изъясняться короткими словами и очень ясно с нами, другими расами.

Она серьезно? Или пудрит мне мозги? Большинство моих друзей пудрили. Синдж была исключением из правил.

– Ты шла по следам. Куда они тебя привели? Что ты обнаружила? Это могло бы дать мне зацепки, что сделать, чтобы помочь Морли. Я знаю: ты пронюхала что-то, ведь ты, Пулар Синдж, лучшая из нынешних следопытов, а может, и из всех бывших.

– Ух ты! Разве это не заставляет меня чувствовать себя особенной?

– Синдж! Пожалуйста.

– Я все время забываю, что ты теперь мерин. Хорошо. Мисс Контагю попросила меня вернуться по следам козьей

упряжки. Я так и сделала, вошла в Квартал Эльфов и добралась до маленького склада, где мы нашли абсолютно неслыханные вещи.

– В смысле?

– Не могу придумать, как еще это передать.

– Тогда просто расскажи мне.

– Хорошо. Склад был около сорока футов на шестьдесят, двухэтажный, внутри совсем без перегородок. Козья повозка покинула его через двойную дверь, каждая створка в три фута шириной и обычной высоты. Дверь была заперта изнутри на засов, когда мы туда добрались. Люди мисс Контагью вломились внутрь, пока спецы директора Шустера искали другой вход.

«Прошу прощения, детки. Я могу упростить это для вас обоих. Весьма существенно, что Гаррету известно лишь одно: мисс Контагью хотела проследить, откуда явилась повозка».

– Она знала, что козы пахнут резче и дольше, чем люди. Проследить их было бы самым легким способом управиться со злодеями. Могу я продолжить рапорт?

«Нет. Слишком многое будет упущено, если ты сделаешь это вербально».

Я смутно слышал Синдж, которая использовала язык, неподобающий даже для девушки из крысиного народца. Потом обнаружил, что живу в ее памяти, читая ее с того момента, как Синдж начала идти по следу. Сначала это бы-

ли только промельки, отдельные моменты, как будто Покойник запустил меня как плоский камешек, отскакивающий от поверхности пруда. Промежутки между картинками становились все короче и короче. Я очутился перед вышеупомянутой двойной дверью. Ее недавно покрасили в противный оливковый цвет. Пахло омерзительно.

Краснофуражечники пилились в другую сторону, пока головорезы Белинды пробивались внутрь.

Никто не сбежался протестовать против применения силы.

Когда появились спецы Шустера, двери уже были раскрыты настежь, поэтому гвардейцы вольны были войти и посмотреть, не происходит ли внутри преступление.

Дома никого не оказалось.

И люди Белинды, и жестяные свистульки зажгли лампы и двигались быстро.

Я был зачарован тем, насколько мы с Синдж по-разному осознаем мир. Для ее зрительного восприятия все было менее четким, краски слабее. С ограниченной глубиной резко изображаемого пространства. Трудно разглядеть предметы далее чем в пятидесяти шагах. Но чутье! Она жила в богатом, очень богатом мире ароматов.

Как-то раз ее брат сказал, что обоняние куда более важно для крыс, чем для людей или для большинства других рас. Я поверил ему, но не настолько. Запахов было несметное множество.

Внутри помещения пахло скверно. Несло гниющей плотью, химикалиями и ядами. Запахи внедрялись в родовую память крысиного народца. На складе воняло так, будто именно там были созданы предки Синдж.

Эта мысль пронзила ее, как только она шагнула внутрь, прежде чем первая лампа пролила свет.

Свет только подтвердил безошибочные выводы ее гениального носа.

Я, может, и был маленьким паразитом, плавающим в воспоминаниях Синдж, но я не мог полностью уловить ее присутствие. Мои органы чувств признавали приоритеты, сильно отличающиеся от ее приоритетов.

Как только участники набега зажгли свет, я увидел место примерно таких размеров, о которых доложила Синдж. Внутренних стен не было, только в дальнем левом углу восьмифутовая перегородка отгораживала пространство восемь на десять футов. Над головой был лишь каркас остроконечной крыши; стропильная нога находилась примерно в двадцати футах над полом.

Впереди виднелись бесчисленные большие стеклянные чаны, там мог поместиться человек. Даже несколько. Выдуть такие способен только мастер своего дела, имеющий навыки колдовства.

Головорезы Белинды и жестяные свистульки немедленно решили, что обнаружили баки, которые приведут их прямо к дьяволу, создавшему эту мерзость.

Все продвинулись вглубь склада. Вонь разложения стала сильней.

Десяткидохлых мух плавали в растворе в чанах, которые не были закрыты. Летающих мух не было. Они ворвались в открытую дверь, но не сумели долететь до гниющей плоти.

Запах исходил от мертвецов.

У дальней стены стоял длинный, массивный дубовый верстак. С тремя трупами в процессе демонтажа. Вокруг валялось то, что было отрезано.

Справа от скамьи находился самый большой чан, высотой всего со стол, зато в три фута шириной и шесть длиной. Оторванные лоскутки плоти можно было смести в раствор, который наверняка был чем-то ужасным – хотя и становился слегка разбавленным. В нем плавали еще не растворенные остатки крупных костей.

Пулар Синдж выбросила из головы все, кроме способности наблюдать.

Она справилась со своим ужасом лучше, чем на ее месте смог бы я. Определенно лучше, чем бойцы Белинды и жестяные свистульки. Некоторые из них покинули склад и не вернулись. Другие вернулись, но извергли последнюю трапезу. Только Бегущая по ветру, Поток яростного света осталась невозмутимой. Она медленно двинулась внутрь помещения, внимательно осматривая все.

Синдж было неприятно прочувствовать подобное с помощью обоняния, хотя для тех крыс, от которых она происхо-

дила, вонючее мясо означало еду.

Она почти не обращала внимания на Бегущую по ветру. Я не мог наблюдать, как смертельно опасное облачко разгуживает по складу, окруженное десятью футами чар «не подходи ближе».

Но крысодевушку интересовала только фабрика ужаса.

Так вот что она нашла. Место, где из фрагментов мертвых тел создавали монстров. Возможно, самую грязную берлогу некромантов, какие только могли быть в Танфере за целые столетия.

Я ощутил разочарование. Синдж не только игнорировала Бегущую по ветру, она не шарила там, где пошарил бы я. Однако она справлялась лучше, чем смог бы я. Я бы сфокусировался на женщине.

Бегущая по ветру была замечательной во многих отношениях, к тому же родом с Холма и одна из верховных колдуний Танфера. Когда-то давным-давно она ясно дала понять, что склонна находиться очень близко от одного профессионального сыщика.

«Гаррет!»

Ничто не сравнится с ударом молотка промеж глаз, когда нужно заставить тебя сосредоточиться.

Синдж направилась обследовать отгороженное место. В перегородке имелась самодельная дверь, которая запиралась на щеколду с другой стороны. Дверь была приоткрытой. Синдж толкнула ее.

– Может кто-нибудь принести лампу?

Просьбу исполнили быстро. Синдж и тот, кто доставил лампу, вошли в комнату. За ними последовала Бегущая по ветру. Она сделала что-то таинственное, чтобы свет стал ярче.

Отгороженное место оказалось комнатой ребенка. Повсюду валялась грязная одежда. Неубранную кровать занимал большой потрепанный плюшевый медведь. Кругом был мусор и заплесневелые остатки неоконченных трапез.

Жестяная свистулька с лампой заметил:

– Кто-то любит плюшевые игрушки.

Я насчитал их штук пятнадцать, в основном крупных. Разбросанная одежда была девчоночьей, разных подростковых размеров. Синдж ее внимательно не исследовала. Но принялась.

Бегущая по ветру начала пристальный осмотр.

– Он держал в плену ребенка? – спросил жестяная свистулька, поспешив сделать очевидное умозаключение. – Нам нужно взять этого изверга.

– Вы не отойдете в сторону, офицер? – спросила Поток яростного света. – Если хотите, наблюдайте из дверей. Нашей первой задачей будет выяснить, кто здесь жил.

Синдж она позволила остаться, ведь Синдж была чудо-девушкой.

Чудо-девушка не обращала внимания на то, что делает Бегущая по ветру. Насколько я мог судить, женщина занима-

лась тем же, чем и Синдж, только вынюхивала магию.

И на этом все. Поток яростного света решила, что склад следует эвакуировать и огородить. Будет выставлена охрана, и никому не позволят входить, кроме как по указанию принца Руперта.

Синдж выведала, что смогла, но ей пришлось уйти вместе со всеми. Она доложила Белинде и отправилась домой.

Больше об этом деле ничего не было слышно.

«Среди прочих моментов, которые я узнал, пока мисс Контагью была с нами, – это сердитые воспоминания о том, как ее попросили передать ее частное расследование наследному принцу».

29

– Все это изумительно, – сказал я. – Но какое отношение это имеет к Морли?

«Что касается взаимосвязи, ты должен быть терпелив. Я приступил к работе, но она напоминает попытку свалить дерево, перегрызая ствол».

Синдж потерла виски.

– Это было невесело. Надеюсь, мы прошли через такое в последний раз.

«Теперь я все запомнил и смогу оживить в памяти, когда захочу. Больше я тебя не побеспокою».

Я начал задавать вопросы. Старая привычка.

– Ты видел то же, что и я, – сказала Синдж. – У тебя есть вся информация до последнего нюанса, какая есть у меня. Мне нужно повидаться с братом, пока голова не пошла кругом.

– Кстати, о Джоне Растяжке. Его парни были с тобой у того курятника. Почему?

– Белинда собиралась как-то их использовать. К тому же Растяжка был там, чтобы присмотреть за мной. Белинда передумала и отпустила их.

– После того, как ей приказали отойти в сторонку.

Может, я захочу обсудить это с Белиндой.

«Нет. Она будет гадать, откуда ты узнал. Придет к заключению, что ее волшебная сетка ненадежна».

Синдж встала:

– Закрой за мной дверь. – И добавила: – Я быстро.

Она и впрямь отсутствовала недолго. Я все еще стоял, наслаждаясь обменом мыслями с Покойником, наблюдая за лицами людей на улице, когда увидел, что Синдж возвращается с двумя мускулистыми крысочихами.

«Там нет ничего примечательного, – сказал мне Старые Кости. – Один человек из империи мисс Контагю, чья единственная задача – отследить тех, кто еще наблюдает».

– Вот как? Никого из Аль-Хара?

Я открыл дверь для Синдж.

«Женщина, живущая дальше по улице, по-прежнему стоит в Страже?»

– Проникнись духом современности. Теперь это больше не Стража. В наши дни она называется Гражданской Гвардией.

«А ответ на вопрос? Что насчет женщины, живущей дальше по улице?»

– Миссис Кардонлос? Синдж, миссис Кардонлос доньше представитель красных фуражек?

– Да. Но с тех пор как ты съехал, у нее здесь больше нет постоянной команды. Теперь она всерьез занимается сдачей комнат. Позволь мне пристроить этих дам, чтобы они начали работать с мистером Дотсом.

Дородные, плохо одетые крысючихи смотрели на Синдж как на богиню. Они никогда еще не видели, чтобы кто-нибудь из крысиного народца беседовал с человеком на равных. К тому же Синдж была женского пола!

Одна из прибывших взглянула на меня так, будто думала: со мной что-то не в порядке.

Я последовал за ними, но оставался в коридоре, пока Синдж давала им указания. Ее спутницы выполняли такие задания и раньше и без труда поняли, что от них требуется.

Среагировав на намек Покойника, Дин принес им поднос с угощениями в благодарность за помощь, а заодно и еду для Морли.

Прежде чем вернуться на кухню, он кисло улыбнулся и сказал:

– Суматоха началась.

Вообще-то нет. Мы будем просто сидеть здесь и заниматься точно таким же ничегонеделаньем, как и в «Огне и льде». Все остальное будет в руках других. Профессионалов. И преступников. Даже приказ самих богов отойти в сторонку не удержит Белинду от расследования.

Я надеялся, что никто из стражей закона и порядка на нее не надавит. Она была достаточно сумасшедшей, чтобы надавить в ответ.

Дин отправился в постель раньше, чем крысоженщины закончили работу.

Я помог Синдж прибраться, и мы вернулись к обмену сплетнями, на этот раз воздавая честь пиву Вейдера. Последнего не понадобилось много, чтобы я начал тормозить. Я собирался позадавать Синдж вопросы, как мне справиться с Тинни. Но сумел сохранить остатки трезвости, чтобы понять, как это будет глупо. Синдж едва достигла зрелости. Она не была человеком. А Тинни являлась уникалом, вероятно необъяснимым и для самой Тинни Тейт.

В конце концов я потащился вверх по лестнице. Моя комната осталась точно такой же, какой была, когда я ее покинул, если не считать того, что кто-то прибрался здесь и застелил постель чистым бельем.

Синдж была слишком деловой. И возможно, негодовала, что я вторгся в ее тихий, упорядоченный мир.

На втором этаже моего обиталища было четыре спальни.

Самая большая, в передней части дома, считалась моей. Комната Дина занимала всю заднюю часть здания, кроме кладовой и площадки под лестницу. Синдж принадлежала лучшая из оставшихся комнат, к западу от главного коридора, по площади почти как у Дина. В четвертой комнате – гостиной – помещались редко используемая кровать и множество вещей, которые стоило бы выбросить. Раньше мы время от времени прятали там кого-нибудь.

В моей комнате имелось два настоящих застекленных окна. Без задвижек, потому что злодеям нелегко было бы добраться до этих окон. Оба выходили на Макунадо-стрит.

Окно восточнее с тем же успехом могло бы и не существовать. Я никогда его не открывал и редко из него выглядывал. Другое, у изголовья моей кровати, видывало кое-какие действия. Когда-то давным-давно я глазел в него, размышляя. Сегодня ночью, как всегда в теплую погоду, оно было приоткрыто на несколько дюймов, чтобы в комнату проникал свежий воздух.

Мне нравилось спать в прохладе.

Этой ночью была такая возможность. После заката температура резко упала. Один раз я проснулся, чтобы добавить легкий плед к простыне, которой раньше вполне хватало,

чтобы укрыться.

Позже я снова проснулся и воспользовался ночным горшком, выпустив на волю выпитое пиво.

Потом проснулся в третий раз – мне требовалось одеяло поплотнее, а мочевого пузыря готов был взорваться.

Днем и вечером небо было затянуто облаками. Теперь оно очистилось. Свет невидимой луны лился на крыши, превращая их в странный волшебный ландшафт.

Мой прицел был менее чем идеальным. Я начал с того, что промахнулся мимо ночного горшка. Отвратительно. Я злобно пробормотал что-то невнятное, что должно было быть призывом к Покойнику. Понятия не имею, что, с моей точки зрения, он должен был сделать. В любом случае я не получил ответа.

И тогда я увидел привидение.

Призрак плавно появился из ночи и приблизился к моему окну, как вампир во сне.

– Вампиры не умеют летать, – напомнил я себе. – Они просто очень далеко прыгают.

Вампиры могли прыгать в высоту и в длину, но не порхали, как летучие мыши. И они не превращались в летучих мышей, как бы им ни хотелось, чтобы жертвы верили в такую их способность.

Я успокоился, закончил свои дела, составил план, как все вымою, прежде чем Синдж или Дин обнаружат улики. Проверил окно – и почти запаниковал.

Летающая женщина была все еще здесь, ее волосы и платье развеивал ветерок. Она была одета во что-то легкое и белое. При свете луны это заставило меня подумать о модном саване. Напомнило, что носили невесты вампира в гнезде во время того приключения, когда я впервые столкнулся с Тинни Тейт.

Мой слух приказал долго жить. Я услышал свое имя. Мозг стряхнул сон, чтобы сложить все детали вместе.

Это была Бегущая по ветру, Поток яростного света. Она желала попасть внутрь.

Естественно, я знал, что вампиров, как и большинство злых существ, следует пригласить войти. Припомнил свою реакцию на эту женщину, когда наши пути пересеклись в прошлый раз.

По ее виду было непохоже, чтобы она задумала обольщение. Женщина выглядела обеспокоенной.

Я поднял створку окна как можно выше – ненамного выше, чем было. И зажег лампу.

Бегущая по ветру, тонкая, как тень, проплыла через оконную щель.

Я устроился на кровати и ждал, надеясь, что ей не понадобится пройти мимо ночного горшка.

Она огляделась, спихнула с кресла мою грязную одежду и устроилась в нем. Выключила лампу.

– Часовой может озадачиться, увидев свет.

Это если он не заметил летающую женщину в ночной ру-

башке, проскальзывающую в окно.

– На сей раз ты ни на чем не летаешь.

– В метле нет необходимости.

Бегущая по ветру заметила мой интерес к ее облачению.

– Король давал бал в Летнем зале. Я была среди приглашенных. У него легкая одышка, – сказала она негромко.

Значит, на ней не ночная рубашка.

– Понятно.

Следуя ее примеру, я понизил голос:

– А теперь ты здесь.

– Да. Мне было по пути.

Только если она следовала самым окольным маршрутом.

31

– Я боюсь. Происходит что-то странное. Это вне моей власти. Я плохо справляюсь с подобного рода обстоятельствами.

Бегущая по ветру говорила так, будто хотела, чтобы я понял, а не так, будто хотела, чтобы ее утешили, – однако она была рядом, и потому мои мысли устремились именно в этом направлении.

– Я в недоумении, но слушаю.

– Другими словами, я не уверена, в чем моя проблема. Просто знаю, что проблема приобретает форму. Кроме способности разгуливать по воздуху, я обладаю интуицией, но она срабатывает не всегда. Я не могу контролировать ее и

не осмеливаюсь на нее полагаться. В данный момент я интуитивно чувствую, что готовится что-то очень черное. Мощественные люди пытаются это скрыть. Я не могу понять почему.

– А ты сама не одна из таких людей?

У нее был искренне недоумевающий вид.

– О чем ты?

– В прошлый раз, когда я впутался в странные дела, включающие секретные лаборатории и незаконные эксперименты, твоя дочь и ее друзья были в центре событий. Ты и твой отец помчались сломя голову, чтобы убедиться, что их не съедят живьем за их глупость.

– На этот раз Кивенс ни при чем. Я сомневаюсь, что это вообще касается кого-нибудь из Клики.

Банда подростков, гениальные дружки Кивенс, именовали себя Кликой.

– Почему мне кажется, что ты пытаешься убедить саму себя?

– Признаюсь. Кивенс действительно мне лжет. Когда я с ней вижусь. Чего теперь почти не случается.

– Она с тобой не живет?

– У нее есть свое обиталище. Не думаю, что она извлекла хороший урок в прошлый раз. Боюсь, кое-кто из ее другой компании может быть замешан в это дело. Или знает того, кто замешан. Но Кивенс ничего об этом не скажет.

– Солидарность подростков. Но замешан в чем?

– Именно.

– Солидарность подростков обычно рушится перед лицом реальных последствий.

– Не думаю, что Кивенс во что-то вовлечена. – Бегущая по ветру несла вздор, выдавая желаемое за действительное. – Но она может быть близка к тому, кто вовлечен. Я не хочу на нее давить. Наши отношения сложные и хрупкие.

– Знаю. Но почему ты явилась сюда?

– Позволь объяснить, как я провела последнюю неделю. – И она немногословно обрисовала ситуацию. – Когда дела на окраине Квартала Эльфов пошли прахом, принц Руперт попросил меня взяться за расследование. Оно закончилось тем, что мы нашли склад, где кто-то использовал части тел мертвецов, чтобы собирать на заказ зомби.

– Синдж мне рассказала.

– Я так и думала. Ей велели отойти и держаться подальше еще раньше, чем мне.

– Да?

– Что она сказала о том адском месте?

Я кратко передал рапорт Синдж.

Поток яростного света произнесла:

– Девочка, которая жила там и спала с плюшевым медведем, не была пленницей.

Пулар также не сомневалась, что в той комнате обитала девочка.

– По мнению Синдж, она была маленькой.

– В смысле подготовки к жизни в обществе, вероятно. Но ни у одного ребенка не хватило бы силы и знаний сделать то, что делала она.

Я поразмыслил и сказал:

– Старуха. Запряженная козами повозка. Что-то вело себя как гигантский слизняк – и, может, на самом деле им было. Два мертвеца, погубленные колдовством...

– И они исчезли. Мне не дали к ним подойти. Старуха тоже исчезла. Повозка и козы девались туда же, куда мертвецы.

– С тех пор ничего не случилось.

Я догадался об этом потому, что мне не пытались скормить никакую туфту.

– Ничего.

– Но ты беспокоишься о Кивенс. В тебе крепнут смущающие подозрения.

– Вообще-то нет. У меня есть кое-какие страхи. Мне нечем было их подпитать, и это хорошо. Но интуитивно я убеждена, что мы имеем дело с кем-то юным, женского пола, могущественным, злым и совершенно аморальным.

– Понятно. Но вернемся к основам. Как ты тут оказалась? Чего ты от меня хочешь?

Я был исполнен решимости сделать настоящее взрослое усилие и остаться верным своей рыжуге.

– Хочу тебя нанять. Вроде как. Я помню тебя по прошлым делам.

Освещение было слабым, но его хватило, чтобы я мог уви-

дать ее смущение.

– Я уже занят.

Слабая улыбка без слов, говорящая, что именно она думает.

Моя оборона была обороной мужчины. А у нее имелась еще одна сила, помимо интуиции и умения летать. Она смогла бы возбудить статую мертвого генерала, если бы решила это сделать.

Я помнил, как она превратила толпу башковитых торговцев в безголовых идиотов, не тратя на это сознательных усилий.

Но сегодня ночью она была совершенно серьезна.

Хотел бы я узнать ее ситуацию получше. Она сказала, что отдалилась и от отца, и от дочери. Насколько? Раньше отец управлял каждым ее шагом, несмотря на то что она была одной из самых могущественных колдуний в королевстве. Она не обладала социальными навыками. Я не мог представить, чтобы вчерашняя Поток яростного света выжила, будучи предоставленной самой себе.

Я сменил тему разговора:

– А другие девушки Клики? Не очень хорошо их помню. Кто-то из них может оказаться похитителем трупов?

– Я знаю только тех, которые приходили к нам домой. Все они странные. Но их больше, чем я видела. Некоторые и в самом деле состояли в Клике.

– А некоторые одевались и вели себя как парни. В том

числе Кивенс.

– Так и есть.

– Кто-нибудь из тех подростков был связан с королевской семьей?

Гостя пожала плечами, не удивившись. Поразмыслила над вопросом.

– Нет, насколько я знаю.

– Какой настрой сейчас на Холме?

Она нахмурилась. Наверное, и не думала об этом.

– Случившееся бросит тень на всех вас, – пояснил я. – Вам самим нужна полиция. Что заставляет вас выглядеть так, будто вам нужна помощь извне? Злодей бежал на Холм дважды.

– Нет. В сторону Холма.

Я вынужден был с ней согласиться. Монстр мог сделать это, потому что ошибся дорогой.

– Что говорят соседи?

– Не знаю. Я не очень с ними лажу. Мне нелегко свыкнуться с их образом мыслей.

Умственный труд, стоящий за безумной лабораторией, только усугубил высокомерное поведение большинства обитателей Холма. Поток яростного света была наиболее здравомыслящей и наименее опасной из всех тамошних жителей, кого я когда-либо встречал.

– Хорошо. Давай разложим все по полочкам. И без вранья. Чего ты хочешь?

– Я не хочу, чтобы меня отстраняли. Думаю, принц Руперт не доверяет мне после той истории с гигантскими жуками.

– И это естественно. Всплыла еще одна секретная лаборатория.

– Знаю. И понимаю, почему он может думать то, что думает. Но это не меняет моих чувств. Помоги мне выяснить, что происходит в действительности.

– Хорошо. Ты беспокоилась насчет дочери. Но почему бы не позволить профессионалам выполнить их работу?

Она не ответила.

– Итак. Ты не просто обеспокоена. Ты хочешь обогнать события, чтобы снова ее прикрыть. Хотя она и стоит за самым отвратительным преступным инцидентом, какое мы видели за многие годы.

– Да. Вроде того.

– В таком случае принц Руперт поступил правильно, отстранив тебя от расследования.

– Она мой ребенок, Гаррет. Я не могу просто позволить, чтобы ее...

– И ты не можешь продолжать ее покрывать. Если она не в силах справиться с концепцией ответственности за последствия, она будет и дальше попадать в беду. Ты видела, что творилось на том складе. За два дня погибли шесть человек. Ты не можешь найти оправдания чему-либо подобному и покрывать это.

Она пожала плечами. Был близок момент, когда большин-

ство женщин заливаются слезами. Но она сдержалась.

32

В дебрях моего сознания упало дерево. Мне повезло – я оказался поблизости, чтобы услышать мягкий стук.

– Ты думала об этом с тех пор, как увидела плюшевого мишку.

– Из-за твоей подружки, крысиной девушки, я решила, что ты сильнее замешан в это дело, чем говоришь, – призналась Бегущая по ветру.

– Синдж работала на Белинду Контагью. Она независимый деятель. Я здесь больше не живу. И ты это знаешь, потому что проверила.

Она кивнула.

– Тогда тебе известно, какую роль я на самом деле во всем играю.

– Нянчишь друга.

Я молча согласился.

– Разве ты не хочешь узнать, кто с ним такое сотворил?

Я тоже кивнул.

– Но в старости я стал терпелив. Я ничего не предприму, пока Морли не будет готов действовать. Если Гвардия или Организация к тому времени во всем не разберутся, тогда посмотрим, что можно сделать. Кажется странным, что ты подталкиваешь меня к мести, хотя боишься, что твоя дочь

может оказаться причастной.

– Да я сама не знаю, что делаю. Я боюсь, я растеряна. Ты единственный из моих знакомых, кто занимается подобными делами.

Я ей поверил. В том числе поверил, что она наняла бы меня, как только я смог бы двинуться напрямик к девчонке, которую она хотела защитить. Она прикрывала ее всю жизнь.

– Итак, ты собираешься не повиноваться принцу – ради Кивенс. Но сейчас было бы лучше позволить всему идти своим чередом.

– Гаррет, я не знаю, что выбрать! Мне сложно принимать решения. Все, что мне когда-либо приходилось делать, – это быть Бегущей по ветру, Потоком яростного света. Это я умею. Я могу рассеять полк врагов. Могу разрушить замок. Но я так и не научилась воспитывать дочь. Не научилась ладить с обычным миром. С этим справлялся Барат, а я могла сосредоточиться на том, чтобы быть чудом.

Я хотел спросить ее об отце, но подозревал, что это нежелательный предмет беседы.

– Давай вернемся к тому моменту, когда тебе в голову пришла мысль, что Кивенс – или Клика – могут быть впутаны во все это.

Сам бы я уже проделал большую часть этого пути, но Бегущая по ветру теперь была склонна прятаться в тени правды.

– На том складе. В комнате. Плюшевый медведь принад-

лежал Кивенс. Но я не видела его несколько лет.

– Ты уверена?

Я напомнил себе, что самое очевидное и наиболее простое объяснение обычно бывает правильным.

– Там были и другие вещи, натолкнувшие на мысли о Клике. У Руперта возникло такое же чувство.

Итак, на балу она повидалась с принцем Рупертом.

– Тебе нужно поговорить с Кивенс. Начистоту, как женщина с женщиной, без всяких драм. А потом снова повидайся с Рупертом. Будь с ним откровенна. Он будет откровенен с тобой, если он настоящий друг. Ты даже можешь обсудить это с Баратом. Сейчас тобой движут эмоции. По большей части – страх. Тебе нужна верная информация. Нужно определиться, что именно ты думаешь насчет самого преступления, отбросив личные чувства.

– Я надеялась, ты сможешь собрать данные.

Она меня не слушала.

– Не стой на темной стороне, – сказал я. – Это уничтожит тебя.

Бегущая по ветру крепко стиснула зубы. Собиралась упрямыться.

– Поговори с жителями Холма. Тебе надо понять, что они будут всеми силами искать того, кто создал лабораторию. Холм, вероятно, напоминает разворошенный муравейник. Озлобленные люди собираются тыкать вилами в скирды сена и переворачивать камни.

Судя по выражению лица, она и не задумывалась над тем, как реагирует на случившееся ее класс. Жители Холма имели туманное и роковое представление о скверном колдовстве.

– Ты уверен, что не поможешь мне?

– Не могу. Не так, как ты того ожидаешь. Как бы мне ни хотелось помочь. И я должен остаться здесь, с другом. Ну, таков уж я есть. Я здесь, хотя это может означать конец моих отношений с женщиной, которая...

Она перебила меня. Ей не хотелось этого слышать.

– Хорошо. Я не стану подвергать тебя опасности. Займусь расследованием, а тебя использую как резонатор. Просто скажи мне, что делать.

Вздвогнув, я понял, что мы не одни. Уловил отголосок веселья, исходящего снизу.

– Я уже сказал тебе это первым делом – что важнее всего. Поговори с людьми. Честный обмен мнениями может спасти нас от множества бед.

Ей эта идея не понравилась.

– Если такое вообще возможно, ты должна забыть свои выверты. Должна набраться храбрости и встретиться с людьми лицом к лицу. Пообещай, что повидaeшься с Рупертом, Баратом и Кивенс, – если можно, завтра.

Я почувствовал призрачный кивок одобрения.

Это было бы интересно. Я могу поиграть в Покойника, засевающего в сети и направляющего физическую работу других,

в то время как я вяжу крючком салфеточки.

– Хорошо. Я не могу выйти отсюда, но в силах помочь. Ты готова вложить в это деньги?

– Столько, сколько потребуется.

– Держи эмоции в узде. Эмоции ничего не решат. Вот что нужно, чтобы ты сделала, кроме встреч с принцем, Баратом и Кивенс.

Она слушала так внимательно, что меня это смущало.

33

Когда я спускался к завтраку, меня пошатывало от недосыпа. Оступившись, я потерял равновесие и заработал бы перелом, если бы не схватился правой рукой за перила слева. У подножия лестницы появилась Синдж. Я лежал на животе, трясясь и страдая от ушибленного колена и уязвленного самолюбия.

– Ты в порядке? Что случилось?

– Мне устроила засаду гравитация. Думаю, я цел. Хотя мог закончить тем, что пришлось бы носить деревянную ногу.

У меня заныло бедро в месте ушиба о край ступеньки.

– Сейчас узнаем, смогу ли я добраться до низа лестницы, не кончив жизнь самоубийством.

Я выпустил перила.

– Если собираешься кончить жизнь самоубийством, не де-

лай этого здесь. Я слишком слаба, а Дин слишком хрупок, чтобы таскать труп.

Я ощутил веселье старого Мешка с костями.

Дин вышел разведать, что случилось.

– Мы могли бы разрезать его на кусочки поменьше, – предложил он.

– Да, это было бы разумно, – согласилась Синдж. – Но тогда он благодаря нам вписался бы в планы по воскрешению мертвецов, а это бы всех взбудоражило.

– Всех? – спросил я и спустился в коридор, больше не оступившись.

– Чай готов, – отозвался Дин. – Колбаски и булочки разогреваются.

Он скользнул обратно в кухню.

– Хорошо, что, когда ты проделал этот трюк, ты не нес свой ночной горшок.

– Да. Хорошо. Но с чего бы мне нести...

– С того, что Дину трудно шагать вверх и вниз по лестнице. Ему нужно держаться обеими руками за перила.

– Понял. А теперь расскажи о «взбудоражить всех».

– Вести об убийствах и лаборатории по воскрешению всплыли наружу.

Ничего удивительного. Слишком многие об этом знали. О чем я упоминал.

– Ты был прав. Я слышала, что публика реагировала очень бурно. Может, потому, что горожане испортились, живя под

прикрытием Гвардии и Конфиденциальной комиссии. Неорганизованная преступность уже не так распространена, как прежде. То, что произошло, испугало людей, и они хотят, чтобы навели порядок. Быстро.

Мы вошли в кухню. Дин как раз ставил мой завтрак на небольшой массивный стол. Напротив меня он опустил чашу с печеными яблоками, любимым блюдом Синдж.

Когда я садился, мой тазобедренный сустав негодуяще скрипнул.

– Как Морли? – спросил я.

Загляну к нему, как только набью брюхо.

– Без изменений, – ответила Синдж. – Но выздоравливает. Физически с ним все неплохо.

– Но?..

– Что-то в нем не хочет возвращаться. Так мне сказали.

– Раньше, в другом доме, он всеми силами пытался вернуться.

Я быстро представил себе, как он затерялся в волшебном царстве, добровольный пленник иллюзий.

– А потом решил больше не пытаться, – сказала Синдж.

– Покойник работает над этим?

– Конечно. Он говорит, на это может уйти много времени. Это самая тонкая, самая деликатная работа, какую он когда-либо делал. Как тебе булочки?

– Нравятся. Ароматные. Слаще тех, к которым я привык.

– Они из особенной пекарни, я нашла ее на Фаунтин-лайн.

Ты поел? Живее выполняй свои домашние обязанности. Ты проспал, поэтому у тебя остался всего час перед встречей.

– Какие домашние обязанности? Какая встреча?

– Мы ведь уже говорили об этом. Тебе нужно прибраться в комнате, вынести ночной горшок и собрать грязную одежду, чтобы я могла ее выстирать. Потом ты должен заняться мусором. Повозка мусорщиков проезжает по улице сегодня после полудня.

Перемены, перемены. В последнее время они случались быстрее, чем я успевал моргнуть.

Должно быть, глаза у меня стали размером с блюдца. Я ощутил, что Старые Кости покатились бы со смеху, если бы не ушел так далеко, что больше не нуждался в респираторных упражнениях.

«Добро пожаловать в новый режим на Макунадо-стрит».

Смахивает на новый режим Танфера в целом, только в меньшем масштабе.

– Какая встреча? – снова спросил я – может, чересчур жалобно.

– Я послала за людьми, которые могут помочь Бегущей по ветру.

А ведь я не проронил ни слова о своей ночной посетительнице.

– Тебе придется ознакомить их с положением дел. Нужно будет убедиться, что они понимают возможные последствия, если впутаются в это.

– Ладно, слушай. Что ты сделала с Пулар Синдж? И о чем ты тут толкуешь?

– Я же только что тебе сказала.

– Но... Если бы я хотел, чтобы мою жизнь кто-то упорядочивал и планировал, я мог бы просто остаться на Фактори-слайд.

О боже! Что я только что сказал?

– Я не планирую твою жизнь. Я забочусь о том, чтобы она шла более эффективно. Эта встреча рано или поздно должна была произойти. Ты бы просто сталкивался со всеми по отдельности, как придется.

– Именно об этом я и говорю. Управление моей жизнью...

«Дети, хватит! Гаррет, пожалуйста, утихомирь в себе этого крутого мужика. Не позволяй себе заводится из-за того, что кто-то чуткий облегчает твою ношу».

Покойник вложил в свои слова силу убеждения. Это была команда.

«Налей себе еще кружку, а потом присоединись ко мне на минутку, прежде чем примешься за работу по дому».

День обещал быть нелегким. Я заранее обижался на каждую его минуту. Я не обслуживаю собственное предприятие, потому что забочусь об эффективности. Я заинтересован в том, чтобы мне не пришлось делать больше того минимума, который сошел бы с рук. Вот почему я переехал из дома матери, как только представилась такая возможность.

Не потому ли ей всегда больше нравился Мики? Если по-

думать – может, так оно и есть.

34

– Скажи что-нибудь осмысленное, – обратился я к Покойнику, устроившись напротив.

Дрожь. Моя чашка с чаем выбросила клубы пара.

«Жизнь и жизнь после смерти стали более упорядоченными. Только ты, похоже, считаешь, что это плохо».

– Мир не очень изменился. Все до сих пор хотят взвалить все на меня.

Покойника это позабавило. Он не стал спорить. Я слышал, как мама говорила, что у меня чудесный ум. Почему я не могу просто попытаться жить достойно своего потенциала?

Веселье усилилось. Комментариев не последовало.

– Ты нашел что-нибудь интересное в разуме Бегущей по ветру?

«Она считает, из тебя бы получился великолепный муж».

– Что-о?!

Это был неожиданный удар.

«Понимаю. Если она способна так глубоко заблуждаться в личных делах, как мы можем доверять всему остальному, что происходит в ее спутанном разуме?»

Своим восклицанием я имел в виду совсем не это.

– Ты наверстываешь упущенное время?

«Нет. У нас нет времени на развлечения. Тебя ждет рабо-

та по дому. Сосредоточься. Успеешь пожалеть себя позже. В общем и целом Бегущая по ветру была настолько честна, насколько может быть. Она вне себя из-за дочери. Она угодила в такое затруднительное положение, какого не пожелаешь ни одному родителю. Ее единственный ребенок может быть монстром в человеческом обличье».

Еще какое затруднительное положение! Может, требовался дух посильнее моего, чтобы отвернуться от семьи, даже если это спасет жизнь незнакомцам.

«Ты сделал нечто равноценное. У тебя есть сила духа, чтобы бороться за правое дело. Самый большой страх Бегущей по ветру – что ее дочь окажется не только преступницей. Возможно, она создавала трупы для своих экспериментов».

Что я мог на это сказать?

«На молодые, целые трупы был бы большой спрос. Многие потерянные души бродят по тихим улочкам этого города, и вряд ли кто-нибудь их хватится. Мистер Дотс мог наткнуться на сбор такой жатвы. Ничто из найденного мной в его мозгу не исключает такого варианта».

– Послушай, я помню эту девчонку. У нее было не все в порядке с головой из-за ситуации в семье, но она не была одержима мыслями об убийстве. Она была творческой личностью. Причудливо творческой, как Кип. А не смертельно творческой.

«Ты верно судишь. До этого момента. Но люди могут меняться. И обычно – к худшему».

– Видимо, ты не добился больших успехов с Морли.

«Успехи крайне малы. Он на удивление закрытая личность. Если бы он был животным, я бы решил, что он в спячке. Поскольку он разумен, следует полагать, что было проделано нечто, чтобы удерживать его вне пределов досягаемости».

– Он может никогда не вернуться?

«Он вернется. Обещаю. Когда я столкнусь с более дерзким вызовом, я стану решительнее. Проложу для него путь к спасению. С этого момента и впредь не пугайся, если я вновь исследую каждый миг твоих воспоминаний о времени, проведенном вместе с Морли до того, как вы прибыли сюда».

Умный Гаррет не ударил в грязь лицом. Морли уже начал приходить в себя. Но потом снова ушел.

– Лекарь Белинды. Нам нужно его найти.

«Да. Хотя я думал о том, что пыталось проникнуть через окно».

– Может, Морли просто решил выкопать яму и втащить туда эту тварь за собой.

«Это было бы для него нехарактерно... Достаточно. У тебя есть работа по дому. Ко мне скоро придет посетитель. Ей будет неуютно в твоём присутствии».

Должно быть, речь шла о его ручной жрице Пенни Мрак. Покойник взял Пенни под свое интеллектуальное крыло, когда она была, можно сказать, младенцем. С тех пор он неизменно наставлял ее.

Я подумал, не затаиться ли в тени у подножия лестницы, просто чтобы подсмотреть, но не стал. Когда появилась Пенни, я занимался на втором этаже хозяйственными делами.

35

Я был наверху и дремал, когда Синдж сама пригласила себя в мою комнату. Она потыкала в меня негнущимся пальцем. Невозможно! Такого не может быть! Разве что среди вида с такими же отклонениями, как у рыжук и искусственно обогащенных интеллектом крыс.

– Ой! Одного раза было бы достаточно.

– Быстро вылезай из постели и спускайся. Люди ждут. Их время тоже ценно. Ну ты и лодырь! Что здесь за развал? Ты ничего не сделал.

– Я заправил кровать.

Она насмешливо фыркнула.

– И обдумал возможность сменить замок на входной двери, – проворчал я укоризненно, чтобы заставить ее на секунду отнестись ко мне серьезно. – Это обеспечит мне немного покоя.

– Я уже отчаиваюсь увидеть, как ты становишься взрослым и ответственным.

– Я не взрослый и не ответственный. Это не входит в мою повестку дня.

– Тем не менее тебе нужно спуститься. В противном слу-

чае те люди выпьют все пиво и съедят все, что есть в кладовой.

– Вопиющая провокация против моей природной склонности к бережливости.

– Правильное слово – «скупость», но если ты предпочитаешь иллюзию бережливости, то ладно.

Я утратил форму из-за недостатка практики, и мне пришлось остановиться на том, чтобы вести себя гордо, поскольку я не позволил разочарованию побороть мой самоконтроль.

Свесив ноги с кровати, я уверенно встал на пол.

– Посмотри. Я уже иду. Самое время обойти меня на старте.

Умная Синдж поняла, что сейчас меня лучше не изводить. Может, получила личный совет от Покойника. Она смылась.

Спускаясь по лестнице, я увидел, как Дин выходит из кухни с закусками. Он шатался под весом провианта. Отсутствие на подносе кружек, тарелок, молока и сахара свидетельствовало о том, что это не первый его забег. Во мне выиграла естественная бережливость, о которой упоминала Синдж. Эта девушка надеялась, что так случится.

Из комнаты Покойника доносились приглушенные звуки беседы.

Я последовал за Дином, гадая, не совершил ли я безумной долгоиграющей ошибки, взяв в дом Синдж.

Комната Покойника от стены до стены была забита самыми разными личностями. Тут был и Плоскомордый Тарп, щеголяющий проседью, с дополнительным слоем мускулов вокруг диафрагмы. И брат Синдж Фунт Застенчивости, больше известный как Джон Растяжка, крикливо разодетый по последней моде крысюков. И еще был Ион Сальватор, имевший нахальный и цветущий вид. Какого черта он тут делает? Ищет сюжет для новой пьесы?

Сарж, один из старинных приспешников Морли, стоял поодаль, словно сбитый с толку.

Плеймет выглядел ужасно. Он потерял в весе сотню фунтов и осунулся, как человек, умирающий с голоду.

Были и другие персоны, переодетые – может, для того, чтобы их не опознали наблюдатели снаружи.

Белинда проделала похвальную работу, превратив себя в стройного, смазливового щеголя с темным мазком усов. Щеголь напоминал мне парнишку, сколотившего состояние в моем старом кабинете.

Генерал Уэстмен Туп смахивал на пьяницу, который забрел сюда незаметно, воспользовавшись открытой дверью. У него был смущенный вид. Он не был широко известен, но все здесь уже сталкивались с ним раньше. Никого это не волновало.

Были там и люди, которых я совсем не узнавал. Пришлось принять на веру то, что они нужны Покойнику.

Я высматривал особенного посетителя, рыжеволосого, и

закончил поиски со счетом один-ноль.

Синдж увидела мою попытку и сказала:

– Я послала ей весточку. Может, она подойдет позже.

Ответить я не успел. Моя отсрочка от приветствий закончилась. Меня захлестнуло людское внимание.

– Старик, я едва тебя узнаю, так странно разодетого, и вообще, – сказал Плоскомордый.

Ион Сальватор пригладил остроконечную маленькую бородку, которая отличалась по цвету от его волос, и сказал, что мой модный лоск явно демонстрирует женское влияние.

Третья добрая душа упомянула, что я отрачиваю брюшко и превращаюсь в горшок.

Кто-то еще сказал:

– Такое случается, когда тебе больше не надо зарабатывать на жизнь.

На что Плоскомордый ответил:

– Гаррет никогда не работал сверх того, что требуется, чтобы не помереть с голоду. Просто у него была полоса везения.

Он сказал это с оттенком зависти. Как и я, Тарп работал как можно меньше, но ему никогда не светила удача. Часто у него за плечами не было ничего, кроме рубашки.

Кто оставался тихим и мало двигался среди этих людей,

так это Синдж и Плеймет.

Я хорошенько рассмотрел Плея – и был потрясен. Он не только потерял в весе, он сутулился так, что теперь был не выше меня. Казалось, он боролся с непрекращающейся болью.

«Так и есть. Если бы я сознавал, что с ним, я бы сделал для него что-нибудь уже давно. Не будь тебя здесь, эти люди никогда не пришли бы с визитом. Я и не подозревал о том, что происходит в их жизни. Если держаться позитивной ноты – я внушил мисс Контагью послать за лекарем, который работал с мистером Дотсом».

– Умно. Одним выстрелом двух зайцев.

«Вероятно, только одного. Рак Плеймета, по всей видимости, прогрессирует».

Больше я ничего не смог сказать вслух.

Я пожимал руки, хлопал по спинам, обнимался. Спросил Иона Сальватора, где его женщина-акула.

– Не думаю, что она приглашена, – ответил он, удивив меня.

– Но ты все равно пришел?

– Теперь я совершаю подобные поступки. Ты увидишь, что я более независим, чем Прилипала, которого ты помнишь.

Его называли Прилипалой, потому что он плыл в кильватерной струе своей подружки Торнады, не проявляя никакой индивидуальности.

– И все-таки я ожидаю, что она появится. Она позаботится о том, чтобы отсутствие приглашения стало случайным недосмотром.

Я посмотрел на Синдж. Она эффективно работала над тем, чтобы наши гости дружески общались. Даже предубежденные были не в силах относиться к ней всего лишь как к представительнице крысиного народа.

Ни переодетая Белинда, ни генерал Туп не делали пока никаких дружеских жестов. Кроме короткой беседы с Джоном Растяжкой, они ни с кем больше не говорили.

Чем больше я смотрел вокруг, тем больше казалась толпа. Я продолжал замечать тех, кого совсем не знал. Увидел, как товарищи Джона Растяжки помогают Дину с закусками. Увидел людей, которых знал, но никак не ожидал встретить на вечеринке «Давайте посмотрим, что будем делать», сосредоточенной на Морли Дотсе.

Кабинет Синдж тоже был открыт для толпы. Люди дрейфовали туда-сюда в поисках общения.

Было объявлено, что к самому Морли вход воспрещен. Трое худших сорвиголов Джона Растяжки получили разрешение врезать тем, кто не поймет намека.

Из этого правила были исключения – один на один и под пристальным наблюдением. Сарж. Плоскомордый. Белинда. Я.

Как только я перестал привлекать сборище, Белинда и генерал подплыли ближе.

Туп пожал мне руку, сказал, что я хорошо выгляжу, потом заметил, как это замечательно, что я снова проявляю гражданскую активность. Я сохранил бесстрастное выражение лица и не спросил, с чего он решил, что я вообще когда-то демонстрировал чувство гражданской неполноценности.

– Мы можем проскользнуть на секундочку в кухню? – спросил он. – Это приватная беседа.

– Разве я могу ответить отказом?

На кухне было ненамного уединенней, чем в других местах, из-за Дина и его снующих повсюду помощников-крысюков.

«Это может быть важно. Не трать время на споры, Гаррет. Я ощущаю скорое появление того, кто может оказаться лекарем мисс Контагью. Он очень близко. А еще на Макунадо-стрит начала расти популяция попрошайек».

Мы с генералом вошли в кухню. К счастью, тогда, когда процессия из Дина и его помощников как раз покинула ее с подносами. Подносы выглядели так, будто каждый крысюк нес столько выпивки и закусок, сколько весил сам.

В голову начали приходить мрачные мысли, что лучше бы Покойнику не только грабить мозги, но и свести вместе нужных людей, дать им поговорить о том, что следует делать. И лучше бы вложить нужные идеи в нужные умы, пока он этим занимается... потому что, если это продлится долго, я разорюсь.

– Налить? – спросил я, вытаскивая кружку.

Рукопожатия.

Я устроился за заваленным едой столом.

– Поговори со мной.

Генерал казался разочарованным.

Он изменился. Усталый, но решительный чиновник средних лет превратился в постаревшего измученного бюрократа.

– Гаррет, я не знаю, что сказать. Говорят, ты изменился. Я слышал, ты стал образцовым подданным Карентийской короны.

– Я всегда им был.

– Пардон? Ты всегда был упрямым, обструкционистским поганцем. Не интересовался ничем, сулившим процветание обществу.

Какого дьявола?!

– Имеется в виду, что «процветание» не приводило меня в экстаз с тех пор, как Дил Шустер решил все за меня.

«Не спорь. Смирись. С его точки зрения он утверждает стопроцентную правду».

Значит, он должен определить термин «процветание общества».

– Я тоже тебя люблю.

«Не существует двух людей, которые смотрели бы на вещи одинаково. Ты это знаешь. В данный момент важно, чтобы мы не враждовали с союзниками только ради удовольствия

быть непростыми людьми».

Погодите. Даже мой партнер думает, что я отказываюсь сотрудничать с жестяными свистульками и придерживаю информацию лишь для того, чтобы их изводить?

– Гаррет, ты здесь? – спросил генерал. – Или умер и отправился в ад?

– Я пребывал в шипах того, что могло стать великим откровением.

С другой стороны, это могло стать и возвращением завтрака.

– Что нужно? – спросил я.

– У нас, гвардейцев, есть одна моральная проблема, которая превращается в нереально моральную проблему.

– Надеюсь, это не заразно.

– Именно. Все хорошее, что мы сделали, может начать сходить на нет, если не разобраться с этой заварушкой.

– Я потерял нить рассуждений.

– Ты не?..

Он раздраженно взглянул на меня.

– С тех пор как мы познакомились, меня обвиняли в том, что я мешаю расследованию или намеренно задерживаю его. И это правда. Я так и поступал, но только в интересах моего клиента. Может, в одном случае из десяти. Тогда я знал, почему на меня рывкают. Но сейчас я никому не мешаю и никого не задерживаю. Все, что я делаю, – это защищаю друга, которого едва не закололи. Защищаю на случай, если кто-ни-

будь попытается завершить начатую работу. Половина присутствующих и некоторые из тех, кого здесь нет, заявили: это все, что мне дозволено делать. И это все, что я собираюсь делать. И по крайней мере одна женщина не хочет, чтобы я делал даже столько.

– Какой обидчивый!

– Чертовски верно.

– Почему тогда ты собрал всех этих людей?

– Я их не собирал. Я их не приглашал. Ты получил мое приглашение?

– Нет. Но это твой дом.

– Это место, где я остаюсь, поскольку считал, что Морли будет здесь в большей безопасности, чем где бы то ни было.

Туп с сомнением посмотрел на меня.

– Я впервые узнал о сборище совсем недавно: Синдж прервала мой спокойный сон и велела прийти сюда, чтобы помочь, – сказал я.

– От тебя всегда поднимались внушительные клубы дымовой завесы.

– И снова спрошу: что от меня нужно?

– Нас отстранили от расследования дела.

– И вы смирились? Вы же потеряли людей.

– Гаррет, кончай. Для остальных дело не в Морли Дотсе. Меня не очень волнует он и его проблемы.

– Скажи ему об этом.

– С радостью. Он в состоянии вести деловой разговор?

– Он в коме.

– Скверно. Но его показания не играют решающей роли. Решающей будет наша неподкупность. Начав профессиональную деятельность, мы с Дилом пообещали, что никто не встанет над законом. Даже королевская семья. Принц Руперт поддерживал нас, когда мы наступали на чьи-то любимые мозоли. Но на этот раз он велит нам осадить назад. Мы должны махнуть рукой на это дело. Такое же послание было отправлено Организации.

– Кто имеет такие связи, чтобы запугивать принца Руперта?

– Именно. Мы это выясним.

– Вы не собираетесь осадить назад?

– Мы собираемся стать менее навязчивыми. Незаметными. Но чем больше на нас давят, тем усерднее мы будем копать. Полагаю, то же самое можно сказать об Организации. Когда кто-то начинает давить на Контагью, они дают в ответ.

– То есть ужас перед бурной активностью в производстве мертвых тел может быть причиной, по которой принц хочет уступить?

– Нет. Я думаю, кто-то с Холма, тот, кто может заставить даже принца Руперта наложить в штаны, хочет, чтобы дело прикрыли. Я зайду в своих догадках так далеко, что скажу: весь Холм хочет, чтобы дело прикрыли.

– Потому что преступники могут быть среди них?

– Отчасти. Но скорее всего, потому, что, если мы будем

копать слишком глубоко, мы, вероятно, выясним то, что Холм хочет утаить от публики.

Я налил себе чаю. Дин за дверью кухни велел мне поторопиться. Ему нужно было вернуться к работе. Я вопросительно приподнял бровь.

– Большинство граждан Холма так же потрясены найденным на складе, как и мы, – сказал Туп. – Но они хотят справиться с этим самостоятельно.

– Так позвольте им это сделать.

– А в следующий раз, когда кто-нибудь захочет захлопнуть дверь перед Гвардией? В следующий раз, когда кто-нибудь захочет сам творить правосудие?

Туп страдал от той же тяжелой болезни, какая правила поступками Шустера. В большинстве случаев от нее больше пользы, чем вреда.

– Все, что я могу, – это пожелать удачи. Я буду здесь, если что, выступая в роли няньки.

Он не поверил ни единому моему слову.

Иногда нет смысла общаться с некоторыми людьми. Их поступками правит то, что творится у них в голове. Все, что происходит вовне и не вписывается в их концепцию, просто игнорируется.

Уэстмен Туп был хорошим человеком. Он мне нравился. Но он мог взбесить меня так, как не удавалось больше никому, разве что Тинни.

– Входи, Дин.

Дин ворвался на кухню и начал действовать быстро и энергично, исполненный решимости еще до заката солнца довести меня до нищеты.

37

Белинда перехватила меня в комнате Морли, вместе с глухими крысюками.

– Они настаивают на том, чтобы мы осадили назад. Чтобы мы бросили это дело, – сказала Белинда.

– «Они»? «Мы»?

– Не играй в словесные игры.

– Я и не играю. Ты знаешь, о чем я. Мне никто не отдавал приказов. И единственное «мы», частью которого я являюсь, – это я и Морли.

– Тогда я вынуждена спросить, почему большинство твоих знакомых находятся здесь. Минуту назад я видела даже этого отравителя Колду.

– Он не отравитель. – Я отвлекся. – И я не знаю, почему все вы здесь. Я не имею к этому никакого отношения, как только что сказал Тупу.

Она не поверила мне, как не поверил и генерал. Когда-нибудь я хапану громадный куш, потому что никто не принимает моих слов за чистую монету. Я смогу ограбить Королевский монетный двор, а потом бегать повсюду и вопить, что это сделал я, я!

Я отлично понимал, что происходит. Синдж и Покойник состряпали план расследования за стенами моего дома. Они собирались использовать людей, которые работали с нами в прошлом. Меня смущало то, что их не обеспокоило влияние Холма, настолько сильное, что заставило отступить самого принца Руперта. Наверное, Старые Кости нашел способ, как бросить вызов тому, чему не следует бросать вызов, и сделать это таким образом, чтобы все сошло с рук.

Эта мысль начала формироваться у меня в мозгу во время визита Бегущей по ветру. Сегодня ее что-то не было видно.

– Тот лекарь вообще собирается приходить? – спросил я Белинду.

– Шутишь? После того, сколько я ему заплатила?

– И его не беспокоит мой напарник в соседней комнате?

– Доктор ничего не знает. Я сказала, что ты разлил лекарство и нам нужно другое. Но сначала он должен еще раз осмотреть Морли, потому что я почти уверена: дела обстоят хуже, чем раньше.

– А если лекарь – преступник?

– Тогда мы сразу это поймем.

Мы задумчиво посмотрели на нашего общего друга. Морли выглядел мирным, как человек в гробу.

Я продолжал гадать, почему знахарь так долго не появляется.

«Он там, снаружи. Вся эта суeta заставляет его нервничать. Ему это не нравится, но он не в силах совладать со сво-

ей жадностью. Рано или поздно постучится».

Мое нетерпение угасло. Я просто переживал за Морли. Пока мои мысли не забрели на Фактори-слайд.

– Гаррет, ты в порядке? – спросил голос, которого я не ожидал услышать.

Я поднял глаза:

– Гилби?

В дверях стояли Манвил Гилби и его последняя жена Хизер. Гилби был человеком номер два в пивоваренной империи Вейдера. Он участливо смотрел на меня.

– В порядке, – ответил я.

– В последнее время тебя не видно в пивоварне. Когда я услышал, что в твоём доме день открытых дверей, я решил, что мы заглянем спросить, как у тебя дела.

– Дела в меру отчаянные. – Я бросил взгляд на Морли. – Что хотите узнать?

– Уже ничего. Мы вращались тут довольно долго, чтобы разнюхать, что к чему. Макс тебя поддержит.

Конечно. Потому что Макс Вейдеру не нравились люди, замешанные в нелегальном колдовстве. Несколько членов его семейства были убиты меняющими форму оборотнями, созданными в брошенных пивных бочонках. Макс не возражал бы против истребления всего племени колдунов.

Хизер Гилби обычно была приветливее и общительнее Манвила, но сегодня только улыбалась и держала рот на замке.

– Позаботься о том, чтобы сделать то, что требуется, – сказал Гилби. – Мы тебя ценим, Гаррет.

Он пристально рассмотрел Морли, потом крысюков с нелегальным оружием. Он знал моего друга. Ресторан Дотса находился через дорогу от театра Макса Вейдера «Мир», менеджером которого была Хизер.

Уходя, Хизер улыбнулась мне глазами. Она мне очень нравилась, но значилась одной из первых в списке врагов моей рыжули. Дело в том, что Тинни играла в нескольких пьесах Иона Сальватора и зазналась. Еще как зазналась! Тогда Хизер дала ей понять, что талант Тинни смогут лучше оценить где-нибудь в другом месте. Это был жестокий удар, поскольку «Мир» оставался единственным театром, где от актрис не ожидалось, что им придется вступать в порочные связи с публикой.

Тинни не привыкла к поражениям и почти не способна была воспринимать критику.

38

Я спокойно проводил время с другом, правда в присутствии громил Джона Растяжки. Пристально смотрел на Морли, желая, чтобы тот вернулся.

В комнату вошла Белинда.

– Без изменений?

– Без. Что-то явно не в порядке.

– Нам следует о многом расспросить лекаря.

– Ты уверена, что он не знает о старом Мешке с костями?

– Веришь или нет, Гаррет, почти никто, кроме твоих знакомых, о нем понятия не имеет. Тем более что ты так долго был не при делах.

В Танфере быстро обо всем забывают. Может, это навык выживания в городе.

– Покойник всего-навсего рассказ-страшилка. Им пугают друг друга дети. Никто на самом деле не верит в его существование.

– Интересно.

– Скоро мне надо будет уйти. Но еще немного я могу задержаться. Хочу дожидаться лекаря.

– Если он вообще явится.

– Явится. Однако может не войти в дом, если не увидит меня.

Еще как войдет – если только не в состоянии стряхнуть с себя мысленный контроль логхира.

«Лекарь близко, но ему очень не по себе. Он необщительный человек».

Белинда не среагировала. Покойник не включил ее в беседу.

– Его Милость думает, что доктор наконец здесь, – сказал я.

Старые Кости избегал вступать в прямой контакт, пока не становилось слишком поздно, чтобы человек увильнул. Мо-

жет, Белинда и дальше будет верить, что в ее мысли никто не вторгался.

Я ощутил отзвук веселья логхира.

– Твой человек очень нервничает, – сказал я Белинде. – Забери его в дом, а то он совсем перетрусит. Не насакивай на него, пока мы не запрем за ним дверь.

Мне мысленно намекнули на что-то вроде старой пилы: дескать, не учи ученого. В то же время Старые Кости ненавязчиво повлиял на гостей, чтобы те перешли в его комнату или кабинет Синдж.

Спустя мгновение я сказал:

– Доктор! Проходите. Я начинаю всерьез беспокоиться о друге.

Лекарь стиснул свою сумку, держа ее у груди. Он пристально смотрел на троих крысюков и выглядел так, будто его только что приговорили к повешению.

– С вами все хорошо?

Он открыл и снова закрыл рот. Но не издал ни звука. Белинда заполнила дверной проем за его спиной. Она не трудилась сохранить любезное выражение лица.

– Не обращайтесь внимания на этих парней, – сказал я. – Они здесь, чтобы защищать Морли.

– Вы пролили лекарство, которое я вам дал? – еле слышно спросил доктор.

– Да, выронил, открывая пробку. Пузырек упал на пол и закатился под кровать. Когда мне удалось его выудить, он

был уже пуст.

Лекарь слегка расслабился.

– Ну, вообще-то, – ухмыльнулся я, – не совсем пуст. Я соврал. Мы решили, что, если заставим вас так думать, это поможет заманить вас сюда. Вы – преступник.

Он широко распахнул глаза и побледнел еще больше.

Его попытка сбежать потерпела крах. Белинда не двинулась с места.

«О да. Он виновен. Лекарство, которое он дал, было составлено для того, чтобы мистер Дотс не приходил в сознание. Наш преступник алчен, но он не убийца».

– Друг, вы на перекрестке, – сказал я человечку в черном. – Это поворотный момент в жизни. Он может стать фатальным.

«Осторожно. Он верит, что у него есть варианты».

– Леди, стоящая за вашей спиной, от вас не в восторге. Она заплатила вам за спасение этого человека. Вместо лечения вы его отравили. Джентльмен за ней – генерал Туп из Гражданской Гвардии. Он тоже хочет задать вам несколько вопросов.

«Легче, – передал Старые Кости. – Перестань давить. Я должен взять под контроль функции его тела, особенно сердцебиение. Если я этого не сделаю, он может умереть».

Я начал было задавать вопрос.

«Молчать! Его сердце готово разорваться».

Я слышал, что такое случается с мышами и лошадьми, но

никогда – с человеком.

Предупреждая Белинду и Тупа, я поднял руку. Мы не должны были помешать Умнику совершить его «колдовство».

Старые Кости успокоился.

«Его подготовил для преступления мастер-гипнотизер, который даже не подозревал, что может столкнуться с кем-то вроде меня. Я уничтожил команды, подталкивавшие к разрыву сердца, но не сумел выяснить, кто дал ему эти команды».

Блестящая идея!

– Белинда, почему ты выбрала именно этого лекаря?

– Я отправилась к Детям Света и попросила какого-нибудь целителя. Потом доказала, что могу себе позволить подобные траты.

Может, моя идея была не такой уж блестящей.

– Сколько времени у них ушло, прежде чем они решили тебе помочь?

– Несколько дней. Больше трех.

– Ты отправилась к ним раньше, чем явилась ко мне.

Меня это вовсе не обижало. Мои навыки в искусстве врачевания не относятся к числу моих сильных сторон.

«Он получил назначение после жеребьевки. Его подкупили между первым и вторым визитом к мистеру Дотсу. Фигурирует крупная сумма. Он и раньше занимался темными делишками. Но впервые его вероломство раскрыто».

Старый дьявол ликовал.

– У тебя есть шанс спасти жизнь, доктор, – сказала Белинда. – Собственную жизнь.

Покойник стабилизировал важнейшие органы лекаря, отрезав тому путь к спасению в смерти. Я уверен, что одновременно он мародерствовал в голове гостя.

– А я в щедром расположении духа, – проговорил я, – и собираюсь предложить тебе шанс спасти две жизни.

Плеймет спал в кресле в комнате Покойника.

Я заставлю жадного идиота вылечить Плеймета, после того как будет исправлена ситуация с Морли.

«Это крайне трудно, – сообщил Покойник. – Я не могу свести на нет всю власть постгипнотических команд. Мы должны быстро получить от него то, что хотим. Саморазрушительный приговор лишь отсрочен. Вряд ли я буду в состоянии сдерживать его вечно».

Я посмотрел на Морли, на лекаря, снова на Морли – и не смог найти в себе никакого сочувствия к шарлатану.

39

Я позвал Уэстмена Тупа – тот отплыл в сторону, обольщенный сиреной бесплатной еды и пива. К тому же в данную минуту генерал был знаменитостью. Даже он жаждал восхищения.

– Здесь ли Колда? – спросил я.

– Отравитель?

– Он химик. И аптекарь. Занимается натуральными экстрактами.

Почему я нахожу оправдания для Колды? Потому что он мне вроде как нравится? Хотя и на самом деле пытался меня отравить – когда-то давным-давно.

– Как скажешь.

– Не важно. Шкипер, найди Синдж. Передай ей, что мне нужен Колда.

Крысюк удалился. В ожидании я поведал Тупу о том, что мы вытащили из лекаря, пока генерал вдалеке наслаждался похлопываниями по спине. Он пришел в ужас.

– Теперь он делает все, чтобы помереть, прежде чем мы сможем выяснить что-нибудь еще. При этом практически умоляет Старые Кости спасти его.

Туп побелел и несколько раз сглотнул. То, что один из Детей Света мог быть настолько испорченным, очевидно, шокировало его.

В этом коварном городе мы ничему не должны удивляться. Даже в эпоху полицейской защиты.

– Он не спит, – пробулькал Туп. – Я думал, он спит. Мне пообещали, что он глубоко, крепко спит.

Тут до меня дошло. Дело было не в испорченном лекаре. Дело было в Покойнике.

Я засмеялся.

– Кто-то солгал. Но не беспокойтесь. Он не шарит в го-

ловах людей просто потому, что умеет. А когда шарит, передает дальше лишь то, что имеет отношение к проблеме. В данном случае – знает ли лекарь, что случилось с Морли Дотсом. Между тем мы потеряем доктора, если он выполнит повелевающие им гипнотические инструкции.

– Этого не может быть. Я немного разбираюсь в гипнозе. Мы используем его во время допросов. Ты не можешь заставить кого-то покончить с собой.

– Старые Кости говорит, что можешь, если жертва не знает, что творит. Ты заставляешь ее думать, что она делает что-то другое, а не убивает себя.

«Кто бы ни подготовил этого человека, он гений. Он взял типичного лекаря и превратил его в наемного убийцу, не спровоцировав ни единого серьезного внутреннего конфликта».

– Он действовал быстро, чтобы подготовить лекаря к работе с Морли?

«Сосредоточься. Мы уже установили, что этот человек совершил и другие преступления. Подозреваю, что сходные ментальные манипуляции были произведены и с Джимми Два Шага».

– Тут есть связь?

«Если сравнить информацию в мозгу генерала Тупа с фактами в мозгу лекаря, такое кажется весьма вероятным. Кукловод согласен насчет тебя с Аль-Харом. Держать тебя в стороне. Ты – темная лошадка. Каскад событий пока застав-

ляет предположить, что они, возможно, правы».

– Интересно.

Я начал строить дальнейшие логические умозаключения.

«Да. Нападение на тебя и мисс Тейт имело место вскоре после того, как мисс Контагью решила попросить тебя защищать мистера Дотса. Потом, в последующие ночи, тебя пытались убить в борделе».

– Меня? Не Морли?

«Да, тебя, я уверен. Смерть мистера Дотса была бы полезным побочным эффектом, но он все равно был нейтрализован, как только начал принимать лекарство. Ты, однако, известен тем, что шляешься там и тут и вызываешь лавины неожиданных последствий. Вот чем ты занимаешься. Особенно с точки зрения нашего противника».

– Это кое-кто, с кем мы уже сталкивались?

«Полагаю, что лишь косвенно, если вообще сталкивались, но при этом не обращали на него особого внимания. Ага! Я взломал код. Нашел ключ к смертному приговору».

– Что?

«Лекарь. Могу его спасти. Я определил последовательность внушений, заложенных в его разум».

– Хорошо. Как только успокоишь знахаря и возьмешь в оборот, натрави его на Плеймета. Не принимай никаких уверток.

«Конечно».

– Интересная личная беседа? – спросил Туп.

– Да. Он выяснил, как спасти нашего лекаря-убийцу от себя самого.

– Великолепно. У меня есть несколько вопросов к этому человеку.

– Получи одобрение Его Милости. Иначе зря потратишь время.

Туп уловил мою мысль и, кивнув, признался:

– Это не первый негодяй, который, как оказалось, понятия не имеет, почему сделал то, что сделал. И не знает, кто велел ему так поступить.

«Интригующе. Генерал размышляет о ворах химикалий, найденных на том складе».

– Приведите их сюда, генерал. Пусть Старые Кости поболтает с ними. Тем временем стоит побывать у Детей Света и разузнать об этом парне. Может, они сумеют пролить свет на тайну.

Генерал отказался признать, что я искусно играю словами.

– О! Похоже, это весело. Шустер будет лезть из кожи вон. Мы даже не нарушим никаких новых правил. Это будет совсем отдельное дело. Покушение на убийство, возможно, связано с удавшимися убийствами, которые не имеют очевидной связи со складом в Квартале Эльфов.

Я начал было спрашивать, провела ли Гвардия опрос соседей, но получил предупреждение от Покойника: «Это было запрещено принцем Рупертом».

– А что насчет охоты на воскрешенных? Ее запретили?

– Пока нет, – ухмыльнулся Туп. – Но их чертовски трудно найти. Им велели залечь и держаться тихо. Велел кто-то, кто пугает их больше, чем мы.

Да, ничего удивительного.

Белинда прислонилась к дверному косяку – ничего другого ей не оставалось, потому что толпа набилась в комнату.

– Я привела Колду. Это заняло время. Нам пришлось его разыскивать.

40

Туп появился здесь в поисках чего-то определенного. А ушел отсюда, думая уже о чем-то другом, но счастливый и полный рвения – ему не терпелось приняться за работу.

Покойник предоставит ему дополнительную информацию. Вскоре в Аль-Харе поднимется суета. Никто, кроме директора и командира в звании генерала, не будет знать, что Гвардия нарушает дух полученных приказов.

Колда присоединился ко мне и Морли. Он нервничал. История наших взаимоотношений, пусть недолгих, не давала ему основания думать, что он находится в выгодном положении.

– Ты специалист по химикалиям и экзотическим травам, – обратился я к нему. – Моего друга, вот он, отравили. Яд не смертелен, но не дает ему проснуться. И это очень замедляет его выздоровление.

Колда посмотрел на меня большими испуганными глазами, но ничего не сказал.

– Яд принес этот маленький субъект, в чьем воротнике запуталась лапа Доллара Дэна. А субъекту яд вручило, вместе с грудой денег, третье лицо, после того как мисс Контагью наняла этого лекаря для лечения моего друга. Она тоже дала ему кучу денег.

Колда хуже разбирался в веяниях моды, чем я. Он не мог ни причесаться, ни заправить в штаны рубашку. Он всегда нервничал. Почти не обладал светскими навыками. Но в своей области он был гением. И был передо мной в долгу.

В разговоре с Тупом я настаивал, что Колда не отравитель. Но он же меня отравил когда-то давным-давно. А я все еще дышу и жалуюсь. Улика, предполагающая, что я нашел антидот.

– Лекарь, дай этому человеку пузырек, который ты принес вчера, – сказал я, переходя на ты. – Потом Доллар Дэн проводит тебя через прихожую. Искупление начнется, когда приступишь к лечению Плеймета.

Доктору не хотелось этого делать. Халява противоречила кодексу Детей Света.

– Понимаю.

Его голос был медленным и монотонным. Он выудил маленькую бутылочку, идентичную той, которую дал нам во время визита в «Огонь и лед».

– Каковы шансы, что снадобье в этом пузырьке содержит

те же самые ингредиенты, что и в первом? – спросил я в пространство.

«Пока не определил».

Прошло десять секунд.

«Умно подмечено, Гаррет. Шельмец проконсультировался со знакомым, после того как услышал, что тебе нужно новое лекарство. Предлог, которым мы воспользовались, вроде как пробудил подозрения параноидального поставщика».

– У нас есть оригинальный любовный напиток. Колда может их сравнить.

Лекарь уступил нам новый пузырек. Доллар Дэн погнал прохиндея через прихожую.

Я отдал Колде первый пузырек.

– Эту штуку дают по три капли на двухквартирный кувшин воды.

– Значит, сильнодействующее средство.

С достойной одобрения аккуратностью он откупорил обе склянки и осторожно понюхал. После новой бутылочки сказал:

– Ваниль, немного гвоздичного масла, чуть-чуть касторового, растворено в древесном спирту. И еще что-то, чего я не узнаю.

Понюхал оригинальный пузырек.

– Тут все то же самое, что и в другом, незнакомого запаха меньше и больше чего-то, пахнущего смертью.

– Значит, определенно разные рецепты?

– Да. Но различие едва уловимо. Оба снадобья были бы смертельны, каждое по-своему.

– Что думаешь? – спросил я в пространство.

«Возможно, ты попал на верный след. Ни гвоздичное масло, ни касторовое не должны растворяться в холодной воде, но их, а еще ваниль могли добавить для того, чтобы внушить людям: это лекарство».

– Яд должен быть эффективен в столь малых дозах...

«Бобы, из которых делается касторовое масло. Они содержат столь сильный яд, что бесконечно малое количество может убить множество людей. Дилемма отравителя всегда состоит в том, как бы не отравить самого себя, а потом – как эффективно распространить яд. Похоже, кто-то нашел способ, как использовать яд, давая его одному клиенту зараз. А! Мысли Колды начинают течь в том же направлении. Я избавлю тебя от описания восхищения, которое он испытывает по отношению к гению собрата-химика».

– Кто-то совершил невозможное, – сказал Колда. – Невероятный прорыв!

– О чем ты? – спросил я.

– Кто-то нашел способ выделять яд из касторовых бобов.

– Ты неудачник. Это известно уже в течение многих лет. Чего никто не знает – так это как без опаски пользоваться ядом.

Колда ответил мне невеселым фырканьем. Может, он не был таким несведущим, как мы надеялись.

Что касается Покойника, вот в этом вопросе травник был чудовищно невежественным. Я не уверен, что одобряю это, но, когда наши с Колдой пути в последний раз пересеклись, Старые Кости добавил несколько ловушек в его память.

Колда никогда не вспомнит о том, что узнал во время визита к нам.

Я начинал думать, что мой партнер не такой уж пустой бахвал, каким я егоставлял.

В ответ слабый отголосок веселья долетел снаружи до моей комнаты.

41

Когда Колда и лекарь ушли повидаться с Покойником, у меня осталось мало дел с Морли. Вот-вот должны были явиться сиделки.

Я решил культивировать свои почти атрофировавшиеся социальные навыки, но осталась лишь горстка гостей. Лекарь, Колда и Плеймет были с Покойником. Остальные – в кабинете Синдж. Ион Сальватор расхваливал свою новую пьесу.

Я проверил в углах и за столом Синдж. Торнады до сих пор не было. Как Ион ухитрился?

Любимая ученица Покойника Пенни Мрак не сбежала при моем внезапном появлении. Вокруг было достаточно свидетелей, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Бог

мой, она носила женское платье!

Такие вещи поневоле замечаешь, если ты мужчина и еще жив.

Стародавний товарищ Морли, Сарж, тоже был здесь. Он выглядел потерянным. Как будто кто-то отравил его котенка.

Я схватил последний свободный стул и поманил Саржа, выразив желание поделиться содержимым кувшина, его явно нужно было обновить. Сарж сидел, ссутулившись в углу, не занятом Плоскомордым Тарпом и офисной мебелью Синдж.

Когда я подал ему знак, он оживился и подтащил свой стул ближе.

– Сарж, как идет управление рестораном без нашего мальчика?

– Да на черта нам рывканья Морли, чтоб делать свою работу? Мы ж, Гаррет, занимались этим так долго, что все крутится само собой, как мельничный жернов. Но он наш друг. И никто не знает, что мы будем делать, ежели он скопытится.

– Белинда, наверное, свела тебя с ума, пытаюсь выяснить, что затевал Морли, когда его ранили, но...

– Да уж в яблочко. Но она ж никого не слушает, кто с ней базарит, потому проку с ее расспросов чуть. Она из тех, кто наперед решает, во что верить, а опосля не пикни ни словечка.

Я был знаком с Белиндой дольше, чем мне хотелось бы, и более близко, чем остальным следовало бы знать. У нее имелись огромные интеллектуальные изъяны. Своенравное

пренебрежение фактами к таковым не относилось.

– Ты уверен? Например?

– Ну, знаешь, Морли нечасто поминает свою кровь и все такое. Он же темный эльф, ага, так что с того? У него бизнес в человеческом городе, и половина людей здесь этого не знает, не может этого распознать, да им и знать не надо... Раз уж они такие типчики, что им на это не наплевать.

Я кивнул. Диалект Саржа был сейчас сильнее, чем обычно, но я уловил его мысль. Он говорил, что Морли не из тех, кто живет прошлым.

– Что-нибудь изменилось?

Его нашли в той зоне, где большой Танфер переходил в район, известный как Квартал Эльфов. Тамошний люд, который никогда не видел большого дома в своей родной деревушке, жил в многоквартирных домах по двенадцать душ в комнате и настаивал на том, что никогда не бросит старые обычаи и свой язык.

– Кое-что изменилось. Сдается, та девчушка, которую его народ приспособил, чтоб он на ней женился, появилась в город.

– Я думал, он откупился от нее пару лет назад.

– Мы все так думали. Мож, он просто хотел, чтоб так было.

К нам без приглашения присоединился Ион Сальватор. Уселся напротив меня, положив руки на тощие, будто девчоночьи, бедра.

– Гаррет, ты должен мне помочь.

История всей моей жизни.

– Я не могу позволить себе делать вложения в твои пьесы.

И я сейчас занят.

– Мне не нужны инвесторы. Люди выстраиваются в очереди, чтобы приобрести пай во всем, что я ставлю на сцене. Я остаюсь с Вейдерами потому, что они отдали мне контроль над художественной частью. Но ты – единственный, на кого я могу рассчитывать, чтобы сделать успешным мой следующий проект.

От этих слов я даже забыл о Сарже и Морли. Пилсудс Вильчик преподнес мне великую загадку. Уличный ловкач вроде меня никоим образом не мог обеспечить успех постановки драмы. Если только Ион не хотел, чтобы я продавал билеты на пьесу под угрозой ножа. А может, он мечтал, чтобы Торнада и дальше его не беспокоила.

– Где Торнада?

– Где-то терпит убытки, – пожал он плечами. – Чего я хочу – это чтобы ты заставил Тинни вернуться. Она – идеальная актриса на главную роль в «Королеве сильфов».

– Ты хочешь, чтобы Тинни сыграла сильфиду? Старик, это натяжка. Она слишком субстанциональна.

На эту роль куда больше подходила прядь волос Потока яростного света.

– В том-то все и дело. Я не пишу о сказочных сильфах. Они не будут воздушными. Они будут похожи на эльфов,

только из королевства, находящегося под прямым углом к нашему. Колорит и характерные черты Тинни, ее стан и резкое поведение, даже ее веснушки – все это делает ее идеальной Матильдой.

– Пьеса будет поставлена в «Мире»?

– На главной сцене, расширенной. Это, Гаррет, будет мой самый шумный успех.

– Тинни не ладит с Хизер Соумз.

– Я заставлю их поладить.

Мне нравилась его уверенность.

– Тинни – это Матильда, – сказал он, – но я пошлю ее паковать вещички, если она будет вести себя так же, как раньше. Тебе необязательно об этом говорить. Я все проясню на первой же репетиции.

Нас ожидали интересные времена.

– Ты только посмотри! Сплошной апломб и напористость. Что стало с Прилипалой, которого мы знали и не любили?

– Он нашел предмет своей страсти. Ты собираешься сбыть Тинни роль Матильды?

– Нет.

– Что? Почему?

– Я предан собственной страсти. Она удержит меня здесь с моим раненым другом. Если тебе нужна Тинни, дуй на Фактори-слайд. А еще лучше – перехвати ее на работе. Приходи туда днем. Ей до смерти надоела бухгалтерия. Я могу дать тебе письмо, чтобы пропустила охрана.

– Если это способ ее заполнить, так тому и быть. А ты не заинтересуешься небольшой ролью? Мне нужен потрепанный громила, чтобы сыграть верного старого солдата...

– Ион, тебе нужно наброситься на меня как-нибудь в другой раз. Я вел важную беседу с Саржем, когда ты вмешался.

Драматург вытаращил глаза. Он утратил уважение к прямым речам.

Раньше люди обращались с Прилипалой так, как я сейчас. Они разговаривали так с Пилсудсом Вильчиком когда-то давным-давно. Они больше не разговаривали так с самой крутой знаменитостью города.

– Из меня бы вышел хороший верный старый солдат, – пришел на помощь Сарж, – которого трепали довольно, чтоб сделать тем еще колоритным типчиком.

Вот еще одна причина, почему Ион Сальватор чувствовал, что волен спускать с цепи сидящего в нем нахала. Люди мирились с этим, потому что он мог дать им роль в спектакле.

42

Сальватор не впал в ярость. Он просто ушел, без сомнения вычеркнув мое имя из свитка потенциальных характерных актеров.

– Прости за случившееся, Сарж.

– Он больше не тушется.

– Да. Разве только на улицах.

– Шутишь? Такое поведение не сходит с рук крутым парням. Если бы они вот так выделялись, директор уже заслал бы их в трудовые лагеря.

Интересное замечание. Закон и порядок стали такими вездесущими, что маленькие вкрадчивые выскочки вроде Прилипалы могли чваниться, не расплачиваясь за это разбитой головой.

Что Дил Шустер думает об этих негаданных последствиях?

– Ладно, ты говорил, что деревенская невеста Морли сейчас может быть в городе, помышляя заглянуть к нему в карманы.

– Просто одно предположенье.

– Есть и другие?

– Наверное. Ты должен порасспрашивать Капу. А я не такой смысленый, поэтому просто топаю по пятам.

– Понятно. Но не надо себя недооценивать. У тебя есть дар делать нужные вещи в нужное время.

Когда-то давным-давно он спас мне жизнь.

– Вы утаивали что-нибудь от Капы, парни? Что-нибудь такое, что, по вашему мнению, может ее расстроить?

Огромный минус быть социопатом вроде Белинды заключается в том, что люди ходят вокруг тебя на цыпочках. Они не говорят того, что может тебя расстроить. И в конце концов ты остаешься в информационном вакууме.

Белинда умна и понимает это. Она нашла обходные пути,

чтобы исправить упущение. Но они не срабатывали внутри такой замкнутой и верной команды, как ребята Морли. Капа могла подозревать, что они напускают туману и о многом умалчивают, но это было за пределами ее имперской досягаемости.

– В любое другое время, Гаррет, ты был бы прав. Если бы на кону не стояла жизнь Морли, мы бы состряпали похлебку из полуправды и вводящей в заблуждение правды. Мы бы не позволили Белинде прознать ни о чем, что ей позарез надо. Но теперь на кону типа он сам. Мы сказали ей правду.

Его диалект стал не таким выраженным. Я понял каждое слово. Команда Морли не будет скрывать от Белинды ничего, пока та может сделать что-то хорошее для их друга и наемателя.

Но они не выложат ничего, что не имеет отношения к текущей проблеме.

– Вы ничего не утаили?

– Ничегошеньки! Мы должны заполучить обратно нашего Морли, – сдается, мы его вроде как уже получили, если он выйдет из комы. И мы должны попытаться прикончить того, кто такое с ним сотворил. Мы решили, что ты и Капа вместе присмотрите, чтоб кровь пролилась там, где с того будет больше толку. А сейчас, я думаю, мне лучше вернуться. Я там нужен. Нынче самая хлопотливая ночь на неделе.

– Не хочу мешать бизнесу. Двигай. Но если подвернется что-нибудь, что может меня заинтересовать, дай знать, не те-

ря времени.

Сарж кивнул.

– Он же выкарабкается, Гаррет?

– Я уверен. Расскажи об этом остальным. Морли очень скоро вернется.

– Спасибоочки, Гаррет.

Несколько секунд он пристально смотрел на меня:

– Может, ты не конченный паразит, каким мы всегда тебя считали.

Сарж, Рохля и остальные из шайки Морли обращались со мной так, словно я переносчик венерической болезни. Они держали себя в руках только в присутствии наблюдающего за ними Морли.

– Рад от тебя такое слышать, Сарж. Для меня это многое значит. Что ж, возвращайся к работе и сделай Морли богатым.

Когда Сарж двинул на выход, я понял, что не могу вспомнить, как Морли назвал ресторан, который открыл через улицу от театра «Мир». Да что со мной такое? Мы с Тинни несколько раз обедали там.

43

Быстрая перепись показала, что домашнее хозяйство Гаррета лишилось нескольких посетителей. Некоторые, когда Покойник показал мне список, были людьми, по которым я

скупчал. Некоторые – вообще мне не знакомы.

– Тинни так и не появилась? – спросил я Синдж.

– Это ничего не значит, – ответила она. – Тинни сообщили, что тут будут обсуждаться важные вопросы, но сейчас середина рабочей недели, а Объединенная переживает взрыв покупательской активности. Заметь, что люди, которые здесь были, по большей части не из тех, у кого есть обычная работа.

Да. Верно. Благодаря Синдж такое объяснение казалось правдоподобным. Те, кто остался в доме, вполне подходили под ее аргументацию.

Плоскомордый Тарп, возможно упившийся до потери сознания, выглядел умиротворенно, похрапывая в кресле. Ион Сальватор проявил храбрость, взяв без спросу письменные принадлежности Синдж, и что-то царапал в переплетенной книге из чистых листов, которую повсюду таскал с собой.

Он напомнил мне:

– Ты говорил, что напишешь письмо, которое позволит мне повидаться с Тинни.

– Говорил. Помоги мне развернуть этот стол, и я быстренько его настрою.

Я сваял шедевр из трехсот слов, который заставит Тинни наслаждаться перспективой того, что Ион Сальватор захочет обсудить. Себя я не упоминал. Ничего не написал о том, где я, чем занимаюсь, почему, и даже о своем здоровье. Она сможет выжать эти сведения из Прилипалы, если захочет. А он

даст знать мне, насколько ее это заинтересовало. Если все пройдет нормально, я попытаюсь ускользнуть отсюда, чтобы провести с ней мирные переговоры.

Количество гостей сократилось до Плоскомордого, нескольких крысюков и тех, кто оставался с Покойником.

— Мне так и не выдалось случая поговорить с Джоном Растяжкой, — пожаловался я. — А хотелось бы поболтать о его неизвестных мне приключениях.

— У него все отлично, — сказала Синдж. — Превосходно, учитывая, что он босс из боссов преступного мира крысюков, хотя прошло столько лет.

— Примерно три года, так ведь?

— Из них только один год он провел боссом из боссов. Но он первый среди своего вида.

Синдж просияла от гордости. Ее брат был неоспоримым владыкой преступного мира крысиного народца.

Она смотрела на меня так, словно бросала вызов: пусть я только попробую отнестись к ее гордости без должного почтения!

Я бы никогда так не поступил. Только не с ней.

«Гаррет. Будь добр, присоединись к нам».

Что-то я не слышал, чтобы Синдж упомянула, что не я один мигрирую во владения Покойника.

Когда мы с Синдж появились в холодной комнате, там, похоже, был не один труп.

Никто не шевелился. От Старых Костей следует ожидать

подобного, но Колда, Плеймет или лекарь должны были что-то делать.

Синдж напрямик направилась к Плеймету, который определенно выглядел мертвым.

«Я заставил мистера Колду дать ему дозу лекарства, предназначенного для мистера Дотса. Мы заставим зло послужить во благо, удерживая Плеймета, пока я сражаюсь с монстром, поглощающим его изнутри. Синдж, отправь одного из соседских мальчишек племени Керр доставить послание зятю Плеймета, управляющему конюшней. Ему не нужно знать, что происходит. Не вдавайся в описание деталей. Не делай намеков, что у нас есть большая надежда. Он почти наверняка сочтет обескураживающей перспективу выздоровления Плеймета».

Судя по тому, что я знал о зяте Плеймета, Покойник попал в самую точку. Сестра Плея была его единственной наследницей. У идиота, ее мужа, наверное, уже выстроились в очередь покупатели конюшни.

– Итак, что ты в действительности делаешь?

«Я работаю внутри мозга Плеймета, чтобы прекратить боль, которая отвлекает его от того, чтобы взять остаток жизни в свои руки. Параллельно исследую познания мистера Колды в травах, надеясь обнаружить нечто именно против рака Плеймета».

– Есть успехи?

«Возможно. Но вместо этого сведения исходят из разума

брата Хото. Ему известен яд рептилии, который яростно атакует опухоль тканей».

– И где мы найдем яд ящерицы?

«Это тропические виды. В моем мозгу возник образ броско раскрашенного существа, напоминающего саблезубую игуану».

– Помню это создание по островам. Опасная тварь. Стоит ейдохнуть, и тебе крышка.

«Как всегда, если нет свидетелей, способных тебя опровергнуть, ты преувеличиваешь. Тем не менее яд очень сильный. Возможно, несколько особей живут в Танфере».

В бизнесе Колды кто-то тайком держал таких ящериц. А может, кто-то из Детей Света, продающих диковинки богачам.

«В королевском зверинце есть дом экзотических рептилий».

Ах да! Члены королевской семьи собрали коллекцию странных созданий. У принцесс был специальный дом для мотыльков и бабочек. Никто из нас, низких типов, никогда не приходил посмотреть на подобные диковинки.

«У тебя есть связь с принцем».

Можно сказать и так. В некотором роде.

«А я тем временем покопаюсь в брате Хото в поисках полезных сведений, способствующих дальнейшему пониманию того, кто, что и почему стоит за злоключениями мистера Дотса».

– Почему бы просто не получить эти сведения в голове Морли?

«Эти плоды не произрастают там, чтобы их сорвать. Возможно, его ударил камень, упавший с неба, и он будет не в состоянии рассказать нам ничего, когда очнется».

– Но он очнется?

«В течение двух дней. Возможно, раньше. Исходя из того, что брату Хото известен яд. Теперь ты можешь продолжать, Синдж».

Он дал Синдж работу, не проконсультировавшись со мной.

Я начинал чувствовать голод. И не видел Дина.

«Теперь ты знаешь то же, что и я. Но ничем не можешь подействовать. Проверь мистера Дотса. Иди на кухню. Отдохни немного».

Прежде чем уйти, я хорошенько рассмотрел Плеймета. Этот человек был одним из моих старейших и самых надежных друзей. Мы помогали друг другу бесчисленное множество раз. Он ворчал, когда я о чем-нибудь его просил, но никогда не подводил меня. Я сделаю все, что смогу, чтобы быть ему таким же верным товарищем.

Морли спокойно спал. Его лицо уже не было слишком бледным. Доллар Дэн сообщил, что Морли что-то сказал – одно слово, которое стражи не поняли.

Прогресс!

Дина я нашел на стуле за кухонным столом – он спал, по-

ложив голову на руки.

Я умял что-то безвкусное из собранных остатков.

Кажется, я чем-то заразился от наших посетителей, некоторые шмыгали носами. Что бы я ни подхватил, болезнь развивалась быстро.

Поднимаясь по лестнице, я почувствовал слабость и подумал: это потому, что я выпил слишком много пива.

Уже в полусне я уловил озабоченные мысли Покойника. Его что-то беспокоило. Это смятение касалось всех нас, а не кого-то в отдельности.

44

Я проснулся среди ночи. В окно дул прохладный ветерок. Бегущая по ветру, Поток яростного света сидела, скрестив голени, на краешке кровати у меня в ногах, не касаясь их. Я растянулся в постели по диагонали. Она куда больше походила на королеву сильфов, чем когда-нибудь это удастся Тинни.

А еще она выглядела как королева искушения.

Бегущая по ветру зажгла лампу.

Свет озарил ее жемчужные зубы, когда она улыбнулась при виде предательского огонька в моих глазах.

Она могла бы получить меня прямо сейчас. Если бы захотела.

Но я чихнул.

Это показалось ей смешным.

– Я нечаянно.

Я молился, чтобы она не разожгла любовный жар.

Однажды я видел, как она превратила целую бригаду строителей в изнемогающих идиотов, даже не стараясь сделать это намеренно.

«Я – преданный мужчина, – сказал я себе. – Я не могу очертя голову ринуться в такое...»

И снова чихнул.

Она вытащила изысканный носовой платочек.

– Спасибо.

Голова моя была словно набита ватой. Хорошее заключалось в том, что чихающий и пытающийся прояснить мозги мужчина – не слишком интересная мишень для женщины-вампи.

И все-таки я спросил:

– Ты бы перешла к делу, прежде чем я спячу?

Тень улыбки. Женщина была довольна. Уверилась в своих силах. Осталась желанна.

У нее были серьезные проблемы, но ни одна из них не имела отношения к интересующим нас сегодня.

– К делу. Да. Это мне тоже нужно.

Она закрыла глаза и приложила усилие стать несексуальной. Преуспела не очень, но мне стало легче обдумывать что-то, помимо возможности нашей близости.

Пришлось снова высморкаться.

– Я повидалась с принцем Рупертом, – сказала она.

– Ты говоришь мрачно. Встреча прошла плохо?

– Лучше, чем я ожидала. Просто все не так, как я надеялась. Он не назвал никаких имен и ни на кого не указал пальцем. Он признался, что на него давят, чтобы он держался подальше от заварушки на Северной стороне. Он бравирует, но боится. Думаю, на него влияет брат.

– Король?

Я чихнул. Простуда – это отвратительно. Наверняка скоро начнется и кашель.

Король вряд ли был преступником. С тех пор как разразился мир, он мало чем занимался, кроме как пировал всю ночь и спал весь день.

– То-то и оно, – ответила на мои доводы Бегущая по ветру. – У кого есть власть помыкать королем? Я возглавляю десятку претендентов, но я им не управляю. Я едва смогла добиться встречи с Рупертом.

– Зачем ему поддаваться?

Я посмотрел на нее и с трудом удержался, чтобы не обшарить ее взглядом.

– Будь здоров.

Да. Хвала тебе, простуда обыкновенная. Мою честь спасли сопля.

Я повернулся так, чтобы смотреть на что угодно, только не на Бегущую по ветру.

– Сегодня все-таки случилось кое-что хорошее, – сказала

она. – Я убедилась, что Кивенс ни в чем не замешана.

– Я счастлив за тебя.

Но я не был так уверен, что Кивенс ни при чем.

У дочери Бегущей по ветру были серьезные проблемы с головой, из-за которых она не контактировала с обществом и его правилами.

– Первое доказательство – никто бы не стал покрывать ее так, как покрывается это дело. И у нее есть алиби для обеих ночей, когда случились те сумасшедшие события.

Судя по голосу, Бегущую по ветру это не очень радовало. Она сказала, что отдалилась и от своего отца, и от дочери. Может, ее папа и был алиби Кивенс.

Должен был быть. И это алиби могло не выдержать.

Бегущая по ветру не хотела больше полагаться на отца. Она вытолкала его из семейного особняка на Холме.

Барат Альгарда (который был во всех отношениях самым достойным подражания человеком, какого только можно встретить) внушил дочери настолько сильное чувство неуверенности в себе, что она считала: ее единственное по-настоящему ценное качество – это способность быть чьей-то игрушкой для секса.

Об этом я и думал, когда она сказала:

– Я – одна из десяти самых могущественных колдуний Танфера.

Но маленькая девочка внутри ее не измеряла свою ценность подобным образом.

– Здесь я это сознаю! – С этими словами она ударила себя ладонью по голове.

– Итак, вопрос в следующем: кто пугает Руперта больше, чем ты? – спросил я.

Это вызвало удивительно девчоночью улыбку.

– Ну да. Но тебе нужно помнить, что Руперт все равно останется независимым человеком. Даже если кто-то хочет, чтобы он наложил в штаны. Он смахивает на тебя в этом отношении.

До меня донеслось слабое, очень слабое веселье.

Бегущая по ветру продолжила болтать:

– Он без слов дал мне понять, что надеется: я буду помещивать в котле. Он намекнул, что на задворках есть люди, которые вряд ли отступят из-за того, что власти не хотят, чтобы кто-то разнюхивал.

Это было похоже на Руперта. Он будет следовать своим правилам, но не заметит неповиновения. Поощрение там и сям может подтолкнуть к большему неповиновению.

– Мне надо идти, – сказала Бегущая по ветру. – Я не могу позволить себе отвлекаться.

Она спорхнула с моей кровати и двинулась к окну медленней, чем могла бы. Было нетрудно понять: женщина желает, чтобы я ее остановил. Насколько я мог судить, она без труда улавливала, что именно так я и хочу поступить.

Этого не случилось. Если такому и суждено произойти, сейчас не время.

Бегущая по ветру выбралась из окна. Неуклюже и тоже медленней, чем могла бы. Но она стала божественно грациозной, едва начав свой путь в лунном свете.

— Есть в тебе что-то такое, — сказала она. — Когда твои отношения с рыжеволосой рухнут, я приду за тобой. Ты будешь изумлен. О нас заговорит весь город. Наша свадьба будет свадьбой года.

Я сглотнул и разинул рот, а она упорхнула, не оставив ни малейшего сомнения, что каждое ее слово было продуманным. Люди с Холма очень серьезны, когда делают декларативное заявление. Даже застенчивый, не приспособленный к жизни в обществе человек с Холма.

Это вызвало у меня смешанные чувства.

Я откинулся на подушку, уверенный, что всю оставшуюся жизнь не смогу заснуть.

45

У меня есть таланты. Есть навыки. Когда в голове слишком бурлят предположения, я пристаю к живущему (так сказать) в моем доме логхиру, который вмешивается и затыкает меня.

Я проспал почти до полудня, и Синдж пришла меня будить. Проснулся я в хорошем настроении.

— Если бы за это нас обоих не сожгли на костре, я бы...

Мой язык одеревенел. У меня свело челюсти. Старые Ко-

сти никогда еще не прикасался ко мне подобным образом.

То, что ему что-то было нужно, – не оправдание!

Лица крысюков не приспособлены хмуриться. Но Синдж могла прищуриться и спросить: «Что?» – самым озадаченным тоном.

– Синдж, я собирался отпустить очень скверную шутку, которая вышла бы за рамки приличия. Извини. Меня слишком долго тут не было.

Она была смышленной, но этого не поняла. И слава богу. Или богам. А может, старому Покойнику на первом этаже, который спас меня от дурного привкуса во рту.

Что ж, Синдж стала взрослой девушкой и больше не лелеяла подростковых фантазий о том, чтобы мы превратились в любовников. Она была чудесной, идеальной деловой стороной моего бизнеса. Но ее обуревали эмоции. Она могла бы глубоко обидеться, если бы ей показалось, что я потешаюсь над ней.

«К тому времени как тебе стукнет двести, мы превратим тебя в зрелого, чуткого, восприимчивого взрослого человека, который сперва думает, а потом говорит... Ох, голубчик!»

«Ох, голубчик»? Что это вообще значит?

Пока происходил мысленный диалог, я с трудом выбрался из постели. Моя любимая деловая партнерша, чьи чувства я только что так смело принял в расчет, вынюхивала кругом с нарастающим возбуждением.

– У тебя минувшей ночью была женщина!

В ее голосе слышались сердитые нотки.

Но несколько раз агрессивно втянув носом воздух возле кровати, она расслабилась.

Может, Покойник ввел ее в курс дела. Или она выяснила все благодаря своему носу мутанта. Гаррет поборол искушение.

«Ох, голубчик, у нас скоро будут неожиданные гости. И тебе нужно быть здесь, чтобы помочь справиться с ними».

В моей голове возник образ банды сердитых Детей Света. Они стояли на улице, напоминая большую черную кляксу.

– Тоже мне важность! Не обращай на них внимания.

«Я бы предпочел так не поступать. Эти старики могут причинить неприятности посерьезней, чем большинство людей, которые угрожают бедами и увечьями».

Само собой, Покойник ничего не объяснил.

При помощи Синдж я сделал себя презентабельным и был готов прежде, чем раздались удары в дверь. В глазок я увидел множество черных одежд и предоставил этому люду кипеть, пока наш Покойник не решил, что они готовы.

Моим первым впечатлением было: «Ух ты! Стоит послать Синдж за капитаном Роджером».

Половина явившихся людей собиралась испустить дух еще до заката. Их средний возраст, должно быть, исчислялся в трехзначных цифрах. Самый младший выглядел так, будто начал мечтать о добрых старых временах тогда, когда По-

койник был еще молокососом.

Четверо уже добрались до моего крыльца.

– Приветик, отцы. Чем могу помочь?

Как они выживут, взбираясь на крыльцо?

– Если вы собираете пожертвования для вашей церкви, должен сказать, что мы ортодоксы.

Прирожденные. Я не был на церковной службе целую вечность.

– Ты держишь здесь в заточении брата Хотто Пеппера. Мы пришли забрать его.

Покойник передал: «Втащи уродливого в дом и закрой дверь. Запрись, а потом приведи его сюда».

Как превосходно! У нас был план. Все, что мне оставалось сделать, – это выбрать победителя.

У Старых Костей не было никакого терпения. Над головой одного из стариков появился нимб.

Я схватил этого долгожителя, потянул за собой, захлопнул дверь, заперся. Точнее, Синдж справилась с запором, пока я придерживал закрытую дверь.

Наша жертва подавленно заковыляла в комнату для пирушек. Дети Света на улице становились все более энергичными в своих угрозах. Покойник не проявлял на этот счет никакой тревоги.

– Я сейчас тебе нужен? – спросил я.

«Не сию минуту».

Я двинулся на кухню. Хотелось есть.

Но мне не дали как следует насытиться.

«Теперь можно позволить нашим посетителям уйти».

Я оттолкнулся от стола и отправился выполнять свой долг.

– Ты уверен?

«Больше я ничего не могу из них извлечь».

Два старикана в черном и отравитель Колда – пардон, аптекарь Колда – ждали меня у дверей Покойника.

«Колда оставит нас ненадолго. Он соберет некоторые специфические лекарства, чтобы помочь Плеймету. Пожалуйста, позаботься о том, чтобы брат Хото покинул помещение. Он не очень хочет воссоединяться со своими. Бойтся, что они могут задать ему некоторые вопросы, которые задал я, – но с применением орудий».

Я ожидал, что толпа поднимет бучу, когда выпускал их собратьев. Этого не произошло. Покойник или приручил их, или сбил с толку. И они уже утомились, соскабливая краску с двери.

Заперев дверь, я вернулся, чтобы заново познакомиться с завтраком.

Проходя мимо своего бывшего кабинета, я заметил, что единственный, кто составляет компанию Морли, – это Доллар Дэн.

Заботившиеся о Морли сиделки из крысиного народца пришли и ушли. Все стражи, кроме Дэна, покинули дом вместе с ними.

«Сейчас они нам не нужны, когда тут больше нет посто-

ронних. Мистер Доллар может уйти, как только поест».

Я закончил долгий переход и вовремя атаковал гору ле-
пешек. Дин нечасто их готовил. Он был в хорошем настрое-
нии, и я об этом упомянул.

– Может, из-за вчерашнего волнующего столпотворения.
Оно застало меня врасплох.

Я искоса посмотрел на него.

Дин не отрекся от своего заявления.

46

Я закрыл дверь за Долларом Дэном. Позже он вернется,
чтобы посидеть с Морли, пока я буду дремать наверху.

– Уж лучше бы ты храпел, – сказала Синдж, вспомнив о
запахе женщины.

Ей не нравилась Поток яростного света. Я не был уверен,
что знаю причину. Я не мог до конца выяснить ни как Синдж
решает, кто ей нравится, а кто нет, ни почему она вдруг ме-
няет свое мнение. Она мыслила не так, как я. Я уверен, что
ее отношение к Бегущей по ветру было как-то связано с обо-
нянием.

Я устроился рядом с Морли с кружкой чая в руке. Покой-
ник сообщил, что именно выяснил у наших визитеров, вклю-
чая лакомые кусочки, которые выдал брат Хотю. Интересным
был тот факт, что Торнада и Прилипала разошлись в основ-
ном по ее инициативе. Она не справилась с его успехом.

«Мы не знаем, что угрожает городу, но знаем, кого отстранили от расследования этой угрозы. У нас теперь есть глаза, которые наблюдают, и уши, которые слушают. Мы знаем, что вернем мистера Дотса. В придачу мы задействовали то, что даст шанс спасти Плеймета от поглощающего его природного монстра».

Хорошие новости.

– Ты узнал что-нибудь от Бегущей по ветру?

Легкое веселье – предположительно, смеялись надо мной.

«Эта женщина – самая бесхитростная, самая пустоголовая из всех одаренных людей, каких я когда-либо видел. Она способна полностью сосредоточиться лишь на определенном моменте. Ты мог бы влипнуть и покруче».

– Извини?

«В практическом отношении. Она бы пустила в ход весь свой феерический арсенал – и даже больше того, – и твоя мисс Тейт не устроила бы по этому поводу драматических сцен».

– Э-э...

«Мисс Альгарда готова даровать кому-то свою привязанность. Привязанность будет неограниченной и абсолютной. Тебя она считает идеальным кандидатом. Хотя она обладает огромной и грозной силой и гениальна в своей области, ее эмоциональный мир проще мира Дила Шустера».

– Это жутко.

«Так и есть. Она не улавливает оттенков и полутонов».

Ответ на вопрос: «Почему именно я?» – мог таиться в том, что Покойник уже сообщил.

Бегущая по ветру принадлежала к другой разновидности социопаток, ей не требовалось время, чтобы в чем-нибудь разобраться. «Это есть» – «этого нет», и ничего в промежутке.

– Ей ведь хватит ума не давить на меня?

«Ты, возможно, прав, расценивая ее как особого рода социопатку. Она достаточно умна, чтобы демонстрировать поведение, которое видела во время ухаживаний. Но она не обрадуется, если ее введут в заблуждение, если с ней плохо обойдутся, ранят ее чувства или будут ее шантажировать».

– Да, я понял твою мысль.

«Хорошо. Ты стоишь перед большой ответственностью».

У меня было тревожное предчувствие, что я знаю, о чем он ведет речь.

Первый закон Дотса. Никогда не связывайся с женщиной еще более сумасшедшей, чем ты сам.

Справедливость этого закона я наблюдал, когда он нарушался.

Поток яростного света была такова: «Тронул – покупай».

Но я не верил, что она сумасшедшая. Не в том смысле, в каком обычно бывают сумасшедшими любовницы.

Да, ее разум наверняка работал иначе, чем мой. Она выросла защищенной от реальной жизни. Теперь она справлялась с этой жизнью, потому что нечасто бывала в обществе.

А когда бывала, так странно обращалась с людьми, которых боялась, что они и помыслить не могли встать на ее пути.

Ее эмоциональная сфера была уникальной, но другой она не знала.

Часть меня находила ее чертовски интригующей. Эта часть выискивала лазейки в законе Дотса.

Но другая часть устала ссориться с Тинни.

– Что думаешь, Старые Кости?

«Я думаю, что все это не мое дело. Я думаю, ты уже взрослый и я не должен ни во что вмешиваться – если только ты не начнешь давать волю языку, не заботясь о последствиях, как с Синдж этим утром».

Я был ошеломлен. Делая это тщательно нейтральное заявление, Покойник дал мне понять то, что наверняка не входило в его намерения. Он сомневался в Тинни. После стольких лет!

А я ожидал, что он одобрит рыжую и отвергнет Бегущую по ветру. Я не относился к ее классу, она вышла совершенно из другой драмы. (Я не относился и к классу Тинни тоже, но тут действовало другое определение слова «класс».)

Может, Покойник тоже устал от драм.

И все-таки я тщательно воскресил в памяти все, что он «говорил» с тех пор, как навесил на Поток яростного света ярлык пустоголовой одаренности. У меня сложилось странное впечатление, что он предпочитает Бегущую по ветру, но из осторожности этого не говорит.

Я бродил по собственному царству драм, гадая, что такого есть в красивой, но странной колдунье, что делает ее подходящей для меня парой.

Морли попытался что-то сказать.

47

Морли проснулся.

Его веки были приподняты и трепетали. Он хотел что-то сказать.

Я и сам бывал в подобном положении, поэтому отрапортовал:

– Ты в моем доме на Макунадо-стрит. За тобой присматривают наряду со мной Синдж, Покойник, Белинда, Джон Растяжка, Гвардия и проклятая богами Бегущая по ветру, которая Поток яростного света. Кто-то очень хотел тебя прихлопнуть, дружище. О! И ты был без сознания больше недели. А еще тебя пытались отравить.

Насколько я помню, это, как ни странно, помогло. Его раны порядком зажили, пока он был без сознания.

Морли попытался сесть. Не получилось. Раны еще не затянулись. Он их чувствовал. И у него не осталось сил.

– Воды!

Это было первое слово, которое я понял.

В комнате очутился Дин – не только с водой, но и с теплым куриным бульоном. Синдж отстала от него всего на од-

но мгновение. Она помогла приподнять Морли так, чтобы Дин мог влить в него воду и жидкую еду.

После того как стресс пошел на спад и бульон возымел действие, Морли прохрипел:

– Расскажи мне.

– Будет легче, если Покойник...

– Ты.

Я рассказал свою часть истории и то, что должно было быть правдой, с той точностью, с какой обычно докладывал Покойнику.

Морли не очень допытывался, кто его пырнул. Он напряженно интересовался всеми «кто» и «что случилось» после того, как его уложили. Синдж и я добавили то, что мы слышали из ненадежных источников.

Выложив все, я захотел удовлетворить собственное любопытство.

– Что ты делал в той части города? Не то чтобы ты не имел права пойти туда, куда тебе, к дьяволу, заблагорассудится. Но если только за последнее время основы не изменились, ты не имеешь к тем жителям большого отношения.

Иногда мне кажется, что Морли смущает его этническое происхождение.

Пока он был не в состоянии серьезно разговаривать. Он недоверчиво посмотрел на меня, и его красивое лицо в отчаянии исказилось.

– Я не помню!

И мгновение спустя:

– Он не смог это откопать?

– Нет. Он не распознал нужного факта, потому что факт этот ни с чем не связан.

Такова была моя теория.

Морли впутался во что-то совершенно иное, когда ненадолго напоролся на нечто смертельно опасное.

Дотс нахмурился. Я понял, что он хочет получить объяснения.

– Сарж думает, ты очутился там, откупаясь от своей фамильной невесты.

У Морли был озадаченный вид, но я не чувствовал, что за этим скрываются истинные эмоции. Я не стал его третировать.

Старые Кости может после рассказать мне то, чего я не знаю.

Вместо этого я спросил:

– Чем ты оправдаешь то, что Белинда Контагью нарушает первый закон Дотса?

– Есть двенадцать разновидностей безумия, Гаррет. Худшее из них – романтическое влечение.

Первая полная фраза Морли и, вероятно, одна из самых правдивых, какие он когда-либо говорил.

«Я не узнал ничего сверх того, что узнал, пока мистер Дотс был без сознания. В его голове ничего больше нет. Не исключена и частичная потеря памяти из-за сотрясения или

лекарства».

– Жаль.

«Воистину. Все, что в нашей власти, – это защищать его до тех пор, пока он не сможет защищаться сам».

– Он захочет пуститься в погоню еще до того, как будет физически готов.

«Если он склонен будет это сделать, я уверен: он заснет по дороге к двери».

Я рассмеялся.

Морли сердито насупился.

– Не беспокойся, – объяснил я. – Мы просто планируем твоё будущее. Поблагодаришь позже.

Ему было слишком больно, чтобы резвиться.

– Мы с Покойником позаботились о кое-каких глупостях, – сказал я. – Что ты намерен делать?

– Собираюсь снова уснуть.

И он уснул – ни с того ни с сего. И это было лучшее, что он мог сделать, поскольку его напичкали высокоэффективным куриным бульоном.

Вскоре он получит настоящий куриный суп с лапшой и кусочками мяса.

Покойник предложил мне на время забыть о мистере Дотсе. Я должен был расслабиться в обществе Синдж, которая могла мне помочь снова начать действовать на всю катушку.

Это заставило меня почувствовать себя так, будто меня

сместили с должности руководителя.

Однако, если бы я хотел остаться с Морли, варианты были.

Старые Кости был не прочь держать меня в неведении, но Синдж должна была знать все, потому что управляла процессом и распоряжалась деньгами.

Она выразила соболезнования моим проблемам с рыжухой.

– Спрячь свою гордость и сходи поговори с ней. Морли будет в безопасности.

Я хмыкал и бормотал, но у меня плохо получается юлить и находить благовидные предлоги увильнуть от того, что может пойти наперекосяк.

– Всеблагое боги, Гаррет! Ты что, тринадцатилетний единственный ребенок? Иди поговори с ней. Что самое страшное она может сделать?

Я рассказал Синдж, что было самым страшным.

– Спусти столько времени, имея столько опыта, воспитания и эмоций, которые она вложила в тебя?

– Да, после всего этого. Она превратилась в расчетливую эгоистку.

– Как такое могло произойти? Кто внушил ей мысль, что, если Тинни чего-то хочет, Тинни этого заслуживает и получает это? Гаррет, ты первоклассный тупица. Тинни присутствует в твоей жизни с тех пор, как моя мать была детенышем. Несколько раз Тинни приходила и уходила, но всегда возвращалась после того, как исчезала та, что тебя у нее от-

бывала.

Это было грубо, но, по сути, основано на фактах. В отношении нас обоих. У Тинни было несколько поклонников. У меня... Майя, Элеонора, даже Белинда.

Я нахмурился, надеясь, что дружки Тинни не сблизились с ней так тесно, как я – с некоторыми из упомянутых леди. Майя была полна решимости выйти за меня замуж. Но не смогла заставить меня долго стоять по стойке смирно. Она переключилась на куда более перспективное дело. А я впал в слабоумие, воспылав чувствами к Элеоноре, несмотря на то что ее убили задолго до того, как я с ней познакомился. Ее призрак и ее воспоминания долгое время были важной частью моей жизни.

– Тебе нужно оставить позади прошлогодний багаж, – сказала Синдж. – Вернуться к Тинни, такой, какой она была в роли твоего особенного лучшего друга, но при этом еще и девушкой.

Я гадал – не получает ли она наставления с другого конца прихожей.

– Хорошее дело, Синдж. Над этим стоит подумать.

Она приосанилась.

– А что ты думаешь о Бегущей по ветру?

– О ком?

– О Потоке яростного света.

– О колдунье, которая ошивалась рядом, когда я шла по следу до склада, где были те ужасные штуки? О женщине,

побывавшей прошлой ночью в твоей комнате?

– Да, о ней.

– А что с ней такое?

Негустая шерстка на загривке Синдж встала дыбом.

– Ты помнишь ее по делу с призраками и гигантскими жуками? – спросил я.

Несколько секунд молчания.

– Хорошо. Та самая женщина?

– Синдж.

– А что с ней такое?

– Синдж, меня интересует твое мнение об этой женщине, основанное на ваших с ней контактах, взаимодействии и на твоём волшебном чутье.

– У меня нет мнения. Откуда ему взяться? Наши с ней контакты не длились так долго, чтобы у меня сложилось мнение. Мы сталкивались друг с другом не больше часа. Все, что я скажу, будет чисто умозрительным. Итак. Почему мое мнение столь важно?

Этот вопрос, по сути, был пустой похвалой. О чем я скромно умолчал.

– Потому что она для меня важна. Потому что ты для меня важна. Она меня невероятно привлекает и физически, и интеллектуально. И она говорит, что собирается за меня замуж.

Бегущая по ветру и правда же так сказала? Или мне это приснилось? Не важно. Теперь шила в мешке не утаишь.

Синдж несколько минут молчала, хотя из нее водопадом лились вопросительные фразы, когда она обсуждала этот поворот событий с нашим покойным другом.

Ее удивило положительное отношение Покойника к Бегущей по ветру и спад его энтузиазма касательно Тинни.

Должен сказать, что, несмотря на его предупреждения, я его не понимал. Он не дал никаких объяснений.

Следовало подумать об этом. Умозаключения должны были базироваться не только на том, что знал я о Тинни и о Бегущей по ветру – чье настоящее имя было мне неизвестно, – но также и на том, что знал Покойник, но не открыл мне.

Надо было навестить Тинни. Старые Кости уже целую вечность не вламывался в ее мозги.

– Мне начинать бояться? – спросил я в пространство.

И не получил ответа. Разумеется.

Потом я отвлекся на ужин и возвращение Колды. После этого нужно было присмотреть за крысочихами, которые пришли вымыть Морли. Они были изумлены и развеселились при виде галантного салюта, который получили, меняя ему подгузник. Да, Морли явно возвращался.

На смену сиделкам явилась пара вооруженных крысочков. Вместе с ними пришел брат Синдж. Мы устроились в ее кабинете и выпили пива.

Джон Растяжка сам по себе стал интересной личностью. Я гадал: сколько еще гениев породила его мать?

Так я ухлопал массу времени, размышляя о непродуктив-

Смятение.

Много пива было поглощено за беседой с Синдж и Джоном Растяжкой. Потом подвернулась кровать, и я подумал, что все совсем как в старые добрые времена.

Вся эта суматоха из-за отношений была глупейшими хлопотами, не выдерживавшими важности реального мира.

Синдж угрозами вынудила меня подтвердить мою преданность Тинни. Она была не в восторге от того, что Поток яростного света станет ее мачехой.

Что ж, у Бегущей по ветру, возможно, и были свои выверты. А у кого их нет? Проблема заключалась в том, что она избавилась от контроля отца.

Насколько я заметил, Альгарда, странные и хранившие темные секреты, все равно оставались заботливыми, добрыми людьми по отношению к другим.

Такова была неразбериха моих мыслей, когда я задремал, и близко не примирившись с рыжулей, как на то надеялась Синдж. Окно я оставил приоткрытым. Я твердил себе, что сделал так потому, что мне нужно, чтобы ночной воздух охладил комнату.

В комнату проник не только воздух. И это никак не способствовало охлаждению.

Поток яростного света играла честнее, чем большинство женщин. Она знала, что могла бы превратить меня в сделанную из носка марионетку, стоило ей только потрепетать ресницами, тяжело подышать и ринуться в обольщающий диалог. Женщины начинают понимать такое к тому времени, как им исполняется десять. Некоторые просто не учатся полагаться на свои инстинкты.

Желанной женщине, которая застаёт мужчину в постели среди ночи, не надо особо трудиться, чтобы добиться своего.

Бегущая по ветру была нежной, чуткой и заботилась о том, чтобы не злоупотреблять своими преимуществами. Она могла бы сделать ситуацию более целомудренной, лишь отойдя в сторону и прикасаясь ко мне десятифутовым шестом.

Однако стоило мне окончательно проснуться, как я взял себя в руки. Вступило в силу природное обаяние Гаррета и позаботилось о том, чтобы Бегущая по ветру нашла меня совершенно неаппетитным.

Ранее я отдал дань большому количеству пива. Теперь оно жаждало свободы. Мне следовало решить: слегка попасть в неловкое положение или по уши угодить в затруднительную ситуацию.

Я предпочел ночной горшок тому, чтобы обмочиться.

Такое поведение несообразно в гостиных аристократии, но не совсем бестактно и неприемлемо в моей спальне. Процесс избавления от отходов – естественный и необходимый.

Я был вежлив, шагнул в уголок и повернулся лицом к стене.

Не важно. Меня разбудила Бегущая по ветру. Я сделал то, что должен был. Любые романтические порывы, которые она порождала, следовало держать в узде. И все же она была на редкость неземной сильфидой. Она могла быть собой, если ей не мешать.

Я смотрел на нее, полный решимости спросить, почему она здесь. Но вместо этого запутался в фантазиях – гадая, не принять ли ванну, – когда она издала девчоночий визг и крепко саданула кулаком по подоконнику.

Ей пришлось совершить прыжок, чтобы это сделать; и когда я говорю «крепко», я имею в виду, что от удара затрясся дом. Деревянная рама окна застонала.

С улицы донеслось негромкое проклятие. Я не почувствовал ничего, что говорило бы, что Покойник знает: начались какие-то опасные события.

Этой ночью из-за Бегущей по ветру не полыхнула молния. Пока. Только свеча загорелась. Ее тусклого света едва хватило, чтобы мы увидели шарящую вслепую руку, похожую на ту, что пыталась проникнуть в окно заведения «Огонь и лед».

Я присоединился к Бегущей по ветру, которая вознамерилась покарать прониру. Снаружи доносились безрадостные звуки. Я швырял яростные мысленные призывы туда, где находился Покойник. Захлопнул окно.

От свечи Поток яростного света зажгла лампы и приложи-

ла горящий фитиль к зонду, ползущему через щель в окне. Это вызвало легкий переполох.

Внезапно, как взрыв, с улицы донесся ужасный, отчаянный вопль.

Рука обезумела, как змея со сломанным позвоночником. Моя подруга продолжала ее атаковать. Что-то по другую сторону руки решило, что ему в общем-то не нужно исследовать мою спальню.

Поток яростного света подпрыгнула и саданула по откидывающейся створке окна. Кусок неизвестно чего в два фута длиной и толщиной с ее запястье отделился от того, что лежало снаружи.

Это было просто замечательно! Определенно у этой женщины имелся потенциал.

У меня не нашлось слов. Я упал на край кровати, а Бегущая по ветру приземлилась ко мне на колени. Наши сердца сильно стучали. Мы не сводили глаз с отрубленного щупальца.

– Они снова нашли Морли, – прохрипел я.

Пронзительный вопль ярости и боли разорвал ночной воздух на улице. И он не прекращался, а лишь удалялся по Макунадо-стрит, не слишком быстро.

Бегущая по ветру не встала, чтобы посмотреть, что там такое, и у меня не хватило моральных сил поднять ее на ноги.

Покойник вошел со мной в контакт, но мысли его не имели формы. У меня создалось впечатление, что, будь он жи-

вым существом, его бы сейчас выворачивало наизнанку.

Его плачевное положение отвлекло меня от моей дилеммы, хотя Бегущая по ветру откинулась назад и устроилась поудобнее.

Старым Костям потребовалось время, чтобы взять себя в руки. Когда он это сделал, я ощутил его как совершенно другое существо. Логхир прикоснулся к темноте, которую даже он не мог вообразить себе всего несколько дней назад.

Он был на несколько веков старше меня. То, что могло показаться ему ужасным, пугало меня до потери штанов. Осмелюсь ли я остаться без портков в присутствии Потока яростного света?

«Если сейчас на тебе нет брюк, Гаррет, надень. Ты должен провести перепись тех, кому положено наблюдать».

В самом деле?

– Что я должен сделать?

«Твои штаны. На тебе их нет. Убери Бегущую по ветру со своих коленей и оденься. Я хочу, чтобы вы оба вышли на улицу. Пусть женщина взлетит и последует за тварью, которая удрала по Макунадо-стрит. Монстр движется не очень быстро. Позволь Бегущей догнать его. Если она сможет контролировать это, пусть вернет».

У меня в уме роились вопросы, но сейчас было не до них. Следовало шевелиться. Время поджимало.

«Синдж соберет образцы».

– Ей лучше поторопиться. Тот образец, что к северу, на-

чал вонять и растекаться.

Бегущая по ветру, силой выдворенная с моих коленей, странно на меня посмотрела.

– Ты знаешь о моем партнере, – сказал я. – Из-за него ты носишь сетку Кивенс – чтобы он не мог пробраться в тайны твоей головы. Он хочет, чтобы я кое о чем тебя попросил.

Я быстро пересказал инструкции Покойника.

Она сразу поняла.

– Тогда мне пора отправляться. Вряд ли есть большие шансы, что я смогу контролировать тварь. У меня нет подобных навыков. Открой окно.

Едва я управился с этим делом, как в комнату ворвалась сердитая Синдж с ведром. Она стала еще более хмурой, глядя, как Бегущая по ветру улетает прочь.

Сам я за этим не наблюдал, потому что смотрел на крысодевушку.

Когда я показал на кусок плоти монстра, Синдж спросила:

– Почему эта женщина не носит нижнего белья?

– Проклятье! Я совершенно это пропустил!

К счастью для душевного равновесия Синдж, когда она ворвалась в комнату, на мне были штаны.

Я вышел через парадную дверь, как делают люди, не умеющие летать. Синдж меня вооружила, хотя моя утяжеленная

свинцом дубинка была единственным орудием, способным причинить увечья. Я чувствовал себя менее уверенно, чем следовало бы, остро сознавая, что давно уже не занимался такими делами. Мои навыки и инстинкты притупились.

Покойник вложил в мою голову маршрут.

«Как только найду время поразмыслить, мне следует о многом тебе рассказать. Эти твари не должны были подбаться близко и так легко отпихнуть меня в сторону. Хотя, возможно, и к лучшему, что они так сделали. Трудно вообразить, чтобы даже в разуме главного вампира было больше грязи».

Наблюдать за моим домом были посланы пять человек, представляющих самые разные интересы. Без сомнения, все они друг друга знали. Возможно, объединили ресурсы.

Старые Кости хотел, чтобы я сделал переключку присутствующих. Люди, выполнявшие подобное задание у «Огня и льда», попали в беду.

Вот уж не хотел бы я заниматься такой работенкой. Из чего следовало: возможно, я действительно миновал черту, за которой должен был выполнять желания Тинни и не делать того, чего она не хотела.

Если я больше не в состоянии справляться со всякой гадостью, я должен стать кастрированным охранником у дверей... Кем и видел себя перед тем, как на нас все это навалилось.

Среди гвардейцев, друзей Белинды, ребят из компании

Морли и одного олуха из Детей Света я разыскал пятерых из шести человек, которые, как заявил Старые Кости, наблюдали за домом. Парни Джона Растяжки схватили еще одного.

Первым был краснофуражечник по другую сторону улицы. Он был не ранен, но его память оказалась пуста. Эта история повторялась снова и снова. Последний человек, жестяная свистулька на ступенях дома миссис Кардонлос, был в сознании и совершенно сбит с толку.

У дверей соседнего дома я нашел мертвеца. Никто его не знал. Наверное, невезучий бездомный парень, который решил, что нашел подходящее место провести ночь на улице.

Я приблизился к дому миссис Кардонлос, наблюдая за окном. Мадам притворилась, что я нарушил ее покой, атаковав дверь. Годы были к ней немилосердны, а она неблагоразумно к этому отнеслась. В итоге превратилась в мечту торговцев косметикой, в кошмар молодых людей и предмет насмешек привлекательных молодых женщин. Я повидал уже столько подобных ей, что подозревал: в определенном возрасте женщин поражает такая болезнь.

Слишком ярко окрашенные волосы. Макияж, наложенный мастерком. Духи густые, как болотные миазмы. И готовая жеманная улыбка для любого мужчины, достаточно молодого, чтобы помнить, каково это – стоять не горбясь.

Мне она не улыбалась, ибо узнала меня.

– Началось, да?

– Простите? Что началось?

– Каюк спокойствию.

Она обнародовала это предзнаменование так, как будто объявляла о сумерках богов.

– Здесь не было никаких проблем с тех пор, как вы последовали за своей проституткой на Холм.

Она не имела права так говорить. Моя проститутка была леди. И не имела ничего общего с Холмом.

– Я вернулся. Вы должны подать прошение директору, чтобы он снова взял вас на полный рабочий день. А пока ему нужно знать, что произошло ночью. Все его люди были ранены. Один человек погиб. Он припомнит, что случилось на Северной стороне.

Миссис Кардонлос начала хватать ртом воздух. Ей хотелось свалить на меня вину за случившееся, но она не знала, как это сделать.

– Вон тот человек потерял слух, – заметил я.

Леди-ветеран снова глотнула воздуха.

– Опять бедлам!

– Пошлите весточку в Аль-Хар. Я буду собирать пострадавших и постараюсь им помочь.

Эту дополнительную информацию она сможет внести в свой рапорт, чтобы вызвать скорейший отклик.

Шустер захочет, чтобы его люди как можно меньше выставлялись на обозрение Покойника.

Бегущая по ветру вернулась раньше, чем появилась Гвардия. Была угрюмой и необщительной. Я не стал попусту ее расспрашивать. Покойник вытащит из нее все интересное.

– Поможешь раненым? – предложил я.

Я притащил троих в одно место. А вот удержать их там было проблематично. Они порывались разбрестись.

Синдж отправилась за братом. Пришла назад с полудюжиной крысюков, которые собрали остальных пострадавших и пререкались с теми, кого я согнал в кучку. Она нервничала, хотела идти по следу твари, затеявшей заварушку. Но сдерживалась перед Бегущей по ветру благодаря добрым увещаниям Покойника.

Поток яростного света механически, без особого энтузиазма помогала раненым. Она, должно быть, нашла то, чего боялась найти, последовав за невесть чем до самого логова.

В моменты, когда Синдж не заменяла брата на месте событий, она сердито тарасилась на Бегущую по ветру и бросала на меня взгляды, повторяя:

– Когда начнем действовать? След остывает!

– Сомневаюсь, что мы начнем действовать, – ответил я.

– Почему?

– По трем причинам. Нам это запрещено. Моя миссия – защищать Морли. И Умник уже знает, что нужно.

Она поняла. Но все равно издавала шипящие звуки, выражая несогласие.

Бегущая по ветру обладала лишь основными навыками целительства и быстро их исчерпала. Однако стабилизировала состояние всех раненых. Больше никто не умер, только человек, которого я нашел мертвым, так и остался мертвецом.

Человека, явившегося от Гвардии, звали Роклин Синк. До этого мы не были знакомы. Он был благоразумным и рассудительным и не считал автоматически, что все, кроме него, преступники и тому подобное. Он не обращался с людьми так, будто их уже признали виновными в тягчайшей государственной измене, приправленной чесночным маринадом.

Когда он появился, начиналась ночная вахта, и за нами наблюдало меньше народу, чем можно было предположить. Вероятно, люди больше не вылезали из постели, чтобы развлечь себя несчастьями других.

Возможно, поведение Синка объяснялось поздним часом и малой аудиторией. Может, просто не стоило трудов изображать из себя крутого парня.

И все-таки каждый искренне верующий в проницательность Шустера должен был начать с предпосылки, что любой, не являющийся Дилом Шустером или одним из его спецов, скорее всего, агент хаоса и предвестник надвигающейся тьмы. Расследования строились на подобном фундамен-

те, их назначением было найти или создать поддержку для исходных предположений.

Синк был из тех, кто дружит с тобой, пока ты не вручишь им конец веревки, на которой они тебя вздернут.

Беседуя с ним, я удерживал его возле дома.

Старые Кости вскоре дал мне знать, почему послали именно этого человека.

«Это первое дело мистера Синка. Его обязанности в Аль-Харе включают в себя платежную бухгалтерию и управление кадрами. Его задание на эту ночь состоит в том, чтобы выяснить у нас как можно больше, не выдавая, как Гвардия относится к этому делу».

Что означало: Гвардия относилась к делу так, что не хотела выдавать своего отношения.

– Мне все равно. Я заинтересован лишь в том, чтобы позаботиться о моем друге, пока он не будет готов выйти на дикие просторы.

К тому времени гвардейцев здесь стало подавляющее большинство. Крысюков было слишком мало. Бегущая по ветру вошла в дом, чтобы ее не узнали. Я остался на улице с Синдж и снующими повсюду краснофуражечниками.

Во мне крепло подозрение, что заварушка никого не интересует – просто потому, что неизвестное сообщество настаивает на том, чтобы внимание отвлекли на что-нибудь другое. Сообщество, а не частное лицо.

Я был любезным хозяином. Повторял свою историю снова

и снова. Синк твердил, что ему нужен фрагмент щупальца. Я поспешил в дом и принес его. Оно уже испортилось. В ведре плескался ядовитый коричневый супчик с кусками быстро тающего мяса. Пахло несвежими морепродуктами.

Мне было все равно. Этого я и ожидал. Хотелось вернуться к себе и выяснить, что отвлекло Бегущую по ветру.

Роклин Синк знал о друзьях и семье Гаррета больше, чем сам Гаррет.

Я начал распекать его за то, что он погрузил всех часовых, с которыми расправились, в повозки из Аль-Хара.

– Мы можем одолжить вашего следопыта? – перебил он меня.

Синдж была близко и услышала это.

– У меня его нет. Но одна из моих коллег – умелый следопыт. Если хотите извлечь пользу из ее таланта, вы должны договориться лично с ней.

Роклину Синку это вовсе не понравилось.

Старые Кости заверил меня, что Синк – неплохой человек. У меня сложилось впечатление, что он примерно так же порядочен, как и остальные гвардейцы. Но он был определенно продуктом человеческой культуры Танфера. Он не считал крысюков людьми. Почти наверняка и представителей остальных рас не считал настоящими людьми.

Моральная подоплека движения за права человека уже устарела, но само движение не иссякло. И вполне могло быстро возродиться. Ему требовался только один уродливый

толчок.

– Обычно я не осмеливаюсь говорить ей, что делать, но буду настаивать на том, чтобы она получила свою плату вперед, потому что имеет дело с Гвардией.

– Сэр?

Я выбил его из колеи.

– Ваш коротышка-босс склонен ожидать, что люди обязаны помогать ему из чистого удовольствия участвовать в процессе. Тем, кто привык иметь пищу и кров, надлежит предусмотрительно сначала брать плату и только потом выполнять работу.

У Синка был откровенно ошеломленный вид.

– Вы не доверяете Гвардии?

– Когда речь идет о деньгах? Сверьтесь с собственным жизненным опытом.

Прошло несколько секунд.

– Все понятно, – сказал он. – К несчастью, я не имею полномочий вступать в какой-либо торг.

– Тогда работайте без меня, констебль, – сказала Синдж и направилась к дому.

Где она откопала обращение «констебль»? Может, выдумала.

Я пожал плечами.

– Вы поняли, что к чему. Может, к утру от следа еще что-нибудь останется.

Синдж закрыла за собой дверь.

– Если отвлечься от темы, арестовывать людей Белинды Контагью наверняка невесело, – сказал я.

Синк втянул меня в короткие семантические дебаты, утверждая, что никто не был арестован.

– Вам будет нелегко втюхать эту лажу людям, чьих представителей вы отстраняете от расследования.

– Я не должен ничего втюхивать.

Хоть он и был спущенным с цепи бухгалтером, у него имелся полный запас самонадеянности гвардейцев. Он навешал мне на уши лапши на тему защиты свидетелей и насчет того, что о медицинской страховке особо важных свидетелей заботится государство.

– Мистер Синк, должен отдать вам должное. Вы необычайно одаренный человек в отношении привычного вранья всей системы и усовершенствовали обычные речи Шустера. Вы далеко пойдете. Пока не вступите в прямые деловые отношения с рассерженными людьми вроде Белинды Контагью.

И тут Синк доказал, что он законченный канцелярский придурок: он не встревожился, что может рассердить принцессу гангстеров.

«Оставь, Гаррет. Он хороший человек, который верит, что его добрые дела будут сами по себе его защищать. Я понимаю – ты считаешь, что должен присматривать за всеми. Но уничтожение этого человека в грядущей грозе может стать поучительным для всей Гвардии в целом».

– И в чем суть урока?

«В том, что праведность – не щит. Смерть за добрые дела может наступить быстрее, чем смерть за злые».

Чертовски субъективно, но об этом я не упомянул.

Я достиг того момента, когда мои надежды и амбиции крутились исключительно вокруг перспективы вернуться обратно в постель.

И все-таки кое-что нуждалось в моем внимании.

Я должен был посмотреть, как Морли пережил последние несколько часов. Оказалось, он просто подрых.

А еще я хотел узнать, почему Бегущая по ветру такая мрачная.

На этот счет у меня имелись подозрения.

Покойник сказал, что я ошибаюсь. Он не хотел прошлой ночью поднимать из-за этого шум.

Мне нужно было лечь спать. Впереди маячило трудное утро.

План поскорее придавить подушку пришлось ненадолго отложить, пока я убеждал Поток яростного света, что Синдж поступила правильно, разместив ее в гостевой комнате. Хотя ничего особенного не случилось бы, если бы ей разрешили угнездиться в тепле моей кровати.

Я был измучен и не в настроении. Нос Синдж доложил ей об этом. Однако с точки зрения домоправительницы следовало соблюдать правила приличия.

Пойдя на компромисс, я поцеловал Бегущую по ветру в

лоб, когда Синдж отвернулась.

Минуту спустя я в безопасности лежал под одеялом. Окно было закрыто и заперто на щеколду. Я приготовился задать храпака.

51

Покойник оказался идеальным предсказателем. Следующий день был кошмаром официальных посещений. Генерал Туп приходил и уходил. Приходила и уходила Белинда Контагью – по-матерински хлопотала над Морли, пока тот не принимался умолять ее уйти. Появился Дил Шустер собственной персоной в сопровождении Роклина Синка. Я уж думал, мы никогда не избавимся от Шустера, хотя на раннем этапе, как ни удивительно, он допустил, что я говорю правду.

Было трудно сохранять бесстрастное выражение лица. Под серебряный налобник Шустер надел шапочку из сетки, защищающей мысли. Его странные уши торчали сквозь прорези в шапочке. Непонятно. Раньше я никогда не видел его ушей. Они всегда прятались под волосами. Такой головной убор гарантировал, что мысли его защищены от вторжения извне. Покойник заверил меня, что директора обманули. Всего тридцать секунд – и Умник взломал защиту.

Об этом я Шустера не предупредил.

Вряд ли меня заботило, что спрятано в его голове.

Бегущая по ветру оставалась наверху, не показываясь на

глаза, но и без намерений уйти. Синдж стоически снабдила ее завтраком, затем ланчем.

Появился Сарж, и я присоединился к нему в комнате Морли. Разговаривать было особо не о чем. Сарж был сентиментален просто до слез.

Когда я там сидел, заглядывали разные люди с предварительными рапортами. Большинство из них тащились мимо комнаты и позволяли Старым Костям выуживать из их голов то, что ему требовалось, таким образом не выдавая никакой связи с нами.

Покойник прикоснулся ко мне:

«Мне нужно, чтобы ты поймал мистера Шустера. Он в квартале к востоку от дороги Чародея, инструктирует спеццов».

Я смылся, набитый под завязку поручениями и в восторге от того, что побегаю на свободе.

Но к тому времени как я нашел директора, я кашлял и задыхался. Он уже снял свой волшебный головной убор и выглядел обычным краснофуражечником. Пятеро таких приготовились на меня прыгнуть. Шустер их удержал. Не нужно было с этого начинать.

– Тебе, Гаррет, следует поработать над своей физической формой. Ты еще слишком молод, чтобы дышать со свистом после четверти мили бега рысцей.

– Старые Кости велел передать, что по соседству только что появились четыре новых наблюдателя и он не может

прочитать их мысли. Твоих парней и людей Организации он узнал и счел безвредными. Но эта компашка – совсем другое. Они пожаловали сразу после твоего ухода. Их может быть и больше – засечь нелегко.

Противное лицо Шустера засияло.

Он спросил меня, где искать. Я рассказал.

– Спасибо, Гаррет. Я возьму назад некоторые из самых грубых слов, которые произнес в твой адрес. Ступай домой. Войди внутрь. Запри дверь. Не впускай никого до заката.

– Что? Почему не впускать?

– Потому что эта тварь может вернуться, и, возможно, на ее стороне будет оборотень. А это гарантирует крайне опасное предприятие.

Он принялся отдавать распоряжения эскорту. Его люди начали поспешно расходиться.

Директор заметил, что я по-прежнему стою неподалеку, засунув в ухо большой палец.

– Гаррет! Какого дьявола ты еще здесь?

Я двинулся к дому. Дорога все время шла в гору. Подъем был некрутым, но и этого хватило, чтобы послужить горьким упреком моим дряблым мускулам.

Люди директора накинулись на первую жертву, когда я только поднимался по ступенькам крыльца. Процесс поимки сопровождался криками и угрозами. Пленник полагал, что не подлежит вниманию Гвардии. Шустер с этим не согласился. Конец дискуссии положило применение полицейских ду-

бинок.

Покойник был таким самодовольным, что я ощутил его гордость еще на улице.

Но, едва войдя в дом, я услышал: «Запри дверь на все запоры, а потом подойди к Дину и спроси насчет соли».

Это было странно.

– Хорошо.

В кухне я нашел недовольного старика, готовящего ужин для толпы вдвое больше обычного. На его плечах лежала еще и добавочная ноша – стряпать две особые трапезы для питания инвалида. Дин все это стерпел и не жаловался, поэтому я не стал напоминать ему, как легко он справился в общем и целом.

Думаю, ему больше по душе, когда нужно кашеварить только для Синдж.

– Соль, – сказал я.

– Да?

– У нас есть соль? Его Милость велел спросить у тебя насчет соли. Он должен был дать тебе знать. Морской дьявол! Как же вкусно пахнет.

На сковороде смачно шипело, и у меня потекли слюнки.

– У меня есть два фунта соли и еще щепотка. На прошлой неделе купил.

– И у меня есть соль, которую мне дали в заведении, где мы останавливались раньше.

Мне подумалось – я знаю, чего от меня хочет Старые Ко-

сти. И он подтолкнул меня в знак подтверждения.

52

Я ел. Главным блюдом были свиные отбивные для Дина и для меня. Синдж и Доллар Дэн Джастис, сидевшие этой ночью с Морли, получили колбаски и любимое блюдо крысочков – печеные яблоки. Я и сам прихватил немного яблок. Дин хорошо их готовил.

Для Морли и Плеймета был сварен куриный суп.

Я надеялся, что зять Плеймета не уничтожит его бизнес, пока тот не у дел.

Мы все забыли о Бегущей по ветру. Сначала. Потом Старые Кости меня подтолкнул.

Я поспешил наверх и дал ей знать, что пора спуститься. Посторонние ушли, и мы ужинаем. Внизу Синдж дала ей понять, что та вполне может уйти домой. Никто и не заметит, как она уходит. Я задался вопросом, не считает ли Синдж, что наблюдателей поразила слепота.

Усики Синдж подергивались, как обычно бывало, когда она раздражена, – вероятно, ей не нравилось то, что втолковывал Покойник.

Бегущая по ветру осталась рядом, то есть втиснулась в кухню со мной и Дином. Она приняла свое беззащитное обличье, чем немедленно покорила старика.

– Не думаю, что нравлюсь твоей коллеге, – сказала она

мне тихим голосом с придыханием.

– Моя коллега тебя боится.

– Почему?

– Она думает, что знает меня лучше любого другого, кроме меня самого. Опасается, что я влюблюсь до безумия, потеряю чувство меры, попаду в нехорошую историю или что-нибудь в этом роде и все для нас испорчу.

«Гаррет! Да в самом-то деле!»

Я не шутил. По сути, Синдж так и думала.

– Может, она ревнует.

– И это не исключено.

– А ты влюблен до безумия?

– Не совсем. Я увлечен и доблестно пытаюсь с этим бороться.

Она мило улыбнулась. Задумчиво.

– Не надо делать то, что ты делаешь, чтобы превратить каждого мужчину в поле твоего зрения в раба любви, – сказал я.

– Я буду сама деловитость. Вот увидишь. Ты вообще не узнаешь, что я – девушка.

Угу. Как же! А потом свиньи прилетят домой в курятник.

Для большинства мужчин и некоторых женщин в присутствии Бегущей по ветру невозможно было не обращать внимания на ее пол, даже когда она хотела, чтобы его не замечали.

Я подумал, не дать ли ей знать, что Покойник о ней хоро-

шего мнения, но не стал. Не нужно было напоминать ей о его существовании.

Дин налил свежего чая. Мы отхлебнули.

– Синдж права: сейчас подходящее время, чтобы ускользнуть незамеченной, – сказал я.

– Я не хочу ускользать.

– Прекрасно. Тогда ты можешь помочь с солью.

– С солью?

– С продуктом, который производит впечатление на некоторых улиток и слизняков. Слизняки и улитки не очень хорошо себя чувствуют, когда натыкаются на соль.

Поток яростного света была жертвой защищенного детства. Она понятия не имела, о чем это я вообще.

– Они тают, если их посолить, – объяснил я.

– Гадость!

Но спустя секунду ее лицо просветлело.

– Я помогу с солью.

– Хочешь поговорить?

– О чем?

– Почему ты была такой подавленной, после того как проследила до логова ту тварь. Но теперь ты больше не удручена.

– Вряд ли стоит это обсуждать.

Она искренне верила в металлическую сеточку на волосах, которую изобрела ее дочь.

«И сетка отчасти работает».

– Я поужинал. Дин, ты превзошел самого себя.

– Вообще-то нет. Просто раньше ты ел стряпню похуже.

Ой-ой! Он ведь не собирается тоже изменить отношение к Тинни? Дин всегда был ее горячим сторонником. Однако, если уж выкладывать начистоту, рыжую нельзя причислить к искусным поварам. При ее внешности у нее не было необходимости совершенствовать подобные навыки.

– Соль, – сказал я. – Пора ею заняться. Дин?

Бум! Передо мной шмякнулся матерчатый мешочек.

– Сбереги как можно больше.

– Я использую свою собственную, прежде чем сунуть в этот мешок. Обещаю.

53

С передней дверью все прошло легко.

Я ее открыл. Бегущая по ветру насыпала соль вдоль порога. Я осторожно закрыл дверь.

Нам придется обновлять соляную линию из-за входящих и уходящих. Но дверь должна остаться закрытой, когда Доллар Дэн поменяется с сиделками.

Потом мы позаботились о задней двери. Ею почти не пользовались. Как и фрамугой и одним запертым на задвижку окном, через которые днем проникал свет. Это было единственное окно на цокольном этаже. Остальные заложили кирпичами во времена расцвета беззакония.

Затем мы спустились в сырой подвал. Я – с лампой, Бе-

гущая по ветру – волоча мешок с солью. Ступеньки стонали под моим весом. Их требовалось поменять. Они начали гнить.

– Вот гадость, – сказал я.

– Только если ты не паук.

Она была права. Повсюду висела паутина и покрывала камни фундамента. На них осела сырость. Воздух был спертым. На ходу мы вздымали пыль, несмотря на влажность. Пол, то есть утоптанная земля, всего от одной чашки воды превратился бы в обычную жидкую грязь.

Наружная дверь была в худшем состоянии, нежели ступеньки.

– Не скупись тут, – сказал я. – Фу! Гадость! Не представляю, почему Синдж не велела все это вычистить и починить.

Просто она не думала о тех частях дома, в которые не заглядывала. Она разбиралась во внешнем виде и практичности, но не в текущем ремонте. Синдж не будет обращать внимание на подвал, пока не рухнет дом.

Как только мы вышли из-под земли, я сообщил об этом Бегущей по ветру.

Она оглядела меня, потянула носом и сказала:

– Определенно – Морли проснулся.

– Дай нам десять минут. Нам еще нужно обработать окна наверху. И мне необходимо снять с себя эту дрянь.

Я вернулся на кухню выпить чая. Бегущей по ветру там не было.

- Куда она пошла, Дин?
- Умыться, – показал он вверх.
- Внизу действительно отвратно.
- Эта мне нравится, мистер Гаррет.
- Что?

Я не обратил внимания на его слова, заметив вдруг соляную дорожку, проложенную вдоль края двери к подвалу.

– Эта женщина. Она мне очень нравится.

– Правда? А как же Тинни?

– И Тинни мне тоже очень нравится. Тинни забавная и вызывающая. Поскольку она была здесь всегда, никогда не возникало вопроса, лучшая ли она женщина, чтобы здесь быть. Но с этой, однако... я чувствую себя расслабленным и спокойным, несмотря на то что она собой представляет. Я не волнуюсь, что она начнет рывкать насчет того, в чем я не разбираюсь... Понимаете, о чем я?

Я понял. И все равно был ошарашен. Да, крепко сказано. Я не привык часто пользоваться этим словом. «Ошарашен». Корень означает, что кого-то сильно шарахнули.

Дин был горячим сторонником Тинни Тейт с того самого дня, как он в конце концов смирился с фактом, что никогда не сведет меня с одной из своих невзрачных племянниц.

Мне пора нервничать? Не теряя времени и без всяких очевидных усилий Поток яростного света завоевала и Дина, и Покойника. У Старых Костей ушла целая вечность, чтобы принять Тинни. Если Бегущая по ветру обольстила и Синдж,

я по уши влип.

– Дин, она замечательная. Как ты и сказал, с ней легко. Она как будто создана для этого дома. Но ты должен помнить, кто она и с какими людьми водит компанию. Я даже не знаю ее настоящего имени. Она все еще просто Бегущая по ветру, Поток яростного света.

– Это может быть неловко в смысле общения, если вы представляете людей друг другу, особенно в вашем кругу. Но это недолго будет проблемой.

– А?

Предупреждение: гигант мысли за работой!

Голосом застенчивой девочки Бегущая по ветру простибетала:

– Меня зовут Страфа. Страфа Альгарда.

Она придвинулась очень близко, налив себе чая. Слегка толкнула меня в бедро. Я был почти уверен, что она подслушала всю беседу.

Дин просиял почти ухарской ухмылкой.

Он никогда не поступал так при Тинни. Наоборот, неодобрительно хмурился, когда ему казалось, что мы, возможно, играем во взрослых.

Вот теперь я влип по уши, глубоко и несомненно. Я мчался верхом без поводьев и седла, галопом, прямо к одному из тех узких мест, которые ненавидит проезжать любой мужчина: к необходимости принимать решение.

Как я смогу выпутаться из всего этого так, чтобы никто

не получил увечья?

Покойник без удержу веселился. У него не было моего воображения. Он не мог представить будущее, где клан Тейтов выслеживает меня и привязывает к столбу, воткнутому в термитник. Или такого будущего, где одна из главных деятелей города, прославившегося злосердечием и жестокими колдунами, сводит счеты с человеком, который дурно с ней обошелся.

«Не закатывай истерик».

А я не мог на это ответить, потому что мы притворялись, что он не может прочесть мысли Бегущей... Мысли Страфы.

Хотел бы я сам попасть к ней в голову и оглядеться там. У меня были вопросы. Хихиканье Покойника не особенно помогало. А еще я хотел знать, что он вызнал у той твари на улице. Он уже давно должен был рассказать мне об этом, если только история не слишком страшна для такого юнца, как я. И раз уж меня пока не подпускали к этой информации, как насчет того, что он выудил у моего лучшего друга?

Словно по сигналу, брюзга Синдж просунулась в кухню.

– Ты сказал «десять минут» час назад, Гаррет. След остывает!

– Я говорил тебе миллион раз – не преувеличивай. Какое там «час назад»!

– И все равно я права. Ты игнорируешь самую важную задачу, пока ублажаешь себя флиртом.

Что такое? У меня запылали щеки!

Я подошел к холодному колодцу и схватил кувшин.

Синдж его отобрала.

– Здесь я сама управляюсь. А ты сходи к Морли.

54

Дотса усадили в кресло и подперли подушками. На нем была чистая одежда. Наверное, ее купила Белинда. Он начал дремать, когда я появился, но, увидев меня, просиял:

– Мне в скором времени обещали настоящую ванну.

– Это как рай на земле.

Страфа последовала за мной.

Дотс приподнял брови. В его глазах мелькнул охотничий огонек. Он испробовал свою убийственную для девушек улыбку, потом с любопытством посмотрел на меня и нахмурился.

– Морли, это Страфа. Она помогает выяснить, что с тобой случилось. Страфа, это Морли Дотс, предполагаемый владелец ресторана и настоящая жертва преступления.

Узнает ли он ее?

– Рад познакомиться с вами, мэм, – произнес Морли очень печально.

Синдж – слишком вежливо, чтобы это внушило доверие, учитывая ее чувства, – отодвинула Бегущую по ветру в сторону, желая поставить мой кувшин. И погнала Страфу из

комнаты.

– Тут что-то особенное? – спросил Дотс.

– Возможно.

– Хм.

Больше он не задавал никаких вопросов, которые приготавлилась услышать моя совесть.

– Интересно.

– Пугающе. Я начинаю запутываться. Такого не должно со мной происходить. Я большой мальчик, хороший мальчик, и я давно находился в одном и том же месте. В том месте, куда я всегда возвращался, с тех пор как мы отправились в Кантард бороться с вампирами. И вот теперь – это. Я не очень-то хорошо ее знаю.

– Такое случается, Гаррет. А насколько хорошо ты знал Майю? Или Элеонору? Элеонора даже не была живой. А что насчет Белинды?

– С Белиндой все обстояло как раз наоборот. По большей части я пытался сделать так, чтобы мне не перерезали горло.

Морли не поймал меня на слове, вероятно, потому, что не хотел говорить о Белинде.

– Не беспокойся. Будучи самим собой, ты заваришь кашу из-за навязчивого стремления поступать так, как считаешь правильным. А закончишь там, откуда начал, даже если сам того не хочешь.

Не это я ожидал услышать.

– Давай поговорим о тебе.

– Моя любимая тема, но зачем? Разве Покойник не высосал мои мысли досуха?

– Нет. Он говорит, у тебя мозги как камень.

– Что я могу сказать? Когда он прав, он прав. Если бы у меня были не каменные мозги, я не пребывал бы сейчас в таком состоянии.

– Ты начинаешь что-нибудь вспоминать?

– Нет.

– В самом деле?

– Воистину. Как будто из моей памяти вырезали неделю. Мне смутно вспоминается, как я очнулся в постели в какой-то комнате, а надо мной нависали ты и Белл. Или это была... Теперь все становится еще туманней.

– Там были четыре разные женщины. Белинда спрятала тебя на верхнем этаже элегантного публичного дома.

– Да? Все так расплывчато. Но перед этим, однако, я был где-то в темноте. Не просто в полумраке. Это был большой obsидианово-черный кусок ничего. Еще перед этим – тьма. Я знаю, что шел. Не крался, но вел себя ненавязчиво. Вряд ли я за кем-нибудь следил. Не знаю, откуда я вышел. Что-то схватило меня сзади.

Морли застали врасплох? Ничего себе!

Он подпрыгнул, как будто его укололи. Взгляд стал мутным. Он начал быстро бессвязно говорить.

Старые Кости был настроен великодушно. Он наполнил мою голову воспоминаниями Морли о том, что его так

взвинтило.

Это была женщина. Размытые очертания прояснились по мере ее приближения. Высокая, стройная, одета в черную кожу. Двигалась она с прирожденным чувственным высокомерием. Ее пышные волосы были почти седыми, как у старухи. Однако она была далеко не стара. Возможно, ей недавно перевалило за двадцать. Маленький ротик, но губы слегка пухловаты. Ярко-красные.

Эти губы были единственным резким цветом мысленной картины.

Видение поблекло. Память Морли снова соскользнула во мрак и рухнула в обсидиановое забвение.

Я встряхнулся.

– Не узнаю ее.

Старые Кости продемонстрировал видение самому Морли, и тот сказал:

– Я тоже не узнаю. А я бы не забыл эти губы.

«Задание, которое я дал Иону Сальватору, потому что он жаждал участвовать в деле, заключается в том, чтобы завербовать художника, готового со мной работать. Как только у нас будут портреты, мы, возможно, сумеем установить личность».

– Портреты? Во множественном числе?

«Генерал Туп великодушно согласился одолжить нам Джимми Два Шага».

Синдж доказала, что тоже участвует в беседе, крикнув из

своего кабинета:

– Зачем нанимать художника? Пусть это сделает Пенни. У нее есть талант и есть принадлежности для рисования. Она живет неподалеку и может начать немедленно.

«А еще она безумно робеет рядом с Гарретом».

– Я пообещаю защитить все ее целомудрие, которое, как она притворяется, у нее еще осталось, – сказала Синдж.

Вот стерва!

У Синдж проблемы и с Пенни Мрак? Это было для меня новостью.

Конечно! Я так долго здесь отсутствовал, что для меня все было новостью.

– Сделай и то и другое, – предложил я. – По крайней мере, один раз. Посмотрим, как разные художники видят одно и то же. И раз уж мы одалживаем собственность короля, почему бы не взглянуть на Бутча и его брата?

«Я уже сделал такой запрос. И опоздал. Младшего выпустили, потому что он всецело сотрудничал с законом. Второй брат получил минимальный приговор – работу над проектом акведука».

И вдруг: «Ого! Это может быть интересным. Синдж, пожалуйста, встань у двери».

могла быть единственная персона. Сколько я ни думал о роковом моменте, я пока не был к нему готов.

Итак, пока я боролся с паникой, Бегущая по ветру внесла в дело свой вклад, спустившись, чтобы посмотреть, что происходит.

Покойник безудержно веселился.

Синдж открыла дверь.

На пороге стоял Колда.

– Эй, Гаррет, вроде я нашел лекарство для обоих твоих друзей.

– Ай да молодец, брат Колда! Рассказывай.

Я почувствовал столь огромное облегчение, что почти обмочился.

Новый взрыв веселья со стороны Покойника.

Колда извлек полдюжины маленьких бутылочек.

– Вот эти, коричневые, – для твоего отравленного друга. В этой, с зеленой пробкой, находится лекарство, которое поможет пробудить его память. Лекарство в этой бутылочке, с красной пробкой, нейтрализует яд. Лекарство в этой, с прозрачной пробкой, заставит его мочиться. Много. И ему будет очень хотеться пить. Давайте ему столько воды, сколько он пожелает. Она вымоет яд из тела. Голубые бутылочки – для твоего больного друга. Я написал инструкции, чтобы тебе не пришлось запоминать.

Колда был доволен собой. Я должен был погладить его по шерстке: он хорошо поработал.

Синдж стояла у двери.

– Хочешь взять эти инструкции? – спросил я у нее. – Я их потеряю, как только выйду в прихожую.

– Положи бумаги на мой стол. Я занята.

Она начала снова задвигать засовы.

Я опять запаниковал. Без всякой причины.

Когда я положил лекарства и инструкции на стол Синдж, тщательно придавив последние первыми, и притащился обратно, я обнаружил, что Колда прижимается спиной к дальней стене прихожей, смущенный до глубины души.

Ди-Ди, Краш и мисс Ти наполнили дом энергией, красотой и болтовней. Ди-Ди была в настроении для корриды. Она выбрала Колду как самую слабую дичь на равнине и думала, что стоит его помучить.

– Что вы все трое тут делаете? – выпалил я.

Как всегда – мальчик с золотым языком.

– Я рад, что произвел на вас хорошее впечатление, но...

Мисс Ти придвинулась ко мне вплотную. Я съежился и попытался в кабинет Синдж. Мисс Ти потрепала меня по подбородку.

– У нас свободный вечер, и мы не могли остаться в стороне.

Краш подошла ближе, но смотрела мимо меня.

Страфа Альгарда снова спустилась по лестнице, привлеченная гвалтом. Она начала смотреть зверем. Как и Синдж, стоящая в проеме дверей в конце прихожей.

– Морли в комнате слева, вон там, – сказал я.

– Спасибо.

– Так вот где ты живешь? – спросила Краш. – Ты, должно быть, преуспеваешь.

– Мне повезло с парочкой дел. И я работаю с лучшими в своем роде людьми.

Синдж продолжала хмуриться. Она была чем-то не на шутку раздражена.

Краш посмотрела на нее, на Бегущую по ветру и на Колду, который перестал задыхаться и обрел прежний цвет лица. Она увидела что-то, чего не видел я.

– Книги! – сказала она. – Можно посмотреть?

Синдж нехотя кивнула. Наверное, получив совет Покойника.

– Конечно. Заходи. Но книги не мои, поэтому не трогай.

В другой комнате начиналось своего рода счастливое воссоединение. Морли Дотс и мисс Ти были старыми друзьями.

– Это книги колдуньи? – спросила Краш.

– Колдуньи?

– Женщины в конце прихожей. Это очевидно.

– Она может обидеться, что ее называют колдуньей. Она куда больше чем колдунья. Вершина Холма. Бегущая по ветру. Но нет, это книги Синдж. Той, которая тебя впустила.

– В самом деле?

Изумленно.

– Правда. Она самая умная из тех, кого я знаю, люди они

или крысы. Я бы не выжил без нее.

Не стоило упоминать о Покойнике.

Он, должно быть, был на седьмом небе, скользя через секреты, похороненные во всех этих новых для него умах. Скорее всего, он никогда не воспользуется тем, что узнает, но ему доставлял удовольствие сам процесс. Он наверняка был на небесах, имея в придачу всю эту заварушку. Узнавал массу секретов нашего темного старого города. Во всяком случае, так ему должно было казаться после долгого периода воздержания.

«Будь осторожен, Гаррет. Этот лакомый кусочек влюбится в тебя из-за книг Синдж».

Еще один взрыв веселья.

– Ты не хочешь повидаться с Морли? – спросил я Краш.

– Не очень. Ди-Ди хватит, чтобы составить конкуренцию Майк.

Я не поддержал беседы, услышав, как входная дверь открылась и закрылась снова.

А теперь что?

Я отправился посмотреть. Краш прижалась ко мне, чтобы заглянуть через плечо.

Появилась Пенни Мрак, нагруженная причиндалами художника. Увидев, что я на нее смотрю, она застыла. Я не смог удержаться и подмигнул.

Пенни перевела взгляд на Краш, которая была ненамного старше ее. И нахмурилась. Краш посмотрела на нее гневно.

Пенни двинулась к двери комнаты Покойника. Колда ее открыл, а я спросил Краш:

– Ты знакома с Пенни?

– Лишь с подобным типом людей.

– У нее была нелегкая жизнь.

Я коротко изложил факты.

На Краш они не произвели впечатления. У нее самой было трудное прошлое.

– Синдж, откуда Пенни узнала, что нам нужна ее помощь?

– У меня есть кое-какие возможности, партнер. Я послала ей весточку.

Пулар Синдж метнула на Краш взгляд, который должен был оставить синяки. Сегодня она была не склонна относиться терпимо к любой особе женского пола.

Покойник наконец открыл мне кое-что, что должен был упомянуть, едва я оказался в радиусе его досягаемости.

«У нее течка. И сегодня пик. Она принимает лекарства, чтобы подавить симптомы. Лекарства срабатывают не полностью, когда речь идет о психологических факторах. Я и впрямь наслаждаюсь этими вновь прибывшими. Уже и позабыл, какими красочными могут быть твои знакомые».

– Она ревнует, когда видит меня, – сказала Краш.

– Кто?

Бегущая по ветру? Синдж? Пенни?

Это замечание пробудило во мне логическую бестию и заставило ее пуститься в путь, шаркая ногами. Бестия корми-

лась случившимся за последние несколько дней.

Сознательно Синдж больше не тешила себя подростковыми фантазиями, от которых страдала, когда мы с ней стали командой. Но я был для нее крысой-вожаком. В глубине ее души могла сформироваться привязанность, и во время течки Синдж могла чувствовать себя так, словно ей сыпали соль на незажившую рану.

Пора вести себя осторожно.

Она принимала какие-то сильнодействующие лекарства. Крысюки, входившие в дом и покидавшие его, ни разу на нее не среагировали. Доллар Дэн лелеял мечты о Синдж с тех пор, как Джон Растяжка занял место первого среди крысиных гангстеров. Только выжидал удобного момента.

Хорошо. Синдж сейчас не нравились женщины, потому что они являлись конкурентками, соперничавшими с ней из-за внимания ее крысиного босса. Тинни, должно быть, тоже попала в этот временный список. Но Тинни тут не было. А Страфа Альгарда была. И Краш, которая всего лишь ребенок.

Краш проскользнула мимо меня в прихожую, оглянулась, бросила многозначительный взгляд, говоривший: «Попался!» Такое поведение я ожидал бы в первую очередь от Диди.

Должно быть, она посмотрела так прежде всего ради себя самой. Она считала, что доказала: мною можно манипулировать, хотя я и пытаюсь быть хорошим парнем.

Синдж закипела.

Как долго это будет продолжаться? Станет ли этот день худшим в ее жизни? Я на это надеялся.

А потом осознал, что она так и стоит в дверном проеме.

О боги и все святые, защитите меня! Не хватало только, чтобы рыжуля вошла в этот зверинец.

Единственной особой женского пола, которой доверилась бы Тинни, могла быть Пенни. И это изменилось бы в мгновение ока, стоило Тинни увидеть, как Пенни подросла.

Кто-то постучал. Синдж начала отодвигать запоры.

56

Колда издал звук, напоминавший скулеж.

– Я здесь больше не нужен, Гаррет. Мне лучше отсюда убраться.

Но, судя по тому, как он держался, он нагло врал. Чего он действительно хотел – так это нырнуть в толпу визитеров. Команда из «Огня и льда» могла овладевать им до тех пор, пока его не увезли бы на погребальных дрогах.

– Труди не нравится, когда ее заставляют ждать.

Кто такая Труди?

«Невеста».

Старый дьявол опять откалывал свои штучки. Имелась ли у Колды невеста, когда он пытался меня отравить? Вроде да, но я не мог припомнить наверняка. Что ж, сейчас у него

невесты не было. У него была женщина, которая его пугала, хотя и не настолько, насколько страшили мучавшие здесь фантазии.

– Если надо идти, конечно иди. Ты не захочешь пропустить ужин ради этих бестий... Синдж, у тебя какие-то проблемы?

– Идиот за дверью продолжает ее толкать. Засов не отодвинуть, если с той стороны все время давят. Я отдернула его лишь настолько... Ага! Получилось.

Она распахнула дверь.

Вошел Ион Сальватор в сопровождении человека, явно сбежавшего на днях из приюта для бездомных. Последний нес то же, что недавно приволокла Пенни. Его набор принадлежностей для рисования был более потрепанным. Он и сам на порядок был более потрепанным. Ему требовалось открыть для себя существование мыла и воды. Ему требовалось украсть чистую одежду. И наверняка ему следовало воздержаться от следующей дюжины бутылок с крепкими спиртными напитками.

Волосы его были дикой седой гривой. Я содрогнулся, представив, какую отвратительную живность он импортирует в мой дом. Он был ниже Иона Сальватора и куда более плотным. И являлся эпицентром неистовой смеси запахов.

– Это Птица, Гаррет, – сказал Ион Сальватор. – Птица, это парень, которому нужна твоя помощь. – Он повернулся. – Синдж, ты можешь показать Птице, где обосноваться?

Драматург подтолкнул меня, заставив прошагать в сторону кухни, и прошептал:

– У тебя есть выпивка? У Птицы проблемы с головой. Ему нужно спиртное, чтобы заглушить голоса, которые он слышит.

Я открыл было рот, намереваясь напомнить Прилипале, какое он трепло. Покойник предупреждающе коснулся меня.

– Голоса? – спросил я. – Правда?

– Тебе нужно увидеть самому, чтобы в это поверить. Этот парень – гений. Когда он наливается до ушей огненной водой, голоса слабеют и он рисует как ангел.

Я поверил Сальватору, ибо сталкивался с подобным раньше, и спросил его:

– Ты знаешь, как на самом деле Птица относится к своему безумию?

– Что ты имеешь в виду?

– Он хочет, чтобы голоса смолкли?

– А ты бы не хотел?

– Я бы хотел. Да. А ты? Если бы это означало, что у тебя больше не будет волшебного дара драматурга?

– Считаешь, Покойник сможет захлопнуть ментальные двери демонов Птицы?

– Возможно. Сделай-ка еще шаг.

Я заглянул в комнату, где за Морли ухаживали несколько красивых женщин, словно в день его рождения.

– Краш, найдется минутка?

Юная Адская Дыра отвернулась от матери и мадам Майк. Продемонстрировала мне отработанную мину тинейджера: смесь скуки, замешательства и отвращения.

– Что?

Выражение ее лица не стало лучше, когда она взглянула на моего спутника.

– Я говорил, что, если выпадет шанс, я представлю тебя Иону Сальватору. Это он.

И я обратился к Прилипале:

– Краш нравятся твои пьесы.

Само собой, девчонка взбесилась. Но не закатила сцену.

Я не понимал, что тут такого особенного. Это был Пилсудс Вильчик, он же Прилипала, хореk, таскавший по пятам за моей подругой. Он много скулил и путался под ногами. Вывих в его мозгах мешал ему увидеть, кто такая на самом деле Торнада. Я считал Торнаду подругой, но не питал иллюзий насчет ее характера.

Мысль, что этот ядовитый выскочка мог стать большой знаменитостью, была воистину смехотворной.

Синдж вышла из комнаты Покойника. Птицу препроводили по назначению. У него не должно было возникнуть никаких проблем со Старыми Костями, ведь он привык к голосам в голове.

Обведя взглядом меня, Сальватора и Краш, Синдж пришла к каким-то пагубным умозаключениям.

Покачав головой, она обратилась ко мне:

– Я собираюсь выпить чашечку чая, пока не возникли еще какие-нибудь осложнения. Сторожи мой кабинет.

Этого я не понял – разве что она опасалась за неприкосновенность своих книг.

Краш и Ион Сальватор поладили как Адская Дыра и Пилсудс Вильчик. Он не был гигантом, какого нарисовало ее воображение. А она была просто одной из пустоголовых девчонок, задающих одни и те же тупые вопросы, которые он слышал уже тысячи раз.

Синдж вышла из кухни с подносом; на нем были сэндвичи, стояли чайник и чашки.

– Присоединяйся.

В кабинете она сказала:

– Этот дом превращается в зоопарк, полный человеческих экзотов.

– Ты привыкла к тихой жизни.

– Привыкла. И нахожу, что от этой привычки трудно избавиться. Ешь. Скорее всего, мы ничего больше не получим на ужин. Дин вымотался. Колдунье придется помочь ему подняться по лестнице.

– Значит, и она на что-то годится.

– Не говори так сейчас, как раз когда она начинает чуть меньше мне не нравиться. Мне и так хватает стрессов. Дальше будет только хуже. У нас нет крепкого спиртного.

– Мешок с костями просил спиртное?

– Он думает, что сможет создать эффект, который произ-

водит спиртное, но хочет, чтобы под рукой было настоящее.

– Мы пошлем за горячительным Сальватора.

– Торнада пьет?

– Да. Может, позвать Белинду, а мы все уберемся и не будем тебе надоедать?

– Белинда не успеет сюда вовремя.

Бедная девочка говорила таким тоном, будто готова была впасть в отчаяние.

– Синдж, а ты сама не хочешь пойти наверх?

– Мне лучше остаться.

– Я могу справиться с этой толпой.

– Сейчас – возможно. А через полчаса? Ты слишком далеко ушел. Я все еще люблю тебя, но ты не тот человек, каким был раньше.

К нам присоединилась Бегущая по ветру. Синдж не запротестовала, не выказала ни малейшего отвращения. Более того, на подносе, который она принесла, была чашка и для Страфы. Неужели объявлен мир? Или Синдж просто устала сражаться?

– Там все ведут себя цивилизованно? – спросил я.

– Женщина и две девушки хлопочут над твоим раненым другом, – ответила Страфа. – Трое мужчин и девочка сейчас с твоим мертвым другом. Мы трое здесь. Отравитель исчез.

– Я выпустила Колду, когда вошел Ион Сальватор, – сказала Синдж.

Итак, Краш была с Морли, а Сальватор – с Покойни-

ком. Любовная история длилась недолго. Бедный Прилипала. Ему не удавалось оправдать ожиданий своих поклонников.

57

Хотя из соседней комнаты доносилась болтовня, а с другой стороны прихожей веяло дурными предчувствиями, в кабинете Синдж царило спокойствие и умиротворение. Прихлебывали чай. Говорили мало. Страфа, Синдж и я отдыхали.

В какой-то момент Синдж сказала:

– Скоро должны прийти сиделки и ночные часовые. Полагаю, вместе с ними явится и Джон Растяжка. Наберу кувшин темного.

Темное было самым крепким нашим пивом. До сих пор я и не знал, что оно есть в доме. Холодный колодец, наверное, модернизировали так, что в нем могли храниться сразу несколько бочонков.

Хвост Синдж исчез за дверным проемом, и Бегущая по ветру сказала:

– Я ей не нравлюсь.

– Да. Но она смягчается.

– Почему я ей не нравлюсь?

– Она думает, что ты пытаешься втереться в нашу жизнь.

Чувствует угрозу. Она хрупкое существо.

Я ни словом не упомянул, что Синдж в течке. Рассчитываю, Покойник сможет объяснить это позже так, чтобы дошло до человеческой женщины.

Бегущая по ветру пригубила чай и деликатно нахмурилась. Она казалась беззащитным клочком облачка.

– Чем я могла ее обидеть?

Я дал Его Милости несколько секунд на то, чтобы меня предупредить, прежде чем сказал:

– Она видит всех женщин в зеркале Тинни Тейт.

Рано или поздно в разговоре должна была всплыть рыжуха.

– Это та несносная женщина, которая некогда произвела кое-какое впечатление в театре «Мир»?

– Да, это и есть Тинни.

– И ты пока с ней не распутался. – Она улыбнулась бледной, несчастной полуулыбкой. – Я могла бы в этом разобраться.

– Синдж никогда особо не любила Тинни. Теперь она чувствует себя из-за этого виноватой. Она думает, ей следовало бы любить Тинни, потому что я ее люблю. Поэтому теперь она чувствует, что ей нужно быть голосом в защиту Тинни, ведь сама Тинни не может говорить за себя. Сегодня она выяснила, что и Дин, и мой партнер по ту сторону прихожей тебя одобряют. Это давит на нее еще больше.

– Понимаю.

Бегущая по ветру просияла, как ребенок, только что побе-

дивший в трудном забеге против незаурядных соперников.

– Меня это тоже удивило, – сказал я.

– Да?

Сияние стало ярче. Удивительная женщина. Пусть она и входила в дюжину самых могущественных ныне живущих смертных, с большим потенциалом, – но в некоторых отношениях оставалась наивной, как десятилетняя. Жаждала одобрения других.

– Насчет одного она права, – сказала Страфа. – Я и правда собираюсь тебя украсть.

Она заявила это открыто, безо всякого намека на неистовую сладострастную ауру, которой пользовалась, чтобы дразнить мужчин, раньше, когда была папочкиной дочкой. Выложила непреложный факт и предоставила мне возможность переваривать его.

– Ты слишком торопишься...

Синдж вернулась с двумя кувшинами и четырьмя кружками. Она собиралась немного выпить и не планировала пировать в одиночку.

– Я в деле, – кивнул я, понюхав содержимое кувшина.

Синдж принесла летний эль в придачу к темному пиву.

– Наливай, – сказала она. – А я должна открыть дверь.

Мой желудок ухнул вниз до самой палубы.

Я снова запаниковал зря. Синдж не ввела в дом рыжеволосый рок. Не привела она и брата и тех крысоледи, что нянчились с Морли Дотсом. Кого она впустила – так это генерала Тупа и двух нервничающих злодеев, настолько явных представителей социального дна, что они с тем же успехом могли бы сделать татуировки у себя на лбу. Один был младшим из парочки, которая домогалась меня и Тинни. Краснофуражечники выследили его.

Резонно было предположить, что костлявый, дрожащий мелкий хорек – Джимми Два Шага.

Синдж вернулась в кабинет, заняла свое место и выпила пива.

Вошла Краш.

– Можно я поболтаюсь здесь, пока Ди-Ди и Майк не закончат с вашим парнем? Я не буду никому мешать.

– Я совсем не против. Синдж, не возражаешь, если Краш посмотрит твои книги?

Конечно, Синдж возражала. И все предубеждения, которые она испытывала против Страфы, готова была обрушить на симпатичную юную Адскую Дыру.

Но она сказала:

– Пожалуйста, обращай с ними очень бережно. И позаботься о том, чтобы твои пальцы были чистыми.

К нам присоединился генерал:

– Гаррет, терпеть не могу просить, проклятье! Мне нужно что-нибудь выпить.

Это напомнило мне кое о чем.

– Синдж, как насчет топлива для того сумасшедшего художника, которого привел Ион Сальватор?

– Кое-что скоро принесут.

Откуда она знала? Она не покидала дом, а Колда ушел до того, как Покойник изложил свою просьбу. Должно быть, Старые Кости послал кому-то весточку наружу. Годилось только такое объяснение.

– Генерал, не хотите оценить запас «Вейдеровского особого темного»? Это пиво варится в ограниченных количествах. Не многим, не входящим в семью Вейдер, удастся его попробовать.

– Как я могу воспротивиться такому искушению? Включите меня в число дегустаторов, мисс Пулар.

Ах, Синдж, Синдж, ты чудо-ребенок! Даже глава всего проклятущего племени жестяных свистулек считает тебя настоящей личностью.

Мысли эти я замаскировал каменным выражением лица.

Хотя Туп был знаком с Синдж с ее подросткового возраста, она производила на него сильное впечатление.

Приятно было видеть, что с моей деткой обращаются как с членом команды, а не как с уродцем или слабоумным паразитом.

В дверь громко забарабанили.

Мне так часто мерещился волчий вой, что Тинни и все усыпанные веснушками рыжеволосые Тейты в мире могли бы очутиться у моих дверей, а я бы лишь слабо заскулил.

Но мне и не потребовалось скулить. Синдж открыла дверь, впуская брата, Доллара Дэна и двух крысючих. Они принесли изрядное количество самогона, чтобы Птица мог несколько недель кряду заправляться горючим. Синдж умыкнула одну бутылку и налила генералу полкружки.

– Вот это настоящая выпивка.

– Мне бы тоже такого, – высказалась Краш. – Пожалуйста.

– Нет, – ответила Синдж. – Ты еще слишком юна для напитков, от которых кружится голова.

Краш вздрогнула. Засмеялась. И, покивав, вернулась к изучению книжных полок Синдж.

К нам присоединился Джон Растяжка, искоса посматривая на Тупа. Доллар Дэн и сиделки заняли позицию в коридоре под дверью комнаты, в которой среди своих обожателей царил Морли.

– Подозреваю, что хорошенькие юные девушки, которые напрашиваются на то, что уменьшит их рассудительность, редко слышат слово «нет», – сказала Синдж.

Краш подняла руку в знак согласия. Она нашла кое-что, зачаровавшее ее, и с благоговением держала книгу.

А Уэстмена Тупа зачаровала Краш. Но он будет держаться в рамках.

Странно. Генерал однозначно интересовался женщинами. Но я никогда не слышал, чтобы он с кем-нибудь сближался. Без сомнения, за этим стояла какая-то старая печальная история. Таких историй вокруг было полным-полно.

Генерал быстро осушил кружку и не отказался от второй.

– Воскрешение людей снова работает, – сказал он.

Как будто это вплеталось в тему нашей беседы.

Синдж отдала брату свою кружку с летним элем. Тот отсалютовал кружкой мне.

Вдруг Страфа издала писк, который привлек внимание всех, кроме Краш.

Я не выяснил, почему она пищала, потому что, сделав еще один глоток живительной влаги, Туп продолжил:

– Те люди, в серых шерстяных трико и пуловерах, в деревянных шлемах, участники инцидента на Северной стороне. Так вот, они были состряпаны из частей мертвецов...

У всех отвисли челюсти. Краш безвольно уронила руку с книгой. Страфа издавала булькающие звуки.

– Да, чем не способ ввести всех в курс дела, – сказал я.

Моя кружка была пуста. Я решил попробовать огненной воды.

– Вините во всем выпивку, – объявил Туп. – Мне не полагалось выдавать эту информацию.

Любопытно. Опять неповиновение в рядах доблестной Гвардии.

Ясно как день – Туп и Шустер не в восторге от давления

извне. Их пренебрежение правилами заставляло предположить: они получили негласное заверение принца Руперта, что тот не заметит, если кто-нибудь выболтает лишнее после кружки пива.

Пулар Синдж снова проскользнула в прихожую, а потом к двери. Ей понадобилось проворство, чтобы пробраться через толпу.

Сделав длинный глоток огненной воды, я попытался провести перепись населения. Мне не удалось получить точное число, но по дому рассыпалось семнадцать или восемнадцать доходяг.

Я отвык от напряженной общественной жизни. Немного пива, несколько глотков крепкого спиртного – и я полностью расслабился. Меня больше ничего не заботило. Меня больше ничто не беспокоило. Я смотрел на Страфу без профессиональных мыслей.

Страфа тоже посмотрела на меня, приподняв бровь. Ее маленький ротик сложился в едва заметную улыбку, в которой были приглашение, согласие, триумф.

59

В прихожей Синдж что-то сказала. Я не разобрал слов, но тон ее был встревоженным. Мы с Джоном Растяжкой встали и двинулись туда. Я гадал, где же оставил свою дубинку и какая проблема подобралась так близко, хотя Покойник в деле.

Джон Растяжка быстрее меня сложил два и два. Он остановился, и я врезался в него, не очень сильно.

Синдж, вернувшись в кабинет, прямоиком направилась к кружке, которую дала брату. Будь она человеком, она была бы бледной и мрачной.

Причина подобного настроения отстала от нее на один шаг. В поле зрения появилась прекрасная рыжуля...

Это была Кира Тейт, подросток, племянница Тинни, на первый взгляд – точная копия своей тети. В тот же миг, когда я осознал, что Кира – не моя нежно любимая, материализовалась и сама главная рыжуля собственной персоной.

Кира была ненамного старше Краш. Со всем фирменным поведением подростка. Ей не хотелось здесь быть – хотя скоро стало очевидным, что она явилась по личной инициативе. За Кирой, чуть медленнее, следовала Тинни. У нее отвисла челюсть при виде численности и макияжа собравшейся толпы.

– Добрый вечер, мисс Тейт, – кружкой отсалютовал Тинни генерал Туп. – Могу я сказать, как вы прекрасно выглядите нынче вечером?

Ему сходило с рук то, что он говорил с ней как со старушкой. Если бы я сказанул нечто подобное, я бы жалел об этом месяцами.

За Тинни шагал ее дядя Освальд. За дядей – кузен Артифик, имевший репутацию скандалиста.

Я чуть было не засмеялся, наблюдая за реакцией Тинни

на каждого из присутствующих.

Страфа должна была упасть, скуля, и уползти под мебель. Краш полагалось бы рухнуть кучкой пепла.

«Ух ты! А тебе еще предстоит встретиться с Ди-Ди и Майк. И увидеть, как повзрослела Пенни», – подумал я.

Но не сказал этого вслух.

Впрочем, Тинни все равно бы меня не услышала. У нее был стеклянный взгляд.

Отстраненным голосом она объявила:

– Я должна повидаться с персоной по ту сторону прихожей.

Упомянутая личность легонько прикоснулась ко мне, без слов предлагая самое ласковое утешение.

Тинни явилась на взводе, готовая к отчаянной драке, к развязке раз и навсегда, но, как только Синдж ее впустила, оказалась выбита из седла.

Повсюду кишели представители крысиного народца. В придачу здесь было полно людей, среди которых – начальник тайной полиции и высокопоставленная колдунья с Холма. Теперь Тинни собиралась предстать перед Его Милостью, где ее ожидала встреча еще с одним выводком удивительных гостей.

Синдж взяла себя в руки и спросила остальных Тейтов, не хотят ли они освежающего. Дядя Освальд кивнул.

Не поднимая глаз, Краш сказала:

– Я закачу сцену, если ты позволишь ей выпить что-ни-

будь вкуснее чая.

– На нее распространяются те же правила, – ответила Синдж.

Кира знала, что говорят о ней, но понятия не имела почему.

– Выпивка и несовершеннолетние, – объяснил я. – Синдж этого не одобряет. Синдж, тебе нужно проверить, не стащила ли что-нибудь Пенни.

– Твое чувство юмора не становится лучше.

Синдж и Старые Кости и в самом деле любили эту девочку. Я никогда не понимал почему. Ну и что с того? У меня имелись собственные слабости.

– Как ты снизошла до посещения этих трущоб? – спросил я Киру.

Она кинула подозрительный взгляд на Страфу. Помнила Бегущую по ветру.

Появление Артифика и дяди Освальда не требовало объяснений. Старик присматривал за фамильной гордостью Тинни. Артифик был здесь в роли мальчика для битья, если Тинни попытается обосновать свои доводы с помощью физической силы. А еще для того, чтобы убедиться, что ее не обижают, пока она ходит по гостям.

Улицы Танфера снова становились коварными.

Без всякой видимой причины от существа по ту сторону прихожей несло вульгарное веселье.

Туп узнал Освальда. Они как-то участвовали вместе в од-

ном благотворительном мероприятии, но были лишь случайными знакомыми. Теперь они вступили в неловкую беседу.

Страфа придвинулась ближе, словно для того, чтобы защитить меня. Кира и Артифик проглядели это, потому что их начала зачаровывать Краш. Киру, возможно, потому, что она считала: кто-то одного с ней возраста должен быть здесь так же несчастен, как и она сама. Артифик же интересовался Краш по той причине, по какой заинтересовался бы любой мужчина. Краш просто молила о внимании жаждущих мужчин. Вот такой аппетитной была моя маленькая Адская Дыра.

Конечно, Артифик никоим образом не мог знать, что лепестки с этой розы уже облетели и остались в основном шипы. Краш не носила профессиональных нарядов.

– Кира?

– Извини, Гаррет.

Она забыла о Краш.

– Я смущена.

– Не помню, чтобы ты долго смущалась.

Кира могла быть еще более яростной и прямолинейной, чем ее тетя. И у нее не доставало опыта притворяться приспособленной к нормальной жизни в обществе.

Многие убийцы – социопаты, но лишь небольшой процент социопатов – убийцы. Тинни относилась к несмертельной разновидности социопатов.

Пока.

– Я не привыкла иметь аудиторию, – сказала мне Кира.

Ха! Ее проблемой были не Страфа, не генерал и не Джон Растяжка. Ее проблемой были Артифик и дядя Освальд.

– Ныряй сюда, вниз, – позвал я. – И говори шепотом.

– Он хочет заглянуть в вырез твоей блузы, – съязвила Краш.

– Забавно, Адская Дыра, но нечестно. Она не демонстрирует вырез.

Поток яростного света попыталась испепелить Краш взглядом.

Краш вернулась к своей книге.

Появилась Синдж, неся еще кружки, пиво и оладьи. Это отвлекло Тейтов-мужчин.

Кира упала рядом со мной на колени и затараторила:

– У меня проблема с Кипом. Вот почему на самом деле я уговорила Тинни прийти сюда. Ты знаешь Кипа. Ты можешь дать мне совет.

– Изумительно, – обыденным тоном сказал я.

Страфа переместилась за спинку моего кресла и облокотилась на нее. Это не обрадовало Синдж, но ее неодобрение было настолько ненавязчивым, что его смог уловить только я.

– Почти наверняка я последний парень, у которого тебе

следует просить совета насчет взаимоотношений. Но я попытаюсь.

– Мне семнадцать, Гаррет. Кип и я вместе уже... Ну и что с того? Я не хочу быть как ты и тетя Тинни. Продолжать, и продолжать, и продолжать, и никогда... О, я тебя не обвиняю. То, что у вас с Тинни не ладится, в основном ее вина. Она могла бы окончательно устроить всё годы назад, если бы захотела. А теперь она может тебя потерять.

Краш отпустила себе под нос какое-то ехидное замечание: дескать, вот он, твой шанс – и заработала жесткий взгляд Страфы.

– Но как бы то ни было, – продолжила Кира, игнорируя Краш, – я решила, что больше не хочу слушать советы Тинни. Мне нужен Кип, а не удовлетворение от того, что я сижу в своей комнате одна и чувствую самодовольство: о, как я ему задала! Никаких игр. Отныне и навсегда.

Молодец, Кипрос Проуз! Ты зачаровал одну из самых зажигательных девушек на континенте. Бесподобный, умный мальчик.

Только какого черта? Все это выглядело так, будто он мог вот-вот ее потерять, вероятно даже не поняв, в чем проблема.

– Кира, я на твоей стороне. Ты – лучшее, что когда-либо может случиться с парнем. Так в чем проблема? Он что, влетел в обычную полосу тупости? Не видит того, что перед ним, пока не шмякнешь его промеж глаз?

Некогда я выступал в роли наставника этого мальчика. У нас с ним было кое-что общее.

– Это отчасти смахивает на то, что происходит между тобой и Тинни. Только я верила Кипу, когда он сказал, что его друг в беде и нуждается в помощи. Проблема в том, что он тщательно скрывает от меня эту сторону своей жизни.

Энтузиазм Киры иссяк. Она выговорилась. Но женщины Тейтов редко молчат долго. Я попытался разложить по полочкам, что же она имела в виду.

У Кипа было немного друзей.

Страфа все еще облокачивалась на спинку моего кресла. Костяшки ее пальцев побелели. Кира избегала смотреть на нее, хотя должна была испытывать любопытство.

О! Снова Клика. Друг, нуждающийся в помощи, – должно быть, Кивенс. Когда мы с Бегущей по ветру впервые встретились, Кип помогал Кивенс, несмотря ни на что.

Когда Кивенс и Кип объединяли в работе свои умы, случались технические чудеса. Они вдвоем изобретали удивительные вещи.

Беспокойство Киры распалило тревожность Страфы. Бегущая по ветру испытывала сильное волнение, потому что боялась, как бы Кивенс не оказалась той девушкой в обтягивающей черной кожаной одежде.

И хотя она верила в алиби дочери... Она действительно считала, что Кивенс способна на столь грязное поведение. Вот в чем ключ.

О боги! Моя новая союзница, которая могла стать моим особенным новым другом, способна превратиться во врага, если ее самый большой страх окажется правдой.

Алиби можно и сфабриковать – до или после совершения преступления.

Я без труда вообразил, как Кивенс справляется с воскрешением людей. У меня не было шанса узнать ее хорошо, но я помнил социально патологическую личность. Однако такая формулировка была справедлива в отношении большинства членов Клики, где Кивенс еще не самая плохая и ужасная.

Эта сторона дела нуждалась в расследовании.

Итак, не исключено, что Кивенс жила на том складе на севере, производя новых людей из лучших частей старых.

Где она доставала деньги, чтобы оплатить столь дорогостоящее воскрешение?

У Кипа?

Я положил ладонь на руку Страфы, вцепившуюся в спинку моего кресла.

– Она не может себе этого позволить.

– Чего?

– Подумай. Где бы Кивенс взяла такую крупную сумму, чтобы основать то, что ты видела на Северной стороне?

Кира пристально заинтересовалась моими руками и диалогом. Без сомнения, Тинни получит детальный рапорт.

А я, будучи Гарретом, чудо-дураком, должен был успокоить перепуганную Страфу и потому сказал:

– Кивенс никогда не смогла бы так хорошо выглядеть в черном, как...

Может, да. А может, и нет.

Когда я познакомился с Кивенс, она притворялась мальчиком. Если она пошла в маму, то могла сделать так, чтобы черная кожаная одежда сладострастно тлела на ней.

Стрельба наобум (чтобы заставить Страфу почувствовать себя лучше, потому что ее дочь имела странное телосложение) была одним из тех особенных моментов, которые делали меня уникалом.

Мгновение спустя, когда языку моему уже поздно было прилипнуть к гортани, я легко вообразил хор голосов, твердящих, какой же я бесчувственный тупица.

Один из голосов вовсе не был воображаемым. Он исходил от существа по ту сторону прихожей и звучал сердито. Но негодование сменилось неясными извинениями. Если я правильно понял, Покойник вымещал на мне раздражение, накопившееся во время беседы с рыжулей. Тинни продемонстрировала, что ей совершенно безразличен реальный мир.

Я изумился. Покойник потерял терпение и выставил ее. Наверняка это было тактической ошибкой. Даже сегодня самую трудную Тинни можно было вразумить, потратив на это некоторое время. Выдержка, отсутствие нравоучительности, никаких разумных доводов. Просто рьяно преподноси свою позицию. Беспокойство или испуг действуют лучше всего. Потом надо заткнуться и уйти. А в конце концов подать все

так, будто взаимное согласие – ее идея.

Большинство парней сочли бы такую работу чрезмерной. Да и, честно говоря, для меня тоже она стала превращаться в вынужденные сверхурочные.

Старые Кости думал, что факты и цифры должны возобладать над эмоциями. Он отъединился от ранимой напряженности живых существ, однако его могла взбесить упрямая женщина. Начать с того, что он вообще не любил слабый пол. У него ушла целая вечность, чтобы Тинни начала ему нравиться, насколько вообще когда-нибудь нравилась женщина. И ему понадобилось время, чтобы привыкнуть к Синдж, но теперь они пребывали в ладу и согласии.

А вот с Пенни Мрак у него никогда не возникало проблем, может, потому, что Пенни явилась к нам до того, как к ней самой явилась зрелость. Покойник сделал исключение для Страфы Альгарды, которая, без сомнения, была в самом соку.

Способность Покойника развлекаться моими одержимостями и тревогами не уменьшалась.

Мне было слышно, как Тинни разговаривает в коридоре – возможно, с Морли. Она не познакомилась с Ди-Ди или с Майк – тон ее не был враждебным.

«Я исчерпал все ее запасы яда».

За мной наблюдало слишком много глаз, и я не мог вступить в беседу со Старыми Костями. Это его тоже развлекало, потому что половина нынешнего народонаселения в до-

ме считала, что он дремлет.

Я сосредоточился на Кире, хотя дядя Освальд и Артифик могли причинить больше бед. А пока я был одержим Тейтами, Уэстмен Туп (отнюдь не выпивший так много, как притворялся) фиксировал в своей памяти каждый нюанс.

Синдж и ее брат обменялись многозначительными взглядами.

Краш оставалась милой юной фантазией каждого мужчины, прикидываясь рассеянной и оценивая литературные сокровища Синдж.

Кира и Страфа продолжали снимать друг с друга мерку.
– Что еще мы можем швырнуть в этот котел, чтобы добавить толику аромата? – проворчал я. – Как насчет какой-нибудь жгучей приправы?

Жгучая приправа вышла в свет, ее появление было цивилизованным.

«Я ее утомил».

Один-единственный взгляд сказал мне, что никого, кроме вечно любимого голубоглазого малыша мамы Гаррет, не запугало это появление.

Тинни остановилась в дверях. Она всмотрелась в каждого по очереди и вспомнила всех, кроме Краш. Краш не удостоила ее чести повернуться и взглянуть, кто там вошел. Тинни нахмурилась, узнав Страфу, которую мельком видела раньше.

Она была впечатлена. В одной комнате она нашла коман-

дира полицейских сил величайшего города мира, вожака самых больших подпольных операций, главного игрока Холма и меня.

Перед появлением Тинни умная Страфа уменьшила интимность разделявшего нас расстояния, хотя и ненамного.

Посетив Покойника и Морли, Тинни поневоле поняла: происходящее тут – не просто заговор с целью причинить ей беспокойство.

«До нее начинает доходить. Выведи ее на крыльцо и объяснись».

Я тяжело поднялся с кресла. С кружкой в руке. Под одобрительное бормотание Бегущей по ветру.

«И ради всех богов, не превращай себя в жертву, возложенную на алтарь того, чтобы позволить нам всем просто мирно сосуществовать».

Что он хочет этим сказать?

«Я хочу сказать – не надо потакать ей только потому, что не любишь споры. Это важно».

Вслед за этим раздалось мысленное эхо жалобно мяукающего котенка и щелканье бича.

Эй!

Покойник продемонстрировал мне, как я позволяю запугивать себя личностям слабого пола начиная с моей матери, но особенно досконально остановившись на инцидентах, позволивших некоей рыжухе взять в свои руки развитие наших взаимоотношений.

Что ж...

«Ты стоишь с тупым выражением лица, практически обомлевший, пока остальные таращатся на тебя и начинают недоумевать».

Да. Верно.

Старые Кости инсценировал пьески в моей башке. Я гадал, проделывает ли он то же самое в голове Тинни. Надеюсь, что да.

– Давай выйдем на крыльцо, где сможем поговорить, – обратился я к Тинни.

61

Ночь была тихой. Небо – ясным. Луна должна была взойти позже. Зато на небе высыпали триллионы звезд. Кое-где было больше серебряной пыли, чем черноты. Ни один из скрывавшихся в тени наблюдателей не обнаруживал себя. Люди, сопровождавшие Тупа, отправились на поиски таверны. Ночь принадлежала только нам двоим.

Мы молчали до тех пор, пока падающая звезда не полыхнула, прочертив небосвод, стремительно направляясь на восток. Потом взорвалась. На мгновение Танфер залил бледный свет.

– Тинни, это могла быть одна из самых важных ночей в нашей жизни.

В ответ она издала невнятный звук, полный сожаления, и

прижалась ко мне, словно ей было холодно. Она дрожала.

– Мы давно знаем друг друга, – продолжил я. – Я не могу представить своей жизни без тебя. Но я не могу продолжать жить так, как мы жили. Я не могу быть тем, кем ты хочешь, чтобы я был. Люди, которые сейчас в этом доме, – тоже значимы для меня.

Последний свет умирающей звезды отразился в слезе Тинни. Рыжюля ничего не сказала.

У меня упало сердце. Старые Кости потерпел поражение. Она останется упрямой до конца.

«Действуй нежно, Гаррет. Еще не все потеряно».

Однако Страфа Альгарда нравилась ему больше этой женщины, которую он знал намного лучше.

– Гаррет, я люблю тебя, – сказала Тинни. – Ты это знаешь. Я всегда тебя любила. Я могла бы сказать что-нибудь банальное вроде: «Без меня ты не будешь собой». Я не могу вообразить себя с другим мужчиной. Что бы я ни сказала, как бы я себя ни вела, что бы ни случилось в нашей жизни, это всегда было правдой – с тех пор, как я была еще ребенком, а ты заходил повидаться с Денни. С тех пор я все время так усердно пыталась понять Гаррета, который действует за пределами закрытого мира, включающего лишь тебя и меня. Но больше я не могу этого делать. Я знаю, что не должна быть настолько эгоистичной. Я знаю, что сворачиваю в темноту, которую люди могут счесть безумием. Но я одержима. Я больше не могу ни с кем тебя делить. Я не могу. Монстр внутри меня

хочет подтолкнуть это к тому пределу, где не будет никого, кроме тебя и меня. Ни работы. Никаких отвлечений. Только мы. Я знаю, что это безумие. Но не могу остановиться.

Она меня испугала.

«То, что она говорит, — правда, но сейчас она пытается манипулировать тобой с помощью преувеличений. Тем не менее эти преувеличения базируются на истине, залегающей так глубоко, что она никогда не проявлялась раньше».

— Сможешь помочь?

Тинни была важной частью моей жизни. Я любил ее — может, слишком часто на расстоянии, — любил почти так же долго, как, по ее словам, она любила меня. Но я не был одержим. Я влюблялся и раньше. Разум говорил мне, что я выживу, хотя боль настойчиво твердила, что придет.

Приключение по имени Страфа Альгарда ожидало в другой части моего разума. Я это знал. Страфа предложила мне шанс на взрослые, равноправные отношения.

Я посмотрел на Тинни и подумал: как она дошла до такого?

— Покойник был в моей голове, пытаюсь мне кое-что показать, — сказала она. — Он говорит, что ты — часть сети дружбы и обязательств. И... что есть прекрасная женщина, которая хочет стать для тебя важной, но ты смотришь только на меня...

В какие игры играет старый Мешок с костями?

Тинни разразилась душераздирающими всхлипывания-

ми.

«Проблема в том, что часть ее разума остается полностью рациональной. Эта часть знает, что она сумасшедшая и что ею правит одержимость. Но рациональная часть не имеет никакого контроля и остается узницей внутри растущей одержимости».

– Не могу в это поверить. Как такое могло случиться? Когда может предложить какие-то травы? Ты знаешь, как это прооперировать?

«Возможно, да. Но тебе нужно будет убедить мисс Тейт, что она сама хочет проведения подобной коррекции. К тому же стоит вопрос и о силе твоих собственных эмоциональных обязательств».

Я игнорировал Страфу, хотя тема работы над Тинни и случай со Страфой шли параллельно.

«Такое возможно. При условии, что она согласится».

– Проклятье.

«Мне придется исследовать ее разум – воспоминание за воспоминанием, обиду за обидой, – чтобы найти переломные моменты, нуждающиеся в корректировке или уничтожении. Каждый такой переломный момент окажет воздействие на каждый последующий момент. Это трехмерная проблема. Хирургия будет куда более тонкой, чем та, в которой нуждается жертва семейных обстоятельств вроде мисс Альгарды. Тинни довольна жизнью, которую вела. И я не смогу дать никаких гарантий».

– Вы говорите с ним обо мне? – спросила Тинни.

– Да.

Я притянул ее к себе. По обыкновению, чувствовалось, что она в моих объятиях как дома – что она создана для них.

Она заплакала. Я заплакал.

– Мы сможем с этим справиться, – сказал я. – Если ты позволишь, чтобы мы с этим справились. Если разрешишь Старым Костям сделать небольшие поправки... Я дам ему согласие поработать надо мной.

Я ляпнул это не подумав и почти внаглую солгал. Любые усовершенствования, в которых нуждался мой мозг, уже были проведены, без упоминания о переделках. Возможно.

Жутковатая мысль.

Никто не хочет услышать, что нуждается в исправлении. Даже когда люди сами это признают. Первая и естественная реакция Тинни была категорически отказаться. Я продолжал крепко сжимать ее в объятиях. И ничего не говорил. Слова не помогли бы. Все было сказано.

Изменения в нас приведут и к изменениям в наших беседах.

Я подумал, что это шанс и что мы смогли бы найти путь.

Дядя Освальд открыл дверь и проверил, как у нас дела. В руке он сжимал кружку. Румянец на его щеках свидетельствовал, что дядя изо всех сил налегал на выпивку, наслаждаясь моим гостеприимством.

Не увидев разбросанных вокруг внутренностей, он кряк-

нул и снова закрыл дверь.

Клинч продолжался. Тинни медленно расслабилась, от-
давшись тому, в чем нуждалась. Мы должны были поддер-
живать отношения. Ей предстояло сразиться с одержимо-
стью, которая сделает невозможным продолжение этих от-
ношений.

Я, без сомнения, был сбит с толку. У меня была Тинни,
знакомая и самая уютная, хотя всегда полная эмоций и драм.
А на заднем плане была Страфа со своей удивительно могу-
чей привлекательностью – не такой, какая обычно бывает у
любого существа женского пола между семью и семьюдеся-
тью годами. К ней меня тоже тянуло, без вопросов. Но дело
было не только в этом, но и в интеллектуальной интриге, и
в уверенности, что Страфа Альгарда будет разыгрывать куда
меньше драм.

Ты грязная тварь, искушение!

Я ощутил веселье невидимого наблюдателя.

Классическая дилемма.

В данный момент Тинни лидировала на фурлонг³. Едва
расслабившись и прислонившись ко мне, она стала удобной,
как разношенная обувь. Но Страфа могла поравняться с ней
или даже вырваться вперед, если Тинни здесь не будет, чтобы
смущать мой разум.

«Пора войти в дом, – предложил невидимый наблюда-
тель. – Что-то движется в темноте. Ты не захочешь оставать-

³ *Фурлонг* – единица измерения расстояния, равная 201,16 м.

ся снаружи, если оно направится в твою сторону».

62

Большой званый вечер Покойника продолжался.

Я повел Тинни в его логово.

Температура там поднялась. В воздухе из-за собравшейся толпы начали ощущаться запахи.

Пенни и Птица работали над портретами. Джимми Два Шага и младший из братьев Бутч расположились на складных стульях так, чтобы быть незаметными. Они сидели с закрытыми глазами – может быть, без сознания. Старые Кости, наверное, буравил их мозги. Там было немного того, что можно буравить. Как ни посмотри.

Ради художников комната была освещена ярче обычного. Лампы добавляли тепла.

Цвет лица Плеймета уже улучшился. В нем стало больше красок и жизни. И все равно Плеймет оставался долговременным проектом. Он многого потребует от Покойника, пока будут происходить все остальные события.

Старые Кости был чудом в покойной плоти, но и у него имелись свои пределы.

Когда он найдет время, чтобы поработать над Тинни?

«Рад, что ты заметил эту сложность прежде, чем мне пришлось упомянуть о ней самому. Буду счастлив возложить на тебя наблюдение за расписанием».

– То есть?

Я заглянул через плечо Пенни. Она сделала несколько набросков в движении, на всех была изображена очень привлекательная девушка. Теперь Пенни рисовала ее же – в полный рост, в разных позах и с разными прическами.

Все, что я смог сказать, это:

– Ух ты!

Тинни не пихнула меня. Она просто стояла молча, удивленная и завистливая.

«Ты позволяешь воображению и ожиданиям уносить тебя невесту куда. Именно дерзкий выбор костюма делает женщину такой поразительной. Мисс Тейт и ее племянница в подобном наряде выглядели бы точно так же впечатляюще».

Я ничего не сказал, но подумал, что младшая мисс Тейт имела бы преимущество перед старшей.

Веселье.

– Я не мертв. Я кое-что замечаю.

Я наблюдал за работой Пенни. Она была талантливой и проворной и без проблем находилась рядом со мной. Пуская в ход уголь и набор палочек для рисования производства Объединенной компании, придавала формы бригаде вымышленных девушек.

Птица занимался цветными портретами. Эта работа заставила уродливого сукина сына с ленивыми глазами выглядеть так, будто он собирался гавкнуть, податься вперед и откусить кусочек.

Тинни казалась потерянной. Я уловил, что Покойник попросил ее отойти назад и не мешать.

– Кто на этом наброске? – спросил я.

«Композиция из деталей, извлеченных из многих умов. Я не уверен, но этот человек может оказаться боссом похитителей трупов».

– Как мы до такого додумались?

«Мистер Птица – под моим руководством – создает портрет, составленный из кусочков, взятых из памяти всех, кто появлялся в пределах досягаемости с момента моего пробуждения. Похитители трупов – часть происходящего, и эта сторона остается неисследованной. Они собирают тела, которые потом перестраивают. Этот человек может представлять собой особый интерес. Если мы найдем его».

Он был прав. Такой метод не приходил мне в голову.

«Большинство наших посетителей никогда о нем не слышали. Немногие – слышали, но только по имени... Натан. Никто из наших друзей, никто другой не знает, что они на самом деле с ним встречались, но некоторые, возможно, и встречались, сами того не сознавая».

И это, вместе с неправдоподобной способностью устанавливать связи между вряд ли взаимосвязанными фактами, делало Покойника таким ценным.

– Он слегка похож на Барата Альгарду, – сказал я.

Тепло как будто покинуло комнату. Его Милость устроился в моей голове и изучал рисунки моими глазами, сквозь

призму моих предубеждений.

«Не Барат Альгарда. Глаз. Нос. Шрам».

У этого человека был шрам от ожога справа на голове, захватывающий часть уха.

«Попроси Бегущую по ветру прийти сюда».

Тинни двинулась было за мной. Споткнулась, остановилась, повернулась, нашла складной стул, разложила его и понесла в дальний темный уголок комнаты.

Проклятье! Может, я должен заставить Старые Кости научить меня этому трюку?

Страфа уставилась на шедевр Птицы. Сам художник устроил себе передышку, нянча бутылку спиртного.

– Я его не знаю, – сказала Страфа. – Но выглядит знакомо.

Не сознавая, что в темноте позади нас горят зеленые глаза, она сжимала обеими руками мою левую ладонь. Руки ее тряслись.

– Я подумал, он смахивает на Барата Альгарду.

Я не смог назвать этого человека ее отцом.

Она уставилась на картину и крепче сжала пальцы.

– И правда похож немного! Странно.

Страфа выпустила мою ладонь и заходила вокруг, осматривая картину под разными углами.

«У меня есть все, что нужно. Можешь отвести ее обратно».

– Итак, что думаешь? – спросил я Страфу.

– По-моему, это странно.

– Жаль. Что ж, нам это нужно.

На середине прихожей я спросил:

– Ты знаешь кого-нибудь, кто называет себя Натаном?

– Нет.

Два шага.

– погоди! Кажется, папиного дедушку звали Натан. Он умер, когда мне было четыре. Я помню, как подтянулась, держась за край гроба, чтобы на него посмотреть.

Уже в дверях кабинета Синдж она добавила:

– У него не было шрама от ожога.

– Спасибо.

Вернувшись в комнату Покойника, я спросил:

– Есть шанс, что этот парень – вампир?

«Мисс Альгарда сказала правду. Она действительно его не знает. Сомневаюсь, что он вампир. Но лицо его напоминает того человека, которого мисс Альгарда видела в гробу, когда была ребенком».

Вампиры недолго продержались в окрестностях Танфера.

Если заподозрят их присутствие, это объединит все классы и расы, как ничто другое. Одно только подозрение, что здесь появились вампиры, приведет к неистовой охоте.

«Ситуация может стать не менее отвратительной, чем охота на вампиров. Этот довод, возможно, скрывается за сдержанным поведением Холма».

Такие войны всегда выходили из-под контроля. В резуль-

тате невинным протыкали сердца палочками для еды. Последняя широкомасштабная охота на вампиров случилась, когда мне было девять лет. Она принесла больше несчастий, чем любое разразившееся с тех пор стихийное бедствие.

– Позволь спросить об этом генерала.

«Попроси его прийти и посмотреть картины».

Туп не узнал злодея. Он допускал, что за раздающимися приказами не вмешиваться может стоять ужас перед массовой истерией. Возможно.

У Тупа была почти такая же врожденная подозрительность, как и у Дила Шустера.

Туп вернулся к своей огненной воде, а Покойник тем временем размышлял:

«Нам нужно повидаться здесь с Баратом Альгардой и его дочерью. Эту задачу должна взять на себя Бегущая по ветру».

– Внушить ей такое может оказаться непросто.

«Вряд ли. Она согласится, если ты по-джентльменски попросишь и объяснишь, какие за этим кроются причины».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.